
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00324644 4

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/angelstrakhaidru00samy

489
91
4

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

АНГЕЛЪ СТРАХА

МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО.

М. СОЛОМОНОВЪ

МАРКЪ КРИНИЦКІЙ.

АНГЕЛЪ СТРАХА

и другіе разсказы.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

„МОСКОВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО".
1918.

PG
3470
S27 A75
1918

Типографія „ЗЕМЛЯ", Москва,
1-я Мѣщанская, 5.

АНГЕЛЪ СТРАХА.

(Валерію Яковлевичу Брюсову)

Страшенъ Ты, Боже, во святилищѣ Твоемъ!

Псаломъ 67, ст. 36

Я—ангелъ страха. Мнѣ было дано испытаніе пройти черезъ всю землю изъ края въ край. Я вышелъ въ полночь, а возвратился на утренней зарѣ.

Я видѣлъ море, бушующее у береговъ, и огромный корабль, наткнувшійся на подводную скалу. Одна за другою были спущены восемь шлюпокъ. Буря ревѣла, но и сквозь грохотъ валовъ я слышалъ рѣзкій плачъ дѣтей. Капитанъ остался умирать на кораблѣ. На мгновеніе вѣтеръ разорвалъ черное облако, и выглянувшій зловѣщій дискъ мѣсяца освѣтилъ корпусъ погибающей громады съ четкою надписью: «Надежда». Черная фигурка стояла у борта и хладнокровно курила. Вдали въ изрытой волнами поверхности мелькали двѣ шлюпки. Когда мѣсяцъ выглянулъ черезъ нѣсколько мгновеній опять, отъ корабля виднѣлась только верхушка мачты, да море выкинуло деревянные обломки вмѣстѣ съ трупомъ неизвѣстнаго мужчины.

Еще я видѣлъ, какъ подъ рукою усталаго человѣка въ кожаной курткѣ со стономъ повернулись двѣ желѣзныя полосы, и, звеня и громыхая, промчался поѣздъ, закованный въ желѣзную

броню и залитый электрическимъ свѣтомъ. Онъ выбрасывалъ тучи звѣздъ и тумана; красное зарево бѣжало за нимъ по землѣ. Человѣкъ въ фуражкѣ съ тремя серебряными полосками, держась одною рукою за рукоять механизма, управлявшаго движеніями чудовища, впивался глазами въ черную мглу. Другой былъ блѣденъ и спѣшилъ исполнять какія-то сложныя приказанія. Чудовище дрогнуло. Въ это время съ откоса навстрѣчу выбѣжали темные звенящіе силуэты огромныхъ цистернъ, раскачивая порванными цѣпями и сшибаясь буферами, онѣ летѣли по гладкимъ рельсамъ, развивая вокругъ себя дуновеніе и ревъ бури... Еще мгновеніе, и вся окрестность потонула въ смѣшанномъ лязгѣ и грохотѣ. Наступило молчаніе: лишь вѣтеръ шелестилъ въ кустахъ, да гдѣ-то раздавалось глухое шипѣніе. Вскорѣ надъ безформенной грудой всталъ коптящій столбъ воспламенившейся нефти, да вдали по линіи двигались съ двухъ противоположныхъ сторонъ два красныхъ огонька.

Я молча посмотрѣлъ на звѣзды и спѣшилъ дальше.

Мнѣ попадались вереницы почернѣвшихъ могильныхъ крестовъ, тянувшихся по холмамъ, пріосѣненныхъ старыми ветлами. Кругомъ лежали пустыри и лѣсистыя дебри.

Я видѣлъ спящіе города. Они лежали, какъ исполинскіе муравейники. Груды строительныхъ матеріаловъ навалены были по окраинамъ. Тамъ безконечно тянулись заборы и постоялые дворы съ усталыми, задумчиво вздыхающими клячами. Черные навѣсы боенъ ютились возлѣ безмолвныхъ кладбищъ, густо обросшихъ акаціями, а за ними тянулись свалки нечистотъ, издавая зловоніе. На станціяхъ горѣли тусклые огни; при однообразномъ звонѣ приходили и отходили сонные поѣзда. Неоконченныя насыпи выступали здѣсь и тамъ. Кое-гдѣ съ грохотомъ выбрасывали дымъ и паръ свѣтящіяся фабричныя зданія. А въ серединѣ царили сны. И, притаившись, я стоялъ на площадяхъ, какъ неясная, колеблющаяся тѣнь. Я ждалъ перваго мерцанія утра, чтобы устремиться вмѣстѣ съ предразсвѣтнымъ вѣтромъ. И взоры мои падали глубоко въ чрево домовъ, а слухъ ловилъ малѣйшія колебанія звуковъ.

Я читалъ сонныя грезы по лицамъ спящихъ людей и это были, большею частью, страшныя видѣнія, отъ которыхъ стыла кровь и

безумные крики исторгались изъ груди. Имъ снились пропасти, измѣны близкихъ, мучительныя болѣзни, внезапная смерть. Кто изъ нихъ просыпался, — чувствовалъ себя счастливымъ и говорилъ: «Это былъ только сонъ!» И я удивлялся этимъ несчастливцамъ, потому что ихъ дѣйствительность была не лучше самаго страшнаго кошмара. Тамъ и сямъ болѣзнь и смерть совершали среди нихъ втихомолку свое неутомимое дѣло. Окна аптекъ горѣли зловѣщимъ, тусклымъ блескомъ. Изрѣдка отворялись тяжелыя двери домовъ, и оттуда выходилъ врачъ или священникъ.

Творецъ сокрылъ отъ меня свѣтлую сторону бытія: всюду мой взоръ являлся лишь вѣстникомъ несчастія. Но я не могъ удержать своего любопытства: меня влекла къ себѣ черная бездна человѣческаго страданія. И чѣмъ больше я видѣлъ, тѣмъ сумрачнѣе становилось мое сіяніе и блѣднѣе звѣзды въ небесной вышинѣ.

Изнемогшій палъ я на зарѣ къ дверямъ рая, съ оледенѣвшимъ сердцемъ и потухшимъ челомъ.

И сказалъ мнѣ Пославшій:

— Я сотворилъ вселенную словомъ устъ. Кто ты, чтобы судить меня? Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ? Я возлюбилъ дрозда и копчика. Я возрастилъ анчаръ и лилію. Я—жизнь и тлѣніе!

И взялъ Онъ меня и положилъ въ храмѣ Своемъ у Святыхъ вратъ.

Объятый ужасомъ, лежалъ я предъ алтаремъ безъ мысли и движенія. Я видѣлъ трепетный свѣтъ гаснущихъ лампадъ. За окнами, въ сумрачныхъ нишахъ начинался день, зажигая розовымъ блескомъ стекло и хрусталь.

Гдѣ-то загремѣлъ засовъ. Вошли люди. Они не видѣли меня, но смутно чуяли мое присутствіе, полное таинственнаго содроганія, и говорили тихо, вполголоса, еле слышно ступая ногами среди жуткаго молчанія святилища.

Вдругъ гулко ударилъ колоколъ... Звукъ его спустился глубоко въ подземелье и, опершись, вышелъ и понесся въ неизмѣримую даль. Мнѣ показалось, что онъ ударилъ въ моемъ собственномъ сердцѣ.

Я всталъ и крикнулъ:

Я видѣлъ, какъ закачались люстры и дрогнули цѣпи лампадъ. Прильнувъ къ стекламъ купола, я крикнулъ еще и еще. Я видѣлъ, какъ кружились ласточки, испуганныя рѣзкими звуками моего голоса...

О, какъ мнѣ было отрадно кричать! Я чувствовалъ, какъ мой крикъ, крикъ, исторгшійся изо всего моего свѣтлаго состава, возмущеннаго зрѣлищемъ бытія, поднялся и всталъ до самаго небеснаго купола, сплетенный съ рыданіемъ мѣди и сотрясая тучи.

И я видѣлъ, какъ люди останавливались въ полѣ и на дорогахъ и прислушивались ко мнѣ: они удивлялись тому, что простая мѣдь заставляетъ дрожать въ нихъ сердце. О, какъ страшно было для нихъ вѣянье райской скорби!

И, словно очарованныя, собирались на мой крикъ безмолвныя, задумчивыя толпы. Я видѣлъ стариковъ, которые, казалось, не шли, а ползли, опираясь на клюку. Я видѣлъ женщинъ, печальныхъ, съ опущеннымъ взоромъ, которыя носили въ своихъ утробахъ младенцевъ. Улыбка замирала на устахъ юношей и дѣвъ, когда они переступали черезъ церковный порогъ, слизанный временемъ и сотрясенный звуками моего голоса. И только дѣти безпечно улыбались другъ другу и собственнымъ грезамъ, потому что они могли улыбаться и на смертномъ одрѣ.

Скоро всѣ арки и переходы храма наполнились молящимися. Скорбь и важность были написаны на ихъ угрюмыхъ и сосредоточенныхъ лицахъ. Я видѣлъ, какъ раскрывались ихъ сердечныя раны. Я слышалъ ихъ скорби, какъ біеніе глубокаго источника, скрытаго подъ землею.

И снова, охваченный мыслью о безысходности страданія, я ощутилъ приливъ чернаго отчаянія и, дерзко обращаясь мыслью къ Пославшему, я началъ вопрошать Его.

И вотъ Святитель взялъ чашу, стоявшую на алтарѣ, и, протянувъ ее къ блѣднымъ, потемнѣвшимъ отъ страданія лицамъ, сказалъ:

— Пейте отъ нея всѣ: это—кровь Моя, которую Я пролилъ за васъ...

Гдѣ-то высоко въ небѣ прощебетали ласточки.

— Кто измѣритъ число Моихъ мыслей и укажетъ ихъ кругъ? вспомнилъ я слова Пославшаго и безмолвно, подавленный величіемъ Божественной скорби, простерся предъ алтаремъ.

***

Я овѣянъ его святыми трепетными крыльями. Я вѣрю, что это—мой ангелъ-хранитель, который ведетъ меня увѣренною стопою надъ безмолвными, ничего не возвращающими безднами. Тернистъ мой путь, и нѣсколько разъ въ сомнѣніи отступалъ я передъ нимъ. Но каждый разъ ободрялъ онъ меня своею суровою и вмѣстѣ ласковой рукою. Другъ мой, этотъ путь страшенъ только для того, кто думаетъ, что жизнь—игрушка.

ТАЙНА БАРСУКА.

Не то, что мните вы, природа...
Ө. Тютчевъ.

Володя Бубновъ, [illegible] вернулся изъ лѣтней поѣздки по Крыму и Кавказу, откуда [illegible] съ собою добрую дюжину банокъ и [illegible] съ [illegible] морскими животными и цѣлый [illegible]. Онъ загорѣлъ и сильно возмужалъ.

Цѣлый день послѣ Володинаго пріѣзда въ имѣніе, его трофеи были предметомъ [illegible] вниманія; особенно [illegible] его младшіе братья и сестры. Они спрашивали:

— А эта гдѣ живетъ?

— Эта живетъ въ морѣ, на [illegible] большой глубинѣ.

— Она кусается?

— Ну, нѣтъ, эта не кусается.

— Что жъ она дѣлаетъ?

— Она засасываетъ все, что ей [illegible], инфузорій...

— А эту ты застрѣлилъ?

— Застрѣлилъ. Прицѣлился и — пафъ!

— Она кусалась?

— Что у васъ все «кусалась» да «кусалась»?

— А зачѣмъ ты убилъ?

— Развѣ не видишь? Для коллекціи.... Какой глупый!

— Для коллекціи... А-а... Ты будешь учиться?

— Разумѣется.

— А у насъ въ оврагѣ барсукъ живетъ.

— Meles vulgaris.... Meles taxus... Кто видѣлъ?

— Огородникова Саша...

— Саша? Это какая? Худая, высокая? Дылда такая?

— Христосъ съ тобою! Какая дылда? Ты видѣлъ ее въ прошломъ году,—сказала Володина мать:—теперь она у насъ первая красавица на деревнѣ...

— Сомнѣваюсь... Впрочемъ, не въ томъ дѣло. Такъ она видѣла?

— Видѣла, видѣла!.. Говоритъ: полосатый.

— Мм... «полосатый»...

— Развѣ они не бываютъ полосатые?

— Мм... Какъ вамъ сказать? Могутъ, хотя... Конечно бываютъ и полосатые, но... Meles vulgaris... Барсукъ обыкновенный... Они живутъ повсемѣстно въ Европѣ и сѣверной части Азіи...

— Они кусаются?

— Глупо!

Володѣ было очень совѣстно, что онъ не могъ припомнить, полосатые барсуки или неполосатые.

Онъ сердито собралъ коллекціи и ушелъ къ себѣ въ комнату.

— Ахъ, чортъ! — бормоталъ онъ: — съ какой стати выдумали, что онъ полосатый? Кто это полосатый? Гіена полосатая... Разъ! Hiaena striata... Еще кто полосатый?

Онъ досталъ зоологическій атласъ и сталъ его перелистывать.

— Вотъ онъ meles vulgaris! Какой же онъ, къ чорту, полосатый? Просто голова мѣстами бѣлая!..

— Володя! Володя! — раздалось за дверью:— Огородникова Саша пришла.

Володя поспѣшно закрылъ атласъ и крикнулъ:

— А, барсукъ! Сейчасъ мы его допросимъ...

За дверью засмѣялись Володиной остротѣ.

— Ну, гдѣ-жъ онъ, полосатый барсукъ?—насмѣшливо спросилъ онъ, выходя изъ комнаты.

Передъ нимъ стояла высокая стройная дѣвушка, стыдливо потупивъ глаза въ землю. Онъ сразу узналъ въ ней Сашу, неуклюжую, долговязую дѣвочку, которая носила къ нимъ клубнику; но теперь передъ нимъ стояло, дѣйствительно, очаровательное созданіе, такое легкое, такое хрупкое, съ длинными узкими и совершенно черными глазами, блиставшими по временамъ, когда она взглядывала на него, изумленьемъ и смутной тревогой; ото всей ея фигуры вѣяло деревенской дикостью и тою свободною граціей, которую обитатель лѣсовъ и полей невольно перенимаетъ у звѣря и птицы.

Приготовленное восклицаніе: «А, барсукъ!» замерло у него на устахъ, и онъ, стараясь скрыть овладѣвшее имъ смущеніе, пробормоталъ:

— Такъ... вы... говорите, видѣли? Здравствуйте, Саша!.. А она и впрямь похорошѣла!—добавилъ онъ развязно, обращаясь въ сторону террасы, гдѣ кто-то звенѣлъ посудой.

Саша покраснѣла. Дѣти обступили ихъ и смотрѣли на нихъ обоихъ съ любопытствомъ.

— Такъ полосатый?

— Полосатый-съ.

Она подняла на него опять свои глаза, длинные, горѣвшіе чернымъ блескомъ сквозь прищуренныя вѣки.

«Глаза чертовски хороши!»—сказалъ Володя про себя и въ свою очередь въ смущеніи потупился.

— Барсуки не бываютъ полосатые, замѣтилъ онъ менторскимъ тономъ:—у нихъ только на головѣ и шеѣ такія темныя пятна.

— Такъ точно-съ... въ родѣ какъ полосы-съ... Я его въ овсахъ подстерегла... Потомъ въ оврагахъ два раза видѣла: идетъ ровно поросеночекъ трюкаетъ...

Саша хихикнула и въ видѣ извиненія себѣ добавила:

— Будетъ вамъ, барышня! Все смѣшатъ... Я люблю звѣрей...

Дѣвочки захихикали, и Саша, окончательно переконфузившись, сказала:

— Я, баринъ, пойду...

— Постойте.... А вы когда его видѣли?

— Онѣ-съ больше по зорямъ отъ себя вылазіютъ...

— А вы меня проводите на это мѣсто?

Саша посмотрѣла на него блестящими глазами.

— Пожалуйте... Только вы, баринъ, въ него не стрѣляйте...

— Что жъ такъ?

— Онъ добрый; отъ него у насъ вреда никому... Это вотъ лисы-съ,—тѣ куръ таскаютъ, а за барсукомъ ничего такого, никакихъ такихъ провинностевъ... Ужъ вы, пожалуйста, баринъ.

— Вотъ глупости!

Ему нравилось казаться неумолимымъ.

— А на што онъ вамъ, баринъ? Его не ѣдятъ...

— Ну, этого тебѣ не понять! Не хочешь показывать, ребята на деревнѣ покажутъ.

Она вспыхнула.

— Что жъ, я все равно покажу.

— Въ такомъ случаѣ, я только ружье захвачу...

— Вы ступайте, баринъ, къ огородамъ,—сказала Саша:—а я тутъ крутомъ обѣгу.

Онъ кивнулъ головой въ знакъ согласія и пошелъ доставать ружье. Образъ дѣвушки съ черными узкими глазами, высокой и стройной, стоялъ передъ нимъ. «А на што онъ вамъ, баринъ?»—вспоминалось ему.

— Испугалась!—подумалъ онъ и самодовольно усмѣхнулся.

— Ты куда?—спросила Володю его мать Раиса Васильевна, когда онъ вышелъ съ ружьемъ за плечами:—Ого, уже и на охоту!

Узнавъ, что Саша вызвалась провожать Володю къ барсучьей норѣ, Раиса Васильевна выразила удивленіе.

— Такая сердобольная къ звѣрямъ! Ай, да Саша! что это съ ней сдѣлалось?

— Какая это ее муха укусила?—сказалъ меньшой, Сережа, пятилѣтній карапузикъ.

Всѣ засмѣялись.

Сопровождаемый цѣлою гурьбою дѣтей, Володя спустился съ террасы.

— Вы куда?—крикнулъ онъ имъ.

Онъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, почему-то ему не хотѣлось, чтобы дѣти слѣдили за нимъ по пятамъ.

Быть можетъ, причиной тому было то обстоятельство, что уже начинало темнѣть, и Саша ожидала его одна у огородовъ.

— И мы! И мы!

— Ну, ужъ нѣтъ! Покорнѣйше благодарю!—воскликнулъ Володя:—Онъ кусается...

— Какъ же онъ кусается?

— А вотъ такъ: вавъ: вавъ!

Володя принялся щипать дѣтей. Начался визгъ.

Рѣшено было, что мелюзга проводитъ его лишь до края парка.

Когда онъ проходилъ мимо оконъ флигеля, гдѣ занималъ комнату студентъ, приглашенный на лѣто репетировать одного изъ младшихъ его братьевъ, оттуда послышался дружелюбный голосъ:

— Куда, collega?

Въ окно высунулась худая, длинная фигура репетитора; лицо у него было худосочное и старообразное.

— На охоту?—спросилъ онъ тономъ, въ которомъ Володѣ почуялось неодобреніе.

— А это вы...—уклонился онъ отъ отвѣта, и вдругъ почувствовалъ въ первый разъ за весь этотъ день ясно и опредѣленно странное нерасположеніе, почти ненависть, къ этому долговязому филологу, отъ котораго постоянно несло какимъ-то скучнымъ и неопредѣленнымъ протестомъ.

— Барсука стрѣлять: онъ кусачій!—хоромъ объяснили за него дѣти.

— Барсука?—удивился скучный филологъ, и глаза его, большіе, сѣрые и меланхолическіе, приняли мучительно-тоскливое выраженіе:—Полноте!.. Зачѣмъ онъ вамъ?.. Такое мирное животное!

— Не скажите...

Володя повернулся итти.

— Можно и мнѣ съ вами?

— Знаете, чѣмъ больше народу... Дѣти со мной только до края парка.

— Нѣтъ, право жаль!.. Ахъ, какъ жаль!—вздохнулъ голосъ изъ глубины флигеля.

Но Володя уже не слушалъ.

На краю парка дѣти остановились, и онъ двинулся одинъ по скошенной травѣ къ огородамъ, за которыми начинались овраги.

Дѣти, усѣвшись на большой полукруглой скамейкѣ, принялись болтать. Главной темой были барсукъ и Саша, которая взялась показать его нору.

— Саша огородникова говорила: онъ по зорямъ росой питается.

— Его Богъ любитъ.

— Сашу огородникову звѣри не боятся, а насъ боятся.

— Саша огородникова иногда и ночуетъ въ полѣ!

— Она всѣ овраги обшарила.

— Она говоритъ: барышни, я — дикая, а вы — городскія! Хи-хи-хи!

— Она травы знаетъ.

— Какія травы?

— Всякія.

— И Володя знаетъ.

— Володя не такъ знаетъ: онъ ихъ по-латыни знаетъ, а она, какая трава почему прозывается.

— И собаки травы знаютъ: которая сбѣсится, бѣжитъ и ищетъ свою траву.

— Звѣри-то умнѣе людей. Вотъ что! Собаки покойниковъ чуютъ.

При словѣ «покойниковъ» дѣти стали оглядываться.

— Кто-то идетъ!

— Покойникъ...

— Охъ, я боюсь!

Дѣйствительно, въ полѣ, къ оврагу, были еще прозрачные сумерки, а паркъ уже начиналъ темнѣть густою ночною тѣнью.

— А! а! — стали перекликаться дѣти съ собственнымъ эхо, которое звонко разносило ихъ голоса.

— Покойникъ идетъ! — крикнулъ кто-то изъ мальчиковъ.

Дѣвочки взвизгнули и съ неистовыми криками бросились бѣжать.

Вскорѣ голоса ихъ замерли въ глубинѣ парка. Тогда изъ бо-

ковой аллеи, дѣйствительно, показалась чья-то высокая, нескладная фигура; она подошла къ самой канавѣ, ограждавшей паркъ, влѣзла на песчаный валикъ и, приложивъ свои длинныя руки съ широкими ладонями козырькомъ ко лбу, усиливалась что-то разсмотрѣть вдали.

Это былъ студентъ-репетиторъ, Иванъ Григорьевичъ.

Постоявъ на валикѣ, онъ перепрыгнулъ назадъ канавку, задумчиво сѣлъ на опустѣвшую скамейку, не спѣша вынулъ портсигаръ и закурилъ. Курилъ онъ и оглядывался по сторонамъ, точно прислушиваясь не прогремитъ ли рѣзкое, безпощадное эхо ружейнаго выстрѣла.

Вдали прозвучалъ мелодичный женскій голосъ.

— А—у—у! Владиміръ Васильевичъ, а—у—у!

— О—о—о...—отвѣтило сдавленное эхо мужскаго грубаго голоса.

Иванъ Григорьевичъ удивленно поднялъ голову и прислушался.

Между тѣмъ Володя прошелъ, никого не встрѣтивъ, черезъ всѣ огороды и дальше, до самыхъ овраговъ, и уже повернулъ было назадъ. Онъ думалъ, что дѣвушка не придетъ, и ему стало досадно.

— Жалѣетъ барсука или сама боится?—подумалъ онъ вслухъ и разстегнулъ рубаху-косоворотку: ему было жарко и душно.

Онъ видѣлъ, какъ ночь надвигается изъ-за парка вмѣстѣ съ чуть ощутимымъ прохладнымъ вѣтеркомъ. Казалось, сюда же поворачивались на тонкихъ стебелькахъ и чуть дрожащіе листики на макушкахъ ольховой и осиновой заросли. И звѣзды какъ-будто двигались сюда же вмѣстѣ съ тихо вращающимся небосводомъ.

— Какъ жизнь хороша!—прошепталъ онъ въ порывѣ стихійнаго восторга и вдругъ почувствовалъ совершенно опредѣленно, что вмѣстѣ съ этою ночью придетъ и она, эта странная узкоглазая дикарка, и даже вздрогнулъ отъ сладостнаго ощущенія этой увѣренности.

Полный всепобѣждающей истомы, онъ тихо опустился въ траву и началъ безотчетно ждать.

Вдругъ онъ почувствовалъ какъ бы легкое дуновеніе въ лицо.

Онъ приподнялся и посмотрѣлъ вдаль. Надъ травой, точно безплотное видѣніе, пронизанная лучами погасающей зари, прямо на него двигалась чья-то бѣлая тѣнь.

— А—у—у! Владиміръ Васильевичъ, а—у—у!—донеслось до него.

— Сюда-а!—отозвался онъ и сейчасъ же вполголоса добавилъ:—Тише! Не кричи такъ!

Она медленно направилась въ его сторону.

Огородникъ Горбовъ, высокій, подавленный собственною вышиною мужчина, смуглый, черноволосый, съ добродушной улыбкой себѣ въ бороду, стоялъ возлѣ террасы и говорилъ:

— Обижаетъ насъ барсукъ: морковь и свеклу воруетъ... Только, правду сказать, немного: лѣнивъ онъ, надо такъ сказать, Владиміръ Васильевичъ. Въ овсы было повадился по вечерамъ ходить... Чистая бѣда: залежетъ на всю ночь и сосетъ. Много у Чебуринскихъ ребятъ овсовъ перемялъ...

— Они бы его истребили,—сказалъ Володя.

— Кто же его знаетъ, Владиміръ Васильевичъ... Не желаютъ.

— А ты бы самъ пристрѣлилъ.

— Мнѣ онъ, надо правду такъ сказать, Владиміръ Васильевичъ, не мѣшаетъ: лѣнивый какой-то задался барсукъ... Опять же изъ ружья когда попугаешь, собакъ на ночь привязываю... Пущай его!

Онъ добродушно махнулъ рукою.

— Странно, чего жъ мужики смотрятъ?

— А кто жъ его знаетъ, Владиміръ Васильевичъ... Жалѣютъ видно: она тихая животная, безвредная...

— Нечего сказать, безвредная: овсы портитъ.

— Противъ этого ничего не могу сказать: немного обижаетъ барсукъ... Поговаривали тутъ мужики, больше изъ молодыхъ ребятъ. Что-то не слыхать теперь: видно ни на чемъ рѣшили.

Онъ плутовато ухмыльнулся.

— Старики заступаются.... Прежде этого звѣря много было въ окружности. Лоси были, лисы тоже... Теперь ничего нѣтъ... Одинъ

барсукъ единственный: лестно!.. Волкъ еще зимою заходитъ: лѣтошнюю зиму Лаврентій двоихъ повалилъ... Уважаютъ они барсука. Медленный изъ себя звѣрь: выйдетъ—осматривается; ежели, примѣрно, упражняться—въ кусты отходитъ: опрятный изъ себя звѣрь... Старики все про нихъ разсказываютъ: мы сами, конечно, по слуху... Живетъ будто въ одиночествѣ, ровно скимникъ: никуда не показывается... Такъ что, можно сказать, и есть онъ и нѣтъ его: какъ вамъ будетъ то-есть угодно.

— Да кто его видалъ?

— Кто его видалъ-то? А кто жъ его знаетъ... Въ оврагахъ видали: въ родѣ поросенка трюкаетъ... Александра сказываетъ, видала: такъ въ норѣ и живетъ. Ихъ по осени съ собаками таксами выкапываютъ: привяжутъ собакамъ таксамъ бубенчики и пускаютъ въ нору во всѣ выходы,—по бубенчикамъ, да еще по визгу и копаютъ....

— Послушайте, Горбовъ, — спросила Раиса Васильевна:—я слыхала, что Саша—невѣста. Правда это?

— По осени думаю выдать. Мѣщанинъ тутъ одинъ изъ слободы посватался. Овощная у нихъ.

— Какъ вы рано ее выдаете! Сколько ей?

— Вотъ шишнадцать минетъ. Что за рано? Вы знаете, какой теперь народъ? Развратный. На весь вѣкъ несчастной сдѣлаютъ. Мы люди несостоятельные: кто захочетъ, тотъ и злоупотребляетъ. А какой у дѣвчонки разумъ? Насмотрѣлись мы на разные примѣры. Удивительно, какой развратный народъ сдѣлался!

— Своей охотой Саша-то идетъ?

— Какъ сказать? Этого, надо правду говорить, нѣтъ. Своя-то охота вонъ куда заводитъ!

— Жаль.

— Ничего, не жалѣйте. Этакъ-то крѣпче. По крайности, къ своему мѣсту приткнется... Дѣвушка, что вѣтеръ. Опять же мать у ней померла.

Онъ постоялъ, помолчалъ и потомъ началъ прощаться.

— Прощенья просимъ, Раиса Васильевна.

— Прощайте, Горбовъ.

Онъ повернулся и пошелъ. Володя глядѣлъ ему вслѣдъ

Онъ видѣлъ, какъ Горбовъ пересѣкъ дорогу, медленно, точно что-то обдумывая, какъ онъ потомъ шагнулъ черезъ канаву и внимательно осмотрѣлся по сторонамъ.

— Барсукъ!—подумалось Володѣ.

Удивительно скоро промчался конецъ лѣтнихъ каникулъ.

Какъ-то Иванъ Григорьевичъ спросилъ Володю за обѣдомъ:

— Что же, выслѣдили вы барсука? Я замѣтилъ, вы каждый вечеръ туда ходите и все съ ружьемъ.

Володя посмотрѣлъ на говорившаго въ упоръ: что у него за манера всюду совать свой носъ?

— Чортъ его подкараулитъ!—проворчалъ онъ вмѣсто прямого отвѣта.

— Ахъ, Володя!—сказала Раиса Васильевна и укоризненно показала глазами въ сторону дѣтей.

— По-моему, этотъ барсукъ — просто легенда, — прибавила она:—я не вѣрю въ его существованіе.

— Ну, положимъ, нѣтъ!—авторитетно замѣтилъ Володя:—по всѣмъ признакамъ это—дѣйствительно, барсукъ, только подкараулить его не такъ-то легко. Во-первыхъ, для этого требуется лунная ночь, хотя впрочемъ не слишкомъ свѣтлая, во-вторыхъ, часто приходится прождать нѣсколько ночей, не смыкая глазъ, прежде чѣмъ его благородіе осмѣлится высунуть носъ: въ-третьихъ, для этой цѣли дѣлаются особыя охотничьи приспособленія: засада на деревьяхъ и т. п. Рано или поздно, я его, конечно, подстрѣлю.

— Зачѣмъ?—спросилъ Иванъ Григорьевичъ, и Володѣ почудился въ звукѣ его голоса враждебный и настойчивый вызовъ.

Володя нехотя поморщился.

— А хоть бы для коллекціи...

— Это увеличитъ ваши знанія?

— Знаете, вы не можете этого... понять,—процѣдилъ Володя сквозь зубы, инстинктивно чувствуя, что противникъ силенъ въ спорѣ, и желая импонировать ему тономъ и манерами:—вы подъ знаніемъ, простите, вѣроятно разумѣете какія-то правила и исключенія... Этакіе аршинные печатные столбцы!

Онъ сдѣлалъ насмѣшливый жестъ.

— Бѣда съ вашимъ братомъ филологомъ! Мама, можно мнѣ закурить? Я сладкаго не буду.

— Кури!

— Мерси.

Онъ закурилъ.

— Вы, думаете, какъ, батенька, изучаютъ природу?—продолжалъ онъ, закуривъ и капризно морщась отъ дыма.—Не иначе, какъ со скальпелемъ!

— Я противъ этого не спорю, — сказалъ Иванъ Григорьевичъ,—но я оправдываю скальпель въ рукахъ ученаго, дѣлающаго открытіе, а не въ рукахъ ученика.

— Это не грамматика! Тутъ, батенька, эмпирія: что увидѣлъ, тѣмъ и живъ.

— Вы можете пользоваться прекрасными учебными изданіями...

— То да не то! Жизни настоящей нѣтъ! Понимаете, чего-то такого... аромата какого-то природнаго. Въ химической иногда возьмешь и на кончикъ языка попробуешь... Понимаете, впечатлѣніе совсѣмъ другое! Такъ вотъ и этого барсука... Сдерешь это съ него кожу, распорешь брюхо, поглядишь, какъ расположены внутренніе органы... Самый этотъ запахъ барсучій, кровь эта и мозгъ...

— Перестань, Володя! — воскликнула Раиса Васильевна: — Я не могу этого...

Володя добродушно хохоталъ.

— Эхъ, вы!

— Положительно, это—личная жестокость!—сказалъ Иванъ Григорьевичъ.—Жестокость и кровожадность, неоправдываемыя и необъяснимыя ничѣмъ, кромѣ инстинкта уничтоженія.

— Э, ерунда!—отрѣзалъ Володя. — Если смотрѣть такъ, то мы губимъ другія жизни на каждомъ шагу. Чѣмъ комаръ или, наконецъ, крыса хуже барсука? И почему потребность любознательности безнравственнѣе другихъ потребностей? Я, напримѣръ, согласенъ лучше не пообѣдать, а изготовить одинъ-другой препаратикъ изъ птички или звѣрька... Наконецъ, de gustibus non disputandum.

— Впрочемъ я, кромѣ того, не думаю, что природу вообще можно узнать при помощи скальпеля, — неожиданно, замѣтилъ Иванъ Григорьевичъ.—Земной пластъ въ разрѣзѣ это уже не природа... Скелетъ животнаго на проволокахъ—тоже не природа.

— Но тогда, извините, я ровно ничего не понимаю.

— Я нахожу наше увлеченіе точнымъ знаніемъ, которое ввело въ изученіе природы мѣру и цифру, одностороннимъ. И, вообще, я противъ стремленія объяснить природу и жизнь изъ простыхъ началъ. Я ничего не имѣю противъ такого стремленія, какъ извѣстнаго пріема или метода изслѣдованія, но это—далеко не все: отъ подобнаго точнаго изслѣдованія неизбѣжно ускользаетъ что-то общее, я бы сказалъ: какая-то тайна жизни... Напримѣръ, возьмемъ астрономію, телескопы...

— Вообще, вы хотѣли бы вернуть человѣчество назадъ, замѣтилъ Володя насмѣшливо.

— Древніе не имѣли ни телескоповъ, ни микроскоповъ, но, надѣюсь, вы не будете отрицать того, что они были народами культурными?

— Древняя культура оказалась несостоятельною...

— А гдѣ у васъ критерій состоятельности культуры?—крикнулъ Иванъ Григорьевичъ.—Почему наша культура состоятельнѣе? Древніе вѣрили въ дріадъ, въ нимфъ и не испытывали того проклятаго раздвоенія души, которое наблюдается въ наши дни. Да, я положительно утверждаю, что Гомеръ былъ культурнѣе любого изъ насъ, культурнѣе любого изъ крупныхъ поэтовъ нашего времени, хотя бы того же Гёте, о которомъ нашъ Баратынскій сказалъ:

Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна.

Это вотъ съ нимъ, съ Гомеромъ, дѣйствительно, говорила морская волна! Одинъ изъ современныхъ нашихъ поэтовъ сказалъ:

Мы бродимъ въ неоконченномъ зданіи...

А я позволю себѣ еще къ этому прибавить: и врядъ ли мы его когда окончимъ. Пока что, мы только были призваны разрушать. Мы—варвары. Мы похитили у древняго міра его цивилизацію и

религію, усвоили себѣ и то, и другое, но лишь для того, чтобы въ себѣ разложить. Вся наша общественная жизнь, вся наша философская и научная дѣятельность роковымъ образомъ устремлялась къ ниспроверженію тысячелѣтнихъ устоевъ древней культуры. Мы всѣ живемъ въ духовномъ смыслѣ какъ бы на бивуакѣ. Повторяю еще разъ: мы—все еще варвары въ походѣ; эпоха великаго переселенія народовъ не кончилась.

— Итакъ, по вашему во всемъ телескопы виноваты?—спросилъ иронически Володя.

— Телескопъ измѣнилъ картину міра, но врядъ ли къ лучшему.

— Нѣтъ, какъ хотите, это крайность,—сказала Раиса Васильевна:—я сама смотрѣла у Швабе, на Кузнецкомъ, на луну. Право, это премило! И, кромѣ того, оказывается, что звѣздъ несравненно больше, чѣмъ видишь ихъ простымъ, невооруженнымъ глазомъ... Нѣтъ, я за астрономію горой!

— И вообще,—продолжалъ Иванъ Григорьевичъ,—есть что-то связующее непосредственно человѣка съ природой, какая-то таинственная гармонія, которая разрушается всякимъ анализомъ: телескопъ разнимаетъ небо на части, раздвигаетъ его въ безконечную перспективу, уничтожаетъ созвѣздія: точно такъ же пуля и скальпель обращаютъ живое созданіе, полное свободной граціи и таинственной прелести дикой природной жизни, въ гніющій, пересыпанный нафталиномъ препаратъ.

— Вы поэтъ!—сказала Раиса Васильевна, мечтательно вздохнувъ.

Володя молчалъ: у него было странное желаніе, чтобы этотъ человѣкъ говорилъ, потому что его слова, дѣйствительно, задѣвали за что-то живое. Однако, онъ сказалъ:

— Темна вода во облацѣхъ!

Но Иванъ Григорьевичъ не обратилъ вниманія на это замѣчаніе, какъ-будто онъ имѣлъ способность смотрѣть въ глубину Володиной души и по тону голоса судить объ его истинныхъ чувствахъ. Старообразныя морщинки на его лицѣ разгладились, и глаза свѣтились вдохновеніемъ мыслителя, который чувствуетъ обаяніе своихъ словъ.

— Извините, что я говорю скачками,—продолжалъ онъ:—но вотъ напримѣръ, древніе вѣрили въ астрологію: въ этомъ, въ сущности, абсурдномъ вѣрованіи, можетъ быть, заключенъ живой глубокій смыслъ; между тѣмъ астрономія, при всей своей несомнѣнности, мертва, потому что она уничтожила наше прекрасное небо, бросила нашъ духъ въ безпредѣльность, т.-е. въ реальное ничто... Или вотъ еще примѣръ: можно разложить музыкальную пьесу на ея составные элементы, вычислить паузы и интервалы и каждую ноту сыграть отдѣльно, внѣ общей связи, и это уже будетъ не музыка: вмѣстѣ съ анализомъ пропадетъ и нѣчто общее, что анализъ неизбѣжно разрушаетъ.

— Этакъ можно договориться и до гармоніи небесныхъ сферъ... — сказалъ Володя съ иронической усмѣшкой.

— Видите ли,—продолжалъ Иванъ Григорьевичъ, — разумъ, ratio, охватываетъ лишь общее, чувство же стремится постичь индивидуальное. Я говорю: «чувство», за неимѣніемъ лучшаго слова, чтобы передать это единство непосредственнаго постиженія живой, никогда не повторяющейся дѣйствительности. Съ точки зрѣнія разума, вы предположимъ — млекопитающее такого-то вида, или еще что-нибудь въ этомъ родѣ; съ точки зрѣнія «чувства» — Владиміръ Васильевичъ Бубновъ. Научное знаніе захватываетъ лишь поверхностный абрисъ естества. Чтобы изслѣдовать такимъ образомъ природу, мнѣ кажется, надо имѣть сердце суровое и равнодушное. Вообще, мнѣ кажется, занятіе естествоиспытателя способно вытравить изъ души сочувственный взглядъ на природу и жизнь. Это ужасно читать природу по термометру и барометру, живые цвѣты по мертвому, однообразному опредѣлителю, ежечасно совлекая съ природы ея таинственный покровъ, обращая краски и звуки въ холодныя цифры. И въ этомъ, помимо дерзости, заключается еще какъ бы нѣкій цинизмъ.

— Нѣтъ, вы положительно поэтъ!—воскликнула Раиса Васильевна:—вы, навѣрное, пишете стихи?

— Нѣтъ, стиховъ я не пишу.

— Неправда: навѣрное, пишете! Вы такъ образно выражаетесь, такъ интересно, хотя, конечно, съ вами трудно согласиться. Нельзя же отвергать термометры! Я съ этимъ не могу согласиться.

— Позвольте, при чемъ же тутъ цинизмъ? Почему цинизмъ? —спросилъ Володя, пожимая плечами.

— Дѣти, креститесь и выходите изъ-за стола!

— Мама, мы хотимъ послушать...

— Ступайте, ступайте! Мало ли о чемъ говорятъ старшіе! Это васъ не касается... На здоровье, душечка! На здоровье!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ понять здѣсь «цинизмъ»? Ну, еще дерзость я допускаю: чтобы проникать въ тайны природы, надо быть дерзновеннымъ и такъ далѣе, и такъ далѣе...

— Природа представляется мнѣ великою дѣвственницей, — тихо сказалъ Иванъ Григорьевичъ. —У нея есть своя дѣвственная тайна. Вотъ, мнѣ кажется, профанація этой дѣвственной тайны и составляетъ одну изъ самыхъ острыхъ формъ проявленія человѣческаго цинизма. Цинизмъ есть, вообще, упрощенное, открытое обращеніе съ вещами, требующими по самой своей сущности сложнаго и таинственнаго къ себѣ отношенія. Природа требуетъ именно такого отношенія.

— Декадентство!—сказалъ Володя, чувствуя, какъ въ груди у него поднимается глухое, тоскливое раздраженіе противъ этого человѣка, который будилъ въ немъ никогда ранѣе не звучавшія струны:—Какая тайна? Никакой тайны нѣтъ! Все должно быть яснымъ...

— Оставь, Володя! — томно сказала Раиса Васильевна. — Я такъ люблю немного пофилософствовать въ сумерки.

Вошла горничная съ лампой.

— Ну, вы сидите, философствуйте,—рѣзко сказалъ Володя, вставая,—а я пойду, пройдусь.

— Слыхали вы, какъ Горбовъ избилъ Сашу? —спросила Раиса Васильевна за утреннимъ чаемъ.—Это ужасный негодяй! Такой деспотъ!

— Сашу? Какъ? За что?—посыпались вопросы.

— Не хочетъ идти замужъ. Пріѣзжалъ женихъ, а она въ лѣсъ убѣжала....

— Подѣломъ,—сказалъ Володя сквозь зубы.—И, вообще, мама, мнѣ кажется, это не наше дѣло. Можетъ быть, по ихъ дѣламъ

ей необходимо выйти замужъ. Что за странная опека съ нашей стороны? Впрочемъ, если ужъ ты такъ добра, отдай Горбову огороды въ безвозмездное пользованіе...

— Меня удивляетъ, Володя, твое разсужденіе!—сказала Раиса Васильевна, сильно волнуясь.—Вѣдь это насиліе!

— Всѣ онѣ въ этомъ быту выходятъ замужъ не по своей волѣ... Да и, наконецъ, онъ ея отецъ, а вы кто?

— Но вѣдь онъ ее такъ избилъ, что она лежитъ.

— Ну, это она, навѣрное, преувеличиваетъ: такъ, потаскалъ за волосное правленіе, для порядку.

— Барыня,—доложила горничная, входя впопыхахъ на террасу:—тамъ на кухню прибѣжала Саша, убивается, просится спрятать ее.

У горничной, пожилой, приличной дѣвушки съ восковымъ наличнымъ лицомъ, одѣтой въ туго накрахмаленное платье, нельзя было разобрать, сочувствуетъ она происшествію или нѣтъ. Она просто докладывала, выжидая, какое впечатлѣніе произведетъ это на господъ.

— Какое жъ мы имѣемъ право спрятать? Ахъ, Боже мой!—заволновалась Раиса Васильевна.

Горничная презрительно улыбнулась и сказала грубымъ голосомъ:

— Я ей говорила... Нешто она понимаетъ? Таращитъ глаза, какъ очумѣлая. «Спасите,—плачетъ, — спасите»!—Ровно очумѣлая, прости Господи!

— Я сама поговорю съ Горбовымъ!—сказала Раиса Васильевна, вставая.—Нѣтъ, я этого такъ не могу оставить.

— Поговорите, барыня, пожалуйста!—попросила горничная, внезапно изобразивъ на своемъ лицѣ сочувствіе.—Такой мужикъ! Всю дѣвочку синяками изукрасилъ... Негодяй!

— Гдѣ она тамъ? Позовите ее ко мнѣ!—приказала Раиса Васильевна.

— Я прошу васъ, мама, этого не дѣлать,—сказалъ Володя взволнованнымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Но почему, мой другъ?

— Почему? Вы хотите знать, почему?.. Потому, что Горбовъ можетъ наговорить вамъ грубостей... и будетъ правъ!

— Но какъ же не заступиться за дѣвочку? Пускай наговоритъ! Я пригрожу ему, что не стану сдавать въ аренду огородовъ.

— Вы думаете, вы спасете ее такими угрозами отъ побоевъ? Ош-шиб-аетесь!

— Но что же сдѣлать? Оставить такъ?

— Разумѣется. Конечно, я не одобряю побоевъ, но что вы можете сдѣлать противъ темной силы? Ахъ, все это такія сентиментальности!

— Нѣтъ, нѣтъ, я все-таки съ нею поговорю...

— Да о чемъ?

— Такъ... утѣшу, успокою....

— Напротивъ, своимъ участіемъ вы ее только хуже разстроите... Словомъ, я васъ прошу не вмѣшиваться... ради вашего же спокойствія прошу.

— Право же, Володенька... Наконецъ, она моя крестница... Нѣтъ, я не могу... Позовите, ее сюда!

— Слушаю-съ,—сказала горничная и поспѣшно вышла.

— Въ такомъ случаѣ я умываю руки,—сказалъ Володя, блѣдный отъ раздраженія и съ оскорбленною миною спустился съ террасы въ паркъ.

На одной изъ дорожекъ ему попался Горбовъ, нахмуренный, молчаливый. Онъ, видимо, шелъ за дочерью. Поровнявшись съ Володей, онъ сказалъ:

— Санька опять убѣгла. Сдѣлайте вы такую Божескую милость: прикажите гонять ее со двора... Вѣдь этакъ что же? Женихъ пріѣхалъ изъ города, а мы ее повсюду искать... Ахъ, ты, Бож-же мой!

Изливъ свое огорченіе, онъ вдругъ сорвался съ мѣста и съ злымъ, хищнымъ выраженіемъ лица зашагалъ дальше.

Володя нерѣшительно посмотрѣлъ ему вслѣдъ, потомъ пожалъ плечами и направился къ оврагамъ. Долго видно было, какъ онъ шелъ между кустами, понуря голову и какъ бы въ раздумьи останавливаясь, пока его мужественная, молодая фигура не смѣшалась съ моремъ зелени.

Спустя нѣсколько минутъ, по тому же направленію, крадучись, пробиралась женская фигура. По желтому платку можно было узнать Сашу. Только платокъ былъ сбитъ на сторону, и всѣ движенія дѣвушки были необычны для нея. Она шла, нагибаясь къ землѣ, и оттого ея руки казались длиннѣе обыкновеннаго; вся она напоминала затравленное животное. Нескладно передвигая своими длинными, худыми, какъ спички, ногами, по которымъ безпомощно трепалась какая-то короткая ситцевая ветошка краснаго цвѣта, она перебѣгала отъ куста къ кусту, прячась и припадая. Иногда она останавливалась и съ шумомъ сморкалась двумя пальцами. Волосы ея были растрепаны; глаза и губы распухли отъ слезъ.

— Сань-ка! Поди сюды, стерва-а!—слышался голосъ Горбова на опушкѣ.

То, что услышалъ случайно Иванъ Григорьевичъ, лежа у своихъ осинокъ на мягкомъ ползущемъ мху, преисполнило его сердце негодованіемъ.

Говорили два голоса, мужской и женскій: Володинъ и Саши «огородниковой».

— Баринъ, хорошій, милый, Володенька...

— Ну? Что же дальше?

— Убьетъ онъ меня, какъ на мнѣ женится...

— Будетъ тебѣ говорить глупости! Умная дѣвушка, а говоришь вздоръ...

— Не проститъ онъ... Вы ничего, Володенька, не знаете..: Быту нашего этого самаго... Куда ни на есть ушла бы я въ услуженіе... Въ горничныя бы, мамаша, Раиса Васильевна, взяли меня... Баринъ, голубчикъ, не уходите! Миленькій!.. Ахъ, батюшки, кто это?

— Гдѣ?

— Смотрите, лежитъ хтой-то... подъ деревомъ...

Голоса зашептали и замолкли.

Черезъ минуту къ Ивану Григорьевичу подошелъ Володя; тотъ лежалъ съ закрытыми глазами.

— Спите?—отрывисто спросилъ Володя.

— Нѣтъ.

— Только что проснулись?

— Я не спалъ.

— Значитъ, вы... вы слышали?

— Слышалъ.

Молодые люди замолчали. Володя задыхался отъ бѣшенства.

— Вы... вы подслушивали!—сказалъ онъ, наконецъ.

Иванъ Григорьевичъ поднялся и сконфуженно забормоталъ:

— Зачѣмъ вы оскорбляете меня? Вы сами виноваты, вы, вы!—а позволяете себѣ оскорблять меня только потому, что я оказался невольнымъ свидѣтелемъ вашего... не знаю, какъ назвать... вашего...

— Позвольте вамъ подсказать: некрасиваго поступка?

— Да!—нѣсколько потверже произнесъ Иванъ Григорьевичъ, но лицо его сдѣлалось еще болѣе сконфуженнымъ.

— Больно наплевать!—развязно сказалъ Володя, чувствуя, какъ густо краснѣетъ отъ нестерпимой обиды.—Сентиментальный вы поэтикъ...

Онъ пріискивалъ какое-нибудь особенно обидное слово, чтобы разомъ уничтожить имъ этого сосульку-филолога, въ жилахъ котораго двигалась не кровь, а лимфа, но какой-то туманъ застилалъ ему голову, и онъ только слышалъ стукъ собственнаго сердца.

— Эй, послушайте!—крикнулъ онъ вслѣдъ уходившему репетитору:—Какъ васъ?.. Хотите, сегодня же подстрѣлю барсука?

Онъ самъ не понималъ, что говорилъ. Ему только хотѣлось оскорблять и оскорблять; если можно, даже избить этого человѣка, который былъ невольнымъ свидѣтелемъ его униженія, избить за то, что онъ съ своей дряблой, малокровной душонкой осмѣливается произносить ему нравственный приговоръ, этотъ маньякъ!

— А, чортъ! Слушайте же, когда вамъ говорятъ!

Онъ догналъ его и схватилъ за рукавъ. Иванъ Григорьевичъ посмотрѣлъ на него расширенными отъ страха глазами. Володя походилъ на пьянаго, и, дѣйствительно, былъ какъ въ опьянѣніи подъ вліяніемъ охватившаго его животнаго желанія быть матерьяльно, грубо сильнымъ и страшнымъ

— Я привыкъ, чтобы меня слушали, когда я говорю!—крикнулъ онъ, задыхаясь.

— Что же вамъ угодно? У насъ, кажется, нѣтъ, ничего общаго...—пролепеталъ Иванъ Григорьевичъ.

— Мнѣ угодно вамъ сказать, что я спеціально затѣмъ застрѣлю барсука, чтобы доставить вамъ неудовольствіе. Вотъ!

И онъ грубо и неискренне расхохотался.

— Вы позволяете себѣ издѣвательство,—сказалъ Иванъ Григорьевичъ, блѣдный отъ волненія:— Что я вамъ такого сдѣлалъ?

— Ровно ничего,—отвѣчалъ Володя, стараясь казаться равнодушнымъ:—Просто вы мнѣ противны... Не попадись вы мнѣ сейчасъ на дорогѣ, вы были для меня безразличны. А сейчасъ, въ силу этого безмозглаго случая, вы получаете нѣкоторое право корчить добродѣтельныя гримасы!.. Понимаете, мнѣ наплевать на васъ и на ваши гримасы!.. Я презираю подобныхъ психопатовъ...

— Къ чему вы мнѣ все это говорите?—спросилъ Иванъ Григорьевичъ нѣсколько тверже, начиная чувствовать что-то похожее на состраданіе къ этому краснощекому и плотному парню, потерявшему всякую способность управлять собою.

— Къ чему?

Володя смѣрилъ говорившаго глазами.

— Вы, кажется, собираетесь меня допрашивать?

— Я? нисколько!—возразилъ Иванъ Григорьевичъ, совершенно овладѣвъ собою:—Мнѣ хотѣлось вамъ только сказать, что вы напрасно такъ волнуетесь. Я самъ очень сожалѣю, что былъ, такъ сказать, невольнымъ свидѣтелемъ... Впрочемъ, я, вѣдь, завтра же уѣзжаю и, слѣдовательно, этимъ все кончается...

Но Володя не слушалъ его: онъ понималъ, что филологъ говоритъ «слова», а ему хотѣлось дѣйствительно доказать ему, что правъ, онъ, Володя. Ему вспомнился тотъ первый вечеръ на оврагахъ, когда Саша вмѣстѣ съ теплымъ дыханіемъ ночи шла къ нему по скошенной травѣ, и погасавшая заря окружала ее страннымъ ореоломъ. Вспомнилось ему и то, какъ онъ прошепталъ тогда про себя: «Вотъ идетъ моя дѣвушка»! И какъ ему было хорошо знать, что въ мірѣ есть эта его дѣвушка, и какъ онъ былъ преисполненъ благодарности ко всей природѣ: къ этимъ овра-

гамъ, къ этому небу, на которомъ уже загоралась Большая Медвѣдица, къ этимъ осинкамъ съ алыми верхушками, протягивавшимъ къ нему свои трепетные листики. Вѣдь онъ зналъ тогда и не сомнѣвался, въ то мгновеніе, что эта дѣвушка принадлежитъ ему по праву, по тому же неписанному, но несомнѣнному праву, по которому принадлежитъ ему этотъ воздухъ, эта Большая Медвѣдица, этотъ дивный моментъ существованія, удѣленный для него отъ темной и бездонной вѣчности... Почему же онъ стыдится своего поступка теперь, передъ этимъ человѣкомъ, закостенѣвшимъ въ своей условной морали?

И Володѣ вдругъ страстно захотѣлось сбросить съ себя этотъ посторонній гнетъ, почувствовать себя опять свободнымъ, смѣлымъ и развязнымъ, какимъ онъ чувствовалъ себя съ Сашей до этой проклятой встрѣчи съ Иваномъ Григорьевичемъ.

— Впрочемъ,—воскликнулъ онъ съ поддѣльною игривостью и самъ испугался своего голоса: это былъ голосъ стараго циника, Ивана Аѳиногеновича, уѣзднаго воинскаго начальника—тѣ же интонаціи и даже тотъ же смѣшокъ съ хрипцой:—Впрочемъ, извольте!—продолжалъ онъ, чувствуя, какъ злоба въ нёмъ перегораетъ и превращается во что-то вязкое, липкое и унизительное, переполняющее его до кончиковъ пальцевъ, до краевъ одежды. Но онъ уже не могъ удержаться. Спазма, похожая на ту, которая предшествуетъ рыданію, сжала его горло, а онъ продолжалъ говорить срывающимся голосомъ:

— Извольте! Вамъ нужно «жалкихъ» словъ? Да, я развратилъ эту дѣвочку... тогда же, въ день пріѣзда... Выражаясь вашимъ языкомъ, я узналъ ея тайну... Ха-ха!.. Ничего новаго... увѣряю васъ... Ха-ха!.. Куда же вы?.. Ха-ха-ха!

Но Иванъ Григорьевичъ, блѣдный отъ негодованія, круто повернулся и быстро зашагалъ къ парку.

Володя грустно посмотрѣлъ ему вслѣдъ и молча побрелъ къ оврагамъ. Онъ брелъ медленно, почти тащился, какъ тяжело раненый звѣрь, испытывая невѣроятную тоску, наполнявшую ему грудь мучительною болью. Онъ даже не пытался опредѣлить, отчего страдаетъ: настолько велико и всеобъемлюще было это страданіе.

Ему хотѣлось крушить и ломать направо и налѣво, и онъ съ особеннымъ наслажденіемъ обламывалъ толстые сучья, попадавшіеся ему на пути. Такъ пробродилъ онъ безъ цѣли, пока не стемнѣло, и совершенно усталый и разбитый воротился домой. Стараясь пройти къ себѣ въ комнату незамѣченнымъ, онъ столкнулся невзначай съ матерью. Въ коридорѣ было темно. Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея теплыя, полныя руки привлекаютъ его голову.

— Ну, поди, поди, упрямый!—сказала она, цѣлуя его въ макушку:—прости твою маму. Я и сама теперь вижу, что не хорошо сдѣлала, что вмѣшалась не въ свое дѣло. Горбову я пригрозила лишеніемъ аренды, а онъ совершенно озвѣрѣлъ: представь, тотчасъ же побѣжалъ ее искать и бить еще больше... Куда ты? Не безпокойся: они уже помирились... И Саша, кажется, немного успокоилась... Знаешь, такая странная стала... словно автоматъ какой: что ни спросишь, отвѣчаетъ: да-съ! нѣтъ-съ! Просто жутко даже!

Раиса Васильевна передернула въ темнотѣ плечами.

— И совершенно стала вся, словно баба деревенская: говоритъ и кланяется, какъ баба... Пришибленная какая-то... И совсѣмъ ничего такого, какъ Иванъ Григорьевичъ говорилъ, въ нашихъ дѣвушкахъ нѣтъ... Я нарочно присмотрѣлась... У всѣхъ у нихъ какой-то инородческій типъ... какая-то вульгарность и неразвитость... Что съ тобою? Ты все еще дуешься?

— Пусти меня, мама!

— Но что съ тобой?

— Я гадокъ себѣ, мама! Пусти меня! Не спрашивай меня, но запомни, что я—негодяй!

Онъ задыхался отъ бурныхъ слезъ, тѣснившихъ его грудь.

— Володя! Мой другъ! Ради Бога, откройся мнѣ, положись на мою опытность!—шептала Раиса Васильевна, ведя сына за талію въ его комнату.

Ему было пріятно прикосновеніе ея любящей руки.

— Мама!—вырвалось у него изъ глубины наболѣвшей души:—я ничего не знаю! Понимаешь, я ничего не знаю...

— Чего ты не знаешь, мой другъ?

— Жизни... себя... всего ..

Въ окна на нихъ смотрѣла черная осенняя ночь.

— Я не могу такъ жить... Сейчасъ кажется хорошо, а черезъ мгновеніе волосы рвешь на себѣ отъ отчаянія... Жизнь мама, обманъ и ложь... Кто-то обманываетъ насъ, мама... Я - не подлецъ..: Я такъ не могу жить..: Я лучше...

Его глухія рыданія слились съ ея нѣжнымъ шепотомъ.

Иванъ Григорьевичъ уѣхалъ на другой же день къ немалому удивленію Раисы Васильевны, которая не могла добиться отъ репетитора никакого путнаго объясненія.

Надъ домомъ повисла давящая атмосфера. Володя внезапно замкнулся въ себѣ и сдѣлался несообщителенъ. Даже матери онъ избѣгалъ, стыдясь передъ нею за невольный порывъ своего отчаянія.

По видимости все обстояло благополучно: только прекратились вечернія прогулки Володи къ оврагамъ.

Въ серединѣ августа березки уже сплошь пожелтѣли и пускали листья по вѣтру. Луга, поля и огороды казались опустошенными. Повѣяло свѣжестью отъ рѣки и прудовъ.

Однажды послѣ полудня со стороны Горбова донеслось рѣзкое, непріятное пѣніе женскихъ голосовъ. Всѣ ходили «смотрѣть на Сашу» и возвращались печальные.

Говорили:

— Сидитъ, какъ приговоренная!

И вздыхали.

Это было въ субботу, а въ воскресенье днемъ молодыхъ обвѣнчали въ сосѣдней сельской церкви. Вѣнчалось разомъ восемь паръ.

Вечеромъ у Горбова открылся цѣлый балъ. Окна были открыты настежь, и оттуда неслись бойкіе, залихватскіе звуки гармоники. Кто-то игралъ съ душой и пониманіемъ момента.

Иногда вдругъ безшабашная плясовая обрывалась, и нѣсколько меланхолическихъ аккордовъ и рыдающихъ переборовъ, будто невзначай, вырывались изъ звучнаго инструмента и хватающимъ за сердце диссонансомъ падали изъ общаго свадебнаго гула.

Въ горенкѣ съ низкими потолками танцовали кадриль и лянсье. На дворъ то-и-дѣло выходили пьяные мужики и бродили подъ навѣсами, натыкаясь на стойла и телѣги и нецензурно ругались.

Чтобы не слышать всего этого шума, Володя взялъ ружье и ушелъ на всю ночь на овраги. Имъ руководило смутное соображеніе, что, подстрѣливъ таинственнаго звѣря, онъ сразу развяжетъ какой-то мучительный гордіевъ узелъ. Почему это будетъ непремѣнно такъ, онъ не могъ отдать себѣ яснаго отчета и даже не хотѣлъ, потому что съ нѣкоторыхъ поръ страшился заглядывать въ глубину своей души. Ему только казалось, что, подстрѣливъ животное, онъ станетъ опять прежнимъ Володей Бубновымъ, и это случится сразу и вдругъ.

На огородахъ было пусто. Въ оврагахъ лежала такая темень, что онъ тотчасъ сбился съ пути и потерялъ направленіе. Гдѣ-то у шалаша на огородахъ выла привязанная собака. Ущербленный мѣсяцъ торчалъ надъ горизонтомъ, почти не давая свѣта. Звѣзды мигали сквозь темную сѣтку облаковъ. Поднимался сырой вѣтеръ, и странно шептали кусты и трава. Володя попробовалъ ее рукою: она была мокрая.

Кое-какъ перебрался онъ на другую сторону, чтобы быть подъ вѣтромъ и зайти какъ разъ противъ норы животнаго. Онъ помнилъ, что тамъ, гдѣ находится нора, оврагъ суживается, и торчитъ кривой пень срубленной березы. Его-то и искалъ онъ теперь, поминутно оступаясь и то-и-дѣло попадая въ непролазную чащу кустарника, который обдавалъ его холодными брызгами. Оврагъ лежалъ словно притаившись въ надвинувшейся на него со всѣхъ сторонъ черной мглѣ; казалось, онъ даже измѣнилъ свои обычныя очертанія; его кусты поднялись выше и даже корни выступили изъ земли, чтобы цѣпляться за ноги.

Наперекоръ здравому смыслу въ душу Володи проникалъ странный суевѣрный страхъ передъ этою стоглазою ночью, смотрѣвшею за нимъ изъ-подъ каждаго листа. Напрасно онъ увѣрялъ себя, что это чисто нервный страхъ, результатъ нервнаго возбужденія, пережитаго имъ въ послѣдніе дни,—жуткое чувство росло и росло.

Наконецъ, вотъ и срубленная береза. Володя остановился и прислушался. Между тѣмъ мѣсяцъ поднялся замѣтно выше, и небо стало очищаться отъ тучекъ. На противоположной сторонѣ оврага можно было различить кусты. Слышался странный звукъ, точно отъ просачивающейся сквозь прошлогодній листъ воды. Вѣтеръ шепталъ глухо и однообразно.

И чѣмъ больше смотрѣлъ и слушалъ Володя, тѣмъ острѣе, казался ему, становились его внѣшнія чувства. Ему чудилось, что онъ слышитъ какъ бы легкія содроганія почвы подъ своими ногами; гдѣ-то изъ земли журчалъ ключъ, о существованіи котораго онъ раньше и не подозрѣвалъ; гдѣ-то хрустнула вѣтка и съ гулкимъ шумомъ куда-то внизъ покатились комья земли.

Оврагъ жилъ своею таинственною ночною жизнью.

— Тайна природы!—усмѣхнулся Володя и сейчасъ же почувствовалъ совершенно особеннымъ образомъ, но ясно и опредѣленно, всю безсмысленность своей усмѣшки.

Что онъ знаетъ о природѣ?—шептало ему глухое и темное чувство, которое, казалось, росло изъ глубины оврага и поднималось до звѣздъ.—Что онъ знаетъ о мракѣ, о звѣздахъ, о безконечности? Онъ знаетъ только цифры, однѣ голыя цифры да бумажныя страницы, на которыхъ онѣ напечатаны. Вотъ небо! Какой странный у него видъ, не такой какимъ себѣ его всегдо воображаешь: его воображаешь въ видѣ какихъ-то параболъ, концентрическихъ круговъ и математическихъ отношеній, а оно вотъ т а к о е... дикое, почти страшное.... по краямъ опускается въ дымный сумракъ... И точно также все остальное, что видитъ его глазъ и слышитъ его ухо. Онъ знаетъ строеніе листа, но почему вотъ этотъ листъ именно такой и почему самъ онъ, Володя, именно такой, съ такими чувствами, съ этою странною увѣренностью въ себѣ? Вѣдь эта необъяснимая увѣренность въ самомъ себѣ, въ силѣ и логичности своихъ чувствъ можетъ точно такъ же уйти въ этотъ безвидный мракъ, какъ она пришла оттуда и непостижимымъ образомъ зажглась подъ именемъ Володиной жизни.

Володя снялъ фуражку и провелъ рукой по лбу и волосамъ, чтобы стряхнуть очарованіе этихъ новыхъ и дикихъ мыслей.

И вдругъ онъ понялъ, что это невозможно, что эти мысли—

онъ самъ, долго спавшій и скованный подъ властью пустыхъ, придуманныхъ, неинтересныхъ словъ..

— Кто я? Зачѣмъ я?—настойчиво спрашивалъ удивительный голосъ, и Володя почувствовалъ, что онъ содрогается передъ этимъ страшнымъ вопросомъ до глубины своего существа, потому что не знаетъ, ни кто онъ, ни что ему надо дѣлать. До сихъ поръ онъ удовлетворялся отвѣтами, что онъ—Володя Бубновъ, студентъ естественнаго факультета, что онъ долженъ пить, ѣсть, одѣваться, ходить въ университетъ, учиться. Но сейчасъ это показалось ему прямо вздоромъ. Володя Бубновъ—это слова, и то, что н а д о пить, ѣсть, учиться—это тоже слова, потому что, напримѣръ, для того, кто приговоренъ къ смерти, не надо ни пить, ни ѣсть и поздно уже учиться. И все, что онъ зналъ до сихъ поръ о себѣ, это тоже слова. Одно только не слова, что вотъ онъ сейчасъ, въ этотъ моментъ, стоитъ здѣсь, на оврагахъ, съ душой пустой и одинокой. Одно не слова—вотъ это небо, этотъ мракъ, эта холодная, безучастная ночь. Не слова и то, что еще нѣсколько такихъ мгновеній, и сердце не выдержитъ.

Вдругъ опять послышался трескъ, на этотъ разъ явственный, сильный, продолжительный, въ опредѣленномъ направленіи: какъ-будто передвигалось крупное животное, величиной не меньше собаки. Не доходя края оврага, оно остановилось за кустомъ и издало странный свистящій звукъ; потомъ послышался трескъ сухихъ сучьевъ: животное, видимо, улеглось.

Володя инстинктивно вскинулъ ружье.

Прошло нѣсколько томительныхъ моментовъ, въ продолженіе которыхъ Володя не слыхалъ ничего, кромѣ біенія собственнаго сердца. Животное какъ въ воду кануло. Ему сдѣлалось невыносимо жутко: вѣдь онъ явственно слышалъ, какъ что-то пришло и притаилось за кустомъ. Что бы это могло быть? Человѣкъ? Но кому охота въ сырую осеннюю ночь итти на оврагъ? Еще бы моментъ, и Володя несомнѣнно крикнулъ бы «кто тамъ»? Но свистящій звукъ повторился. Теперь онъ походилъ на человѣческое всхлипываніе. Звукъ становился громче и громче и, наконецъ, перешелъ въ продолжительное рыданіе: кто-то плакалъ тамъ, за кустомъ,

какъ плачутъ дѣти. Плачъ между тѣмъ усиливался, и вдругъ Володѣ почудилось что-то знакомое.

— Саша! — мелькнуло у него, и онъ почувствовалъ, какъ сердце у него внезапно упало, и холодный потъ выступилъ на лбу.

А плачъ перешелъ въ какіе-то неясные крики: точно кошка мяукала или кричалъ раненый заяцъ.

— Саша! Саша!—прошепталъ Володя и растерянно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

Онъ теперь узналъ ея голосъ, несмотря на дикіе, совершенно нечеловѣческіе вопли, исторгавшіеся изъ ея груди.

— Ма-а-а-менька-а—донеслось до его ушей и звонко прокатилось по оврагу, и тѣмъ ужаснѣе, что крикъ былъ такъ реаленъ и такъ живо всколыхнулъ напряженную, зловѣщую тишину.—Миленькая моя мамочка-а! Ха-ха-ха-ка! Охъ! Хо-хо-хо-хо!

— Го-го!..—отвѣтило не то эхо, не то мужской голосъ, доносившійся со стороны парка.

Голосъ за кустомъ замолчалъ. Зато со стороны парка продолжало доноситься гоготанье.

— Го-го-го го-о!.. Сань-ка-а-а! А-у!

Кто-то кричалъ, не стѣсняясь, дико, безобразно, какъ кричитъ человѣкъ въ темномъ полѣ, когда чувствуетъ, что онъ одинъ.

За кустомъ прекратились и всхлипыванія.

Тотъ кричалъ со стороны парка, очевидно, быстро направлялся къ оврагамъ. Сначала онъ забралъ сильно влѣво, и голосъ его относило вѣтромъ въ сторону. Потомъ онъ съ трескомъ перелѣзъ мелкій осинникъ и громко выругался непечатною бранью, должно быть, оступившись въ яму. Судя по всему, онъ былъ сильно пьянъ.

— Сань-ка-а! Стерва-а!—кричалъ онъ, и это былъ голосъ, совершенно Володѣ незнакомый:—У-бью!

Вдругъ кусты раздвинулись, и на противоположной сторонѣ оврага показалась высокая и тонкая фигурка дѣвушки, простоволосая, въ одной рубашкѣ.

— Санька, ты?—спросилъ пьяный голосъ изъ-за кустовъ.

— Я,—тихо отвѣчала дѣвушка.

— Ты бѣгать?—спросилъ неизвѣстный мужчина:—Отъ меня, братъ, никуда не спрячешься! Убью я тебя, стерву!

— Спасите —крикнула дѣвушка пронзительнымъ голосомъ и съ хохотомъ бросилась въ глубину оврага.

— Митре-ей!—донеслось со стороны парка.

Это кричалъ Горбовъ.

— Здѣсь я!—отвѣчалъ голосъ у оврага:—Ахъ, ты, Боже мой! Неш-шасный я человѣкъ! Сань-кя-а!

Дѣвушка отвѣчала измученнымъ рыданіемъ гдѣ-то изъ глубины оврага.

Володя не выдержалъ. Ему хотѣлось заплакать и броситься бѣжать куда-нибудь безъ оглядки. Шатаясь, онъ вышелъ изъ-за кустовъ, спустился внизъ и пошелъ по дну оврага въ противоположную сторону: ему хотѣлось выбраться поскорѣе къ огородамъ.

— Тс! Кто-й-то такоя?—спросилъ пьяный голосъ сверху.— Милый человѣкъ! Охотничекъ! Жанился я, братъ, на твари, на стервѣ на послѣдней...

Володя почувствовалъ, какъ кровь ударила ему въ голову. Плохо соображая, что дѣлаетъ, онъ быстро вскарабкался кверху, подошелъ къ пьяному вплотную и, размахнувшись изо всей силы, ударилъ его по физіономіи. Неизвѣстный застоналъ и беззвучно рухнулъ на землю. Все это совершилось въ одинъ моментъ.

— Убилъ!—мелькнуло у Володи:—Ну, и чортъ съ нимъ: въ каторгу, такъ въ каторгу!

Онъ вздохнулъ широко и свободно, словно въ первый разъ невыносимая тяжесть сползла съ его плечъ, и быстро зашагалъ прочь.

— Пустить себѣ пулю въ лобъ?—подумалъ онъ черезъ нѣсколько шаговъ въ состояніи страннаго экстаза, похожаго на смутную радость, остановился и прислушался.

Оврагъ загадочно молчалъ.

— Боже, что я сдѣлалъ?—прошепталъ Володя, и въ первый разъ съ необычайною отчетливостью передъ нимъ встали картины всего происшедшаго за минувшій мѣсяцъ.—Какъ странно! Не будь барсука, пожалуй, не случилось бы ничего подобнаго. Отчего все сошлось такимъ роковымъ образомъ? Въ сущности, что онъ сдѣлалъ? Онъ взялъ ружье и пошелъ: въ этотъ моментъ онъ былъ только охотникъ. Думалъ ли онъ еще о чемъ-нибудь? Да, онъ думалъ еще о той дѣвушкѣ, но такъ смутно, неопредѣленно, какъ онъ

думать о многомъ въ каждый данный моментъ: онъ, вообще, не умѣетъ сосредоточиваться на чемъ-нибудь одномъ. Потомъ эта дѣвушка... Думалъ ли онъ тогда о томъ, что дѣлаетъ? Нѣтъ, это опять совершилось такъ просто, такъ просто, какъ всегда, какъ во всемъ, безъ думы. И потомъ этотъ мужикъ. Какъ случилось это послѣднее? Точно такъ же, какъ и все остальное: просто подошелъ и ударилъ, не думая, не разсуждая, потому что такъ захотѣлось... Именно просто! Всегда и во всемъ просто! Таковъ его характеръ: онъ никогда не справлялся ни съ чѣмъ, кромѣ своего желанія. Хочется—значитъ хорошо. Если потомъ мучаетъ раскаяніе, онъ старается забыть, и это ему всегда удается. А сейчасъ нельзя ни забыть, ни поправить...

И вдругъ ему подумалось:

— Иванъ Григорьевичъ правъ, что мы смотримъ на вещи слишкомъ просто: именно оттого намъ живется такъ безконечно-мучительно.

Поповъ еще разъ прислушался и въ смертельной тоскѣ оглянулся вокругъ. Вдали отъ парка двигался колеблющійся силуэтъ. Это—Горбовъ. Вотъ онъ кричитъ:

— Ми-тре-ей!

Зачѣмъ онъ кричитъ? Что сейчасъ случилось? Броситься къ этому человѣку и во всемъ покаяться? Но онъ, навѣрно, пьянъ... Нѣтъ, лучше уйти и начать [illegible] сначала, по-новому, вѣчно думая. Лежать и думать. Тогда [illegible]! Какое блаженство!.. Вотъ Горбовъ началъ спускаться.

— Митрей! Ты спишь?

— Милый ты мой человѣкъ...

Онъ живъ! Ф-фу! Ну, разумѣется, ударъ былъ не настолько силенъ. Что онъ говоритъ?

— Охотничекъ тутъ одинъ, милый человѣкъ...

— Очнись ты! Вотъ наказанье!

— Слушай, милый... Подошелъ тутъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и безо всякаго разговору р-разъ по мордѣ... Нешшасный я! Въ такую ночь... А? Лучше, я думаю, помереть...

— Какой человѣкъ? Гдѣ?

— Охотникъ... Баринъ какой-то... Безо всякаго объясненія на-

счетъ причинъ... Ничего, милый, я лѣвымъ ухомъ не слышу... Какъ тресни-итъ...

А Санька гдѣ? —

— Вонъ она: въ оврагъ забилась... ровно лошадь... Обидѣлъ ты меня, милый человѣкъ..:

— Пьянъ ты! Вотъ что!

— Что жъ она укрывается, милый? Ты подумай: отъ свово мужа сбѣжала въ такую ночь? Ска-андалъ!

— По дѣломъ тебѣ! Не бѣгай по ночамъ! Женился, такъ лежи смирно, на одномъ мѣстѣ....

— Милый, сама она ушла, своей охотой... Повинилась она мнѣ... Я было хотѣлъ поучить, чтобы, значитъ, понимала. А она, Санька то-есть, какъ зыкнетъ: «Спасите!» Ахъ ты, Боже мой! Я за нею. Она въ оврагъ и забилась... А тутъ идетъ баринъ... Я, значитъ, къ ему: такъ и такъ молъ... Гляжу, идетъ ко мнѣ, подошелъ да ке-экъ... Чистое звѣздопомраченіе сдѣлалось...

— Эй, Александра! — крикнулъ Горбовъ:

— Тутъ я! — отвѣчала дѣвушка измученно-покорнымъ голосомъ.

И при звукахъ этого голоса Володѣ вдругъ захотѣлось броситься впередъ и рыдая крикнуть: — Это моя дѣвушка: мы связаны съ ней!

Но вмѣсто того, онъ остался стоять на мѣстѣ, какъ приговоренный къ мучительной казни стоитъ у позорнаго столба.

— «Тутъ я!»—передразнилъ Горбовъ:—Развѣ тутъ твое мѣстой? Твое мѣсто подлѣ мужа... Подь сюды...

— Не пойду я.

— То-есть, какъ это не пойду? Вотъ я тѣ сейчасъ «не пойду!»

— Тятенька, не троньте! Я легче васъ: впередъ побѣгу, въ канаву брошусь.

Горбовъ и неизвѣстный пошептались. Потомъ слышно было, какъ одинъ изъ нихъ полѣзъ въ оврагъ, а другой пошелъ вдоль края. Это былъ Горбовъ. Онъ бормоталъ:

— Постой же! Ахъ, ты, дрянь!

Далеко влѣво послышалось хрустѣнье. Это выбиралась изъ оврага Саша.

Инстинктивно Володя бросился къ тому мѣсту, въ паркѣ, гдѣ находился продолговатый, узкій прудъ, называвшійся «канавой». Глазами онъ слѣдилъ за тонкой, полупрозрачной фигуркой дѣвушки: она повернула вправо и скрылась, точно растаяла не то въ предразсвѣтныхъ сумеркахъ, не то въ слабо шумящей заросли.

Сначала скорымъ шагомъ, потомъ почти бѣгомъ, Володя добрался до канавы и притаился. Его било какъ въ лихорадкѣ. Въ паркѣ было еще совсѣмъ темно и воды не было видно; зато на полянкѣ сквозь стволы деревьевъ кусты сѣрѣли на довольно широкое пространство, и онъ могъ ясно видѣть всякаго подходящаго къ канавѣ. Ремень рѣзалъ ему плечо, но Володя даже и не подумалъ его поправить. Онъ бросился на кучу грязнаго щебня, покрытаго мусорной травою, и сидѣлъ такъ въ неудобной позѣ, на острыхъ камняхъ въ тупомъ оцѣпенѣніи, прислушиваясь лишь къ глухимъ, тяжелымъ ударамъ собственнаго сердца.

Такъ прошло неопредѣленно-долгое время.

Наконецъ, послышались голоса. Черезъ полянку двигались трое. Впереди всѣхъ, судя по росту, Горбовъ.

— Такъ-ту будетъ крѣпче, — сказалъ его голосъ.

— Нельзя, милый! Ничего не подѣлаешь! — тянулъ другой мужской голосъ:—У меня у самого ухо болитъ... За что? спрашивается. Вотъ теперь я тебя, примѣрно, поучилъ... при отцѣ... Вѣрно, Ликсѣй Иванычъ?

— Вѣрно.

— Оно и правильно. Я завсегда такъ: по щекамъ да въ волосья... А чтобы ногой пинать али въ брюхо, нѣ-єтъ, милый ты мой, я на это не согласенъ... И въ ухо тоже зачѣмъ же? Тоже бьютъ теперь по хребту: это не настоящее дѣло. По хребту далъ раза— и духъ вонъ...

Постепенно ихъ голоса замолклй вдали.

— Ахъ, какая скверная исторія!—подумалъ Володя съ тоской.

Уже раздѣтый и лежа въ постели онъ еще разъ настойчиво подумалъ, словно въ этой мысли былъ какой-то облегчающій исходъ:

— Иванъ Григорьевичъ правъ, ахъ, какъ онъ правъ! Вся бѣ-

да въ томъ, что мы смотримъ на вещи слишкомъ просто... да, и слишкомъ смѣло. Мы дерзкіе, жестокіе, первобытные, примитивные люди. Оттого намъ иногда такъ тяжело живется, такъ безконечно тяжело! Да, оттого. Только оттого!

Объ этомъ онъ думалъ, погружаясь въ тяжелый сонъ, и во снѣ ему казалось, что онъ лежитъ въ оврагѣ: голова у него въ глубокой разсѣлинѣ, изъ которой дуетъ вѣтеръ, а надъ ногами свѣтятъ звѣзды и качаются вѣтви,—и кто-то говоритъ ему:

— ...Вы оттого несчастны, что думаете, будто всѣ вещи слишкомъ просты. Вы оттого несчастны, что у васъ нѣтъ ничего, кромѣ барометра и термометра. Вы оттого несчастны, что ваши дни похожи одинъ на другой.

— Кто ты?—спросилъ Володя.

— Я ангелъ оврага!—отвѣчалъ неизвѣстный голосъ:—Я берегу тайну барсука.

— Но почему наши дни однообразны?—спросилъ Володя ангела съ тяжелымъ вздохомъ.

Ангелъ что-то отвѣчалъ, и Володя понималъ, покуда онъ говорилъ, и усиливался запомнить то, что говорилъ ангелъ. Сердце его дрожало отъ смутной радости, переполнявшей все его существо. Слезы душили ему грудь, и онъ сладостно плакалъ въ отвѣтъ на слова ангела.

— Ты — эльфъ — спросилъ онъ его, рыдая.

Но ангелъ отвѣчалъ что-то уже совсѣмъ непонятное. Еще немного погодя, его слова сдѣлались шелестомъ листьевъ. Темнѣлъ оврагъ, и кто-то сидѣлъ на самомъ днѣ его и тяжко стоналъ. Это была Саша. Володѣ сдѣлалось страшно и вмѣстѣ невыносимо больно, и отъ этого чувства невыносимой боли онъ проснулся.

День былъ сѣрый и грязный.

— Почему наши дни однообразны?—подумалось ему съ тоской.—Что сказалъ ангелъ? Какъ странно, что я забылъ. Впрочемъ, это, конечно, вздоръ. Не вздоръ же то, что моя жизнь слагалась до сихъ поръ мелко и подло. Въ сущности, какая у насъ всѣхъ прѣсная, скучная жизнь! Впрочемъ, который часъ?

Оказалось, что уже двѣнадцать.

Онъ одѣлся и хмурый пошелъ на террасу. Тамъ говорили

мужской голосъ, незнакомый и вмѣстѣ знакомый. Гдѣ онъ его слышалъ? Голосъ благодарилъ и вмѣстѣ успокаивалъ.

— Премного благодарны. Въ энтимъ не сумлевайтесь. Санька, прошшайся!

— Барышня, прощайте, милая! Вѣкъ не забуду вашей милости!

— А когда што: человѣкъ ли вашъ завезетъ... Письмо опять прямо на насъ адресуйте: лавка Митрея Ааронова. Не пропадетъ... Счастливо оставатьсз!

— Прощайте, Димитрій! Дай тебѣ Богъ! Дай вамъ, Господи!

Раиса Васильевна звучно поцѣловалась съ кѣмъ-то.

Минуту спустя, когда шаги удалявшихся замерли, Володя вошелъ на террасу. И здѣсь все было такъ же сѣро и грязно и въ то же время какъ-то безотчетно пусто: словно кто-то милый и хорошій навсегда ушелъ отсюда. Повинуясь странному инстинктивному влеченію, Володя заглянулъ съ террасы въ паркъ, вдоль аллеи. И тамъ было пусто и скучно.

— Мама, я уже ѣду!—сказалъ онъ машинально.

— Что жъ, поѣзжай!—разсѣянно отвѣчала Раиса Васильевна и, вздохнувъ, прибавила, отвѣчая собственнымъ думамъ:—Ничего, какъ-будто она, то-есть Саша, счастлива. Димитрій мнѣ нравится: открытый, сердечный мужикъ. Между прочимъ, онъ берется два раза въ недѣлю доставлять нашу корреспонденцію. Можетъ быть, Саша и найдетъ свое счастіе. Пожалуй, ты былъ правъ, Володенька, что въ подобныя дѣла не слѣдуетъ мѣшаться.

Володя болѣзненно вздрогнулъ, какъ отъ неосторожнаго прикосновенія къ больному мѣсту, и опять ушелъ въ созерцаніе умирающей и пустѣющей природы. Собственная жизнь казалась ему порвавшейся и уходящей куда-то въ безжизненный осенній сумракъ.

— Для чего-то экскурсировалъ, зубрилъ лекціи, — подумалось ему со злобой:—Бѣжать отсюда, бѣжать безъ оглядки! Но куда? Отъ себя никуда не уйдешь, отъ собственнаго своего убожества, отъ внутренней, душевной безпомощности.

Уже къ вечеру, сидя запершись въ своей комнатѣ, съ папиросой въ зубахъ, онъ съ ожесточеніемъ думалъ:

— Кой чортъ! Кто мнѣ сказалъ, что я натуралистъ? Почему я долженъ рѣзать и рѣзать, когда въ результатѣ все-таки изъ жизни получается какая-то дрянь. Брошу естественный факультетъ и поступлю на филологическій. Буду читать объ эльфахъ... Буду читать и изучать сказки: навѣрно, въ сказкахъ больше правды, чѣмъ въ безсмысленной ляпаротоміи природы...

Въ окна къ нему причудливо глядѣлъ цѣлый сплетенный міръ сучьевъ, и каждая вѣточка, казалось, говорила его болѣзненно-чуткому духу о своемъ таинственно-чудесномъ значеніи. А тамъ, на оврагахъ, бродило странное животное, таинственное существованіе котораго сплелось на одинъ моментъ съ его собственной судьбой.

И чѣмъ больше думалъ Володя о такихъ, повидимому, обыкновенныхъ вещахъ, тѣмъ менѣе онъ чувствовалъ себя въ силахъ порвать болѣзненный и странный кругъ очарованія, властно охватившаго его со всѣхъ сторонъ.

Однако, на филологическій факультетъ Володя все же не поступилъ.

— Что за вздоръ?—съ усиліемъ говорилъ онъ себѣ, выглядывая изъ окна вагона и съ непонятнымъ волненіемъ всматриваясь въ закрытую туманной дымкой даль, гдѣ уже начали вырисовываться смутные силуэты фабричныхъ трубъ и остроконечныхъ зданій.

— Какъ могла случиться вся эта нелѣпая исторія?—шепталъ онъ немного спустя, чувствуя въ себѣ непонятно растущую увѣренность по мѣрѣ того, какъ поѣздъ мчался навстрѣчу необъятной каменной громадѣ.

Что-то имѣющее власть надъ его душою, темное и влекущее, овладѣвало имъ и заставляло волноваться при видѣ знакомыхъ признаковъ приближающагося города. Даже въ самомъ дыханіи полей замѣчалась ощутительная перемѣна. Пахло нефтью и дымомъ. Изрѣдка попадались однобокія, словно обглоданныя сосны. Съ одного откоса холма глянуло кладбище. Загремѣли мосты; внизу мелькнуло шоссе; потянулись свалки нечистотъ съ кучами бродячихъ вздрагивающихъ собакъ и стаею зловѣщихъ черныхъ

птицъ. За ними безконечныя предмѣстья съ длинными рядами правильно расположенныхъ черныхъ закоптѣлыхъ оконъ. Чувствовалось дыханіе паровиковъ, и на всемъ лежала печать размѣренной и разсчитанной дѣятельности чьей-то напряженной и неумолимой воли.

Поѣздъ издалъ протяжный свистъ и началъ отрывисто стучать; стукъ этотъ явственно и нервно отдавался по всѣмъ вагонамъ, словно это стучало его волнующееся стальное сердце. Такъ, по крайней мѣрѣ, казалось Володѣ, собственное сердце котораго стучало въ тактъ поѣзду. Въ сѣткѣ надъ его головой тихо плескались банки съ заспиртованными морскими звѣздами и водорослями, и отъ птичьихъ коллекцій крѣпко пахло нафталиномъ. Высунувшись изъ вагона, онъ съ наслажденіемъ ощущалъ капли холоднаго пара на своемъ разгоряченномъ лицѣ. Самый видъ низкаго, закоптѣлаго неба казался ему привѣтливымъ и роднымъ.

И онъ чувствовалъ, какъ въ волнахъ надвигавшейся на него могучей стихіи медленно, но безповоротно расплывалась обуявшая его сентиментальная тоска.

— Здравствуй, жизнь! — хотѣлось ему крикнуть навстрѣчу выплывавшему каменному оазису, съ которымъ онъ былъ связанъ незримыми духовными узами.

И онъ бы крикнулъ, если бы въ то же время отъ этого закоптѣлаго неба и этихъ затверженныхъ, знакомыхъ, изжитыхъ контуровъ не пахнуло ему въ душу одиночествомъ безпросвѣтной скуки.

НАСЛѢДСТВЕННОСТЬ.

Иногда, по ночамъ, маленькаго Трунина одолѣвалъ томительный страхъ, смѣшанный съ чувствомъ необъяснимаго, жуткаго, любопытства. Онъ лежалъ и думалъ о томъ, что надъ ихъ домомъ, надъ всѣмъ городомъ и вокругъ всей земли лежитъ темное и глубокое небо съ яркими большими звѣздами, и ему хотѣлось плакать оттого, что небо такое темное и глубокое, и звѣзды такія большія и яркія.

Онъ начиналъ потихоньку стонать, чтобы разбудить старую Власьевну. Старуха просыпалась и садилась на своей постели.

— Вы чего опять расхныкались?—спрашивала она, сидя въ одной рубахѣ и громко почесываясь.

— О, страшно, нянечка!—шепталъ онъ, внезапно задрожавъ всѣмъ тѣломъ.—Самъ не знаю, чего-то страшно...

— О, глупый!—говоритъ Власьевна, судорожно зѣвая.—Ну, спите: я посижу... Съ нами сила крестная.

И она, глухо и невнятно бормоча, креститъ окна, его постельку, свой ротъ...

А ночь темная и окна сѣрыя. Часто, какъ сквозь сонъ, слышитъ онъ пѣніе пѣтуховъ: поютъ два пѣтуха—одинъ съ ихъ двора, другой пѣтухъ лавочника. Слышно, какъ, скрипя и громыхая, тяжело тянутся обозы, стѣны и стекла дрожатъ. И мальчика пугаетъ это непонятное ночное движеніе...

Утромъ, когда еще всюду темно, на кухнѣ слышится трескъ ломаемой лучины, и начинаетъ гудѣть самоваръ. А мальчикъ все

еще лежитъ съ открытыми глазами, выставивъ изъ-подъ одѣяла часть своей стриженной головы. И жутко и вмѣстѣ пріятно ему, и немного томитъ отъ безсонницы. Слышно, какъ мышь скребется, какъ трещитъ сама собою мебель, какъ дышатъ въ комнатахъ сонные люди.

Подъ самое утро мальчикъ засыпаетъ, и ему снятся странные сны: видитъ онъ себя на крышѣ высокаго дома—кругомъ небо и звѣзды... и тишина такая, что сердце стынетъ вмѣстѣ отъ страха и удивленія. Онъ хочетъ крикнуть и вдругъ медленно, медленно падаетъ и со стономъ приходитъ въ себя.

На другое утро Власьевна, подперши щеку рукой, обстоятельно докладываетъ, что Сереженька ночью опять не спали, все чего-то пужались.

— Нервный, впечатлительный ребенокъ!—говоритъ мама, отрываясь на мгновенье отъ «Русскаго Богатства» и поправляя на носу пенснэ въ черепаховой оправѣ.—Прошу васъ, Власьевна, не разсказывайте имъ на ночь страшныхъ сказокъ.

Но няня недовольна на что-то и продолжаетъ ворчать.

— Довольно, Власьевна, довольно... Прошу васъ! — раздраженно говоритъ мама.

И маленькій Трунинъ знаетъ, почему мама говоритъ: «довольно». Она не любитъ, когда Власьевна жалуется на то, что онъ на ночь плохо или даже совсѣмъ не молился. Мама сама не молится, а папа называетъ священниковъ «попами» и «долгогривыми», при чемъ мама ему всегда выразительно мигаетъ. Изо всего этого, а также изъ того, что постовъ они не соблюдаютъ, маленькій Трунинъ заключаетъ, что молиться Богу и ходить въ церковь должны только маленькіе да прислуга, а когда онъ выростетъ большой, онъ тоже не будетъ ходить къ обѣднѣ, гдѣ бываетъ всегда ужасно скучно.

Эта же самая Власьевна причесывала и обдергивала мальчика, когда онъ шелъ къ обѣднѣ или говѣть. Часто мальчикъ ловилъ при этомъ на себѣ долгій и грустный взглядъ матери. Онъ вопросительно взглядывалъ на нее. Она говорила:

— Ступай, милый...

Чтобы противодѣйствовать болѣзненному развитію у маль-

чика фантазіи, былъ выработанъ подробный планъ его воспитанія. Трунинъ часто слышалъ, какъ папа и мама, плотно затворивъ всѣ двери, подолгу и рѣзко спорили о томъ, какъ его воспитывать.

— Онъ немилосердно искажаетъ факты,—озабоченно говорилъ отецъ.—Это—послѣдствіе сказокъ и фантастическихъ повѣстей. Я бы охотно сжегъ всю эту дѣтскую литературу! Пусть онъ набирается трезвыхъ, положительныхъ свѣдѣній...

— Меня безпокоитъ другое,—печально возражала мама. — Ты самъ знаешь, что у него дурная наслѣдственность. Я такъ боюсь, что ему передадутся мои припадки черной тоски. Конечно, у меня это —послѣдствія искалѣченнаго, мистическаго воспитанія, но мнѣ такъ страшно за него... О, научи же меня, научи, что надо теперь дѣлать!

— Факты,—говорилъ папа, точно топоромъ рубилъ. — Факты... естественно-научное образованіе... дисциплина ума...

Трунину было жаль маму. Мама у нихъ была больная. Болѣзнь ея называлась «нервами», но это была ужасная болѣзнь. Разыгрывалась она обыкновенно подъ вечеръ. У мамы тряслись руки и плечи, такъ что страшно было смотрѣть, и глаза ея испуганно блуждали по всей комнатѣ. Она кричала, чтобы какъ можно плотнѣе завѣсили на окнахъ шторы, и ложилась, уткнувшись лицомъ въ стѣнку дивана.

Посылали за докторомъ. Папа клалъ ей на сердце ледъ, давалъ успокоительныхъ капель, и потомъ долго за полночь было слышно, какъ онъ читалъ мамѣ вслухъ книги и газеты.

— Отчего это съ тобою, мама? — спрашивалъ Трунинъ на другой день утромъ.

— Не слушай глупыхъ няниныхъ сказокъ,—говорила мама въ этихъ случаяхъ,—меня въ дѣтствѣ тоже пугали разными глупостями, и это, видишь, отзывается до сихъ поръ. Кого въ дѣтствѣ пугаютъ собаками, тотъ и взрослый боится собакъ. Конечно, это смѣшно, но бороться съ этимъ трудно. Ты, мой мальчикъ, рости сильнымъ, ничего никогда не бойся. Не лги также никогда, не фантазируй! Запомни, мой дорогой (можетъ быть, я долго не проживу и ты безъ меня уже сдѣлаешься большимъ): ложь, хотя бы та-

же и прекрасная, рано или поздно разобьетъ твое сердце. Съ дѣтства приучайся смотрѣть правдѣ въ глаза...

— Это, мама, называется «факты»?—спрашивалъ Трунинъ, серьезно глядя на нее.

— Да, мой малютка, это называется «факты»,—говорила она съ необычайно печальнымъ вздохомъ, покрывая его лицо горячими поцѣлуями.

И мальчика засаживали за книжки, гдѣ говорилось о землѣ, о небѣ, о воздухѣ, о дикихъ племенахъ и о жизни животныхъ. Иногда приходилъ отецъ, строгій, нетерпѣливый, съ такимъ видомъ, точно онъ передъ тѣмъ выпилъ ложку микстуры; онъ присаживался къ сыну за столъ, и неудачно подлаживаясь подъ дѣтскій языкъ, заводилъ «научную бесѣду» объ атмосферическихъ и другихъ явленіяхъ.

Мальчика хронически мучила безпросвѣтная гнетущая скука. Въ эти часы ему казалось, что всѣ забыли его и отвернулись отъ него. Заботы отца и матери, ихъ книжки, раціональныя игрушки и «научныя бесѣды» онъ считалъ частью оффиціальною. Въ каждомъ ихъ словѣ, въ каждомъ ихъ жестѣ для него звучало: Мы—родители: нашъ долгъ научить тебя фактамъ!

Боже! Какъ онъ цѣнилъ, когда мать просто приходила иногда, по вечерамъ, къ его кроваткѣ. Онъ обнималъ ея руку, и она тихо перебирала его волосики. Какая странная дума отражалась въ ея тревожныхъ глазахъ! Онъ чуялъ это тепло ея души и это глухое безпокойство, которое смотрѣло изъ ея глазъ. Какъ бы ей хотѣлось перекрестить его на сонъ грядущій, какъ крестила ее въ дѣтствѣ когда-то мать! Какъ бы хотѣлось ей слить съ нимъ трепещущія уста въ давно забытой молитвѣ!

Но она не могла этого сдѣлать, потому что считала это почему-то нелѣпостью. Нелѣпымъ она считала и свое дѣтство, когда она ходила въ гимназію съ ученической сумкой.

Это были далекія времена. Они невольно вспоминаются, когда посѣщаешь на кладбищѣ забытыя могилы... Почему и какъ это случилось, она не могла отдать себѣ яснаго отчета: жизнь захватила! Самолюбіе, боязнь отстать отъ другихъ или показаться смѣшной, молодость, отсутствіе отвѣтственности и беззаботность.

смѣшной, молодость, отсутствіе отвѣтственности и беззаботность. А теперь она чувствовала себя какъ бы виноватою передъ этимъ темноглазымъ мальчуганомъ, который пытливо всматривался въ ея лицо.

Она отгоняла отъ себя эти неотвязныя мысли, и вдругъ ей чудилось небо, темное и глубокое, а тамъ дрожатъ звѣзды, холодныя и безучастныя... Она куталась въ свой вязаный красный платокъ, прижимала къ себѣ маленькую довѣрчивую ручку ребенка и старалась ни о чемъ не думать.

Что же касается отца, то онъ почти всегда казался чужимъ. Онъ всегда о чемъ-то сосредоточенно думалъ: ѣлъ ли супъ, ласкалъ ли маму, или ходилъ по комнатамъ. Казалось, онъ торопился что-то обдумать, такое важное, отъ чего зависѣла вся его дальнѣйшая жизнь. Трунинъ замѣтилъ, что иногда онъ стряхиваетъ съ папиросы пепелъ, котораго тамъ нѣтъ; очень часто, когда мама спрашиваетъ его, не желаетъ ли онъ еще чашку чаю, онъ, вмѣсто отвѣта, вынимаетъ часы и безсмысленно смотритъ на нихъ. Иногда Трунину кажется, если бы внезапно умерла мама или провалился домъ, папа сообразилъ бы это не сразу, а совершенно такъ же безсмысленно вынулъ бы часы и началъ бы на нихъ смотрѣть. Поэтому онъ боялся отца: Богъ знаетъ, о чемъ онъ думаетъ, гдѣ онъ живетъ! Объ отцѣ онъ зналъ въ сущности только двѣ вещи: что онъ служитъ въ казенной палатѣ и въ свободное время, по вечерамъ, пишетъ вотъ уже много лѣтъ какое-то загадочное, нескончаемое сочиненіе. Иногда онъ беретъ отдѣльные листы своей рукописи, почти истлѣвшіе, желтые, мѣстами перечеркнутые и по цѣлымъ часамъ читаетъ изъ нихъ мамѣ что-то непонятное, похожее на математику, при чемъ глаза у мамы такіе печальные, словно передъ ней проходитъ вся ея жизнь смутная, неудавшаяся.

Въ первый разъ Трунинъ спросилъ себя, что такое жизнь, когда у него умерла мать.

Она умерла очень скоро послѣ того, какъ совѣтовала любить правду. И умерла она такъ же мучительно, все съ тѣмъ же дѣт-

скимъ недоумѣніемъ въ широко раскрытыхъ глазахъ, съ какимъ прожила вторую половину своей жизни. На смертномъ одрѣ она неожиданно пожелала причаститься. Пришелъ священникъ, торопливый и чѣмъ-то недовольный. Трунинъ запомнилъ, какъ онъ долго осматривался, куда бы положить свою шапку, и, наконецъ, выразилъ удивленіе, что не сдѣлано никакихъ приготовленій. На груди у него висѣла на голубой лентѣ маленькая вызолоченная дарохранительница. Потомъ отецъ съ страшно-блѣднымъ и, мальчику показалось, сконфуженнымъ лицомъ вышелъ изъ спальни. Туда вошелъ священникъ, и двери плотно затворили. Всѣ плакали. Всѣ понимали, что тамъ за дверью развязывается какой-то мучительный узелъ запутанной человѣческой жизни. Былъ ясный солнечный день. Какъ нарочно, явственно въ небѣ вырисовывалась каждая вѣточка. Все казалось такимъ обыкновеннымъ, простымъ и понятнымъ. Когда вынесли изъ квартиры ея останки, все стало черезчуръ краткимъ и односложнымъ. Все упростилось. Не было ея кроткихъ, безпокойныхъ глазъ, не было трагедіи ея маленькой затерянной жизни.

Трунинъ внезапно почувствовалъ это, и его въ первый разъ ужаснула безмолвная и плоская всепримиряющая логика жизни.

Скоро, слишкомъ даже скоро весь домъ сталъ неузнаваемымъ. Быстро завелись новыя вещи. Трунину даже казалось, что никогда еще не пріобрѣталось столько новыхъ вещей. Остальная мебель была передвинута изъ комнаты въ комнату. Все это было вмѣстѣ жутко и оскорбительно.

Но самое ужасное было то, что въ самой душѣ мальчика съ каждымъ днемъ тускнѣлъ образъ матери. Сначала онъ не хотѣлъ ничѣмъ утѣшиться и даже отказывался принимать пищу: это было въ первый день ея смерти. На второй ему уже захотѣлось ѣсть: онъ терпѣлъ до вечера, потомъ насытился, жадно, какъ звѣрь, чувствуя презрѣніе къ самому себѣ и ужасъ передъ жизнью, которая начинала ему казаться огромной и безнравственной.

Скоро ослѣпла Власьевна, и ее отправили въ пріютъ. Ее замѣнила худая, высокая, съ бѣлокурыми завитушками нѣмка-бонна. Такимъ образомъ, опустѣла и дѣтская.

Но самое важное теперь было то, что отецъ и сынъ посели-

лись вмѣстѣ, въ одной комнатѣ. Трунинъ началъ съ страстнымъ любопытствомъ присматриваться къ отцу. Онъ видѣлъ передъ собою его морщинистое, полустарческое лицо съ потускнѣвшими, пепельными глазами. Масса исписанныхъ листовъ бумаги покрывала огромный письменный столъ. Надъ ними подолгу склонялось это лицо, въ которомъ больше не было ни жизни, ни вѣры, а развѣ одна усталость и воспоминаніе о чемъ-то дорогомъ и утраченномъ. Отецъ сидѣлъ понурившись и помногу курилъ: казалось, это были не табачныя сизыя нити, которыя далеко распрывались по всему кабинету, цѣпляясь за все, что ни попадется по дорогѣ, а чьи-то скучныя, безконечныя, неотвязчивыя думы. Иногда усталыя пепельныя очи поднимались и подолгу останавливались на ребенкѣ. Мальчикъ улыбался подъ этимъ задумчивымъ, пристальнымъ взглядомъ. Отецъ вставалъ, подходилъ къ нему, распрашивалъ о заданномъ урокѣ.

— Папа, о чемъ ты пишешь?—спросилъ его однажды Трунинъ набравшись смѣлости.

— Я, дружокъ, спрашиваю жизнь.

— Какъ?

— Я заставляю ее отвѣчать мнѣ цифрами.

— Это «факты»?

Отецъ вмѣсто отвѣта задумался. Очевидно, онъ усиливался что-то вспомнить и никакъ не могъ.

— Факты... факты,—шептали его уста, и вдругъ онъ привлекъ къ себѣ голову мальчика и тихо прижалъ ее своею костлявою ладонью къ груди, гдѣ что-то напряженно пульсировало, словно онъ хотѣлъ этимъ прижатіемъ заглушить острую боль.

Прошло нѣсколько мгновеній, прежде чѣмъ его ухо уловило чуть слышныя всхлипыванья. Онъ вынулъ платокъ и громко высморкался.

— Да, мой другъ,—сказалъ онъ, наконецъ, съ усиліемъ:— это то самое, что называютъ фактами. И это все, что есть у мыслящаго человѣка. Когда ты подрастешь, я разскажу тебѣ обо всемъ, что самъ узналъ изъ цифръ.

Но Трунину казалось, что этотъ большой и несчастный чело-

вѣкъ говоритъ неправду, и въ первый разъ въ жизни онъ почувствовалъ въ груди острую жалость къ отцу.

Часто они подолгу бесѣдовали. Иногда мальчику хотѣлось спросить, зачѣмъ другіе люди ходятъ въ церковь, и отчего сама мама пожелала передъ смертью причаститься?

Что все это можетъ значить?

Но объ этомъ нельзя было спросить. Чуткимъ сердцемъ онъ угадывалъ здѣсь какую-то роковую, зловѣщую тайну.

Большіе праздники проходили у нихъ въ домѣ скучно и вмѣстѣ тревожно. Неизвѣстно по какой причинѣ, съ ранняго утра одѣвались въ лучшее платье; привозились дорогія конфекты; бывали въ театрѣ.

У одной только бонны, фрейлейнъ Эльзы, былъ настоящій праздникъ: она ходила въ кирку и возвращалась оттуда строгая, важная и чѣмъ-то обрадованная.

— Что вы тамъ дѣлаете?—съ завистливымъ любопытствомъ спрашивалъ у нея Трунинъ.

— О!—отвѣчала фрейлейнъ съ сознаніемъ своего превосходства въ голосѣ:—мы поемъ псалмы.

Трунину хотѣлось бы разспросить ее подробнѣе, какъ и зачѣмъ это дѣлается, но ему мѣшала странная стыдливость.

Въ очень большіе праздники бывали по утрамъ визитеры, а вечеромъ собирались гости. Днемъ разносился по всему городу веселый звонъ. Кто-то гдѣ-то что-то праздновалъ. Одни они почему-то не смѣли: словно непонятное, но властное и могучее запрещеніе тяготѣло на нихъ. Въ домѣ было особенно скучно и мертво, и маятникъ большихъ стѣнныхъ часовъ особенно строго щелкалъ въ залѣ:

— Фак-ты... фак-ты... фак-ты...

Вскорѣ по вечерамъ къ Трунину стали приходить товарищи.

Одного звали Ломжинымъ. Волоса у него были черные, лоснящіеся, плотно прилегающіе къ головѣ, точно у какого-то хищнаго звѣрька. Глаза на его сытомъ, краснощекомъ лицѣ смотрѣли самоувѣренно и вызывающе.

По собственному его признанію, глупость и непослѣдовательность большихъ раздражали его. Даже о собственныхъ родителяхъ онъ выражался не иначе, какъ съ глубокимъ презрѣніемъ:

— Отрастили себѣ пузо и думаютъ, что умнѣе прочихъ!

Ломжинъ стоялъ за правду. Въ этомъ онъ полагалъ какъ бы свое призваніе, и, разумѣется, всюду былъ гонимъ, какъ въ домѣ, такъ и въ гимназіи.

Другого товарища звали Кедроливанскій. Этотъ поражалъ своимъ выпуклымъ лбомъ, ростомъ и худобой.

Если спеціальностью Ломжина была правда, то Кедроливанскій взялъ себѣ привилегію возмущаться. Казалось, онъ былъ вѣчно не въ духѣ. Въ его узкихъ, глубоко спрятанныхъ орбитахъ глазъ всегда горѣлъ недоброжелательный, протестующій огонекъ.

Три отрока заключили наступательно-оборонительный союзъ противъ взрослыхъ, которымъ они имѣли всѣ основанія не довѣрять, потому что послѣдніе обнаруживали въ самыхъ важныхъ вопросахъ жизни изумительныя непослѣдовательность и лицемѣріе. Прежде всего, взрослые никогда не шли до конца въ своихъ выводахъ. Вообще, на нихъ ни въ чемъ нельзя было положиться. Такія элементарныя понятія, какъ справедливость, правда, честь, въ большинствѣ случаевъ, были совершенно недоступны этимъ страннымъ, нѣсколько наивнымъ, но до чрезвычайности злымъ и испорченнымъ существамъ. Лучшіе изъ нихъ, каковъ, по общему признанію, былъ отецъ Трунина, были совершенно безполезны, такъ какъ безо всякаго основанія напустили на себя какой-то фальшиво-снисходительный тонъ.

Поэтому, на отца теперь Трунинъ смотрѣлъ пустымъ, ничего не выражающимъ взглядомъ, въ которомъ порой только мелькало знакомое тому тревожное выраженіе глазъ его покойной матери: быть можетъ, та же скрытая дума безсознательно искала въ его душѣ своего исхода. Отецъ вглядывался въ сына, и странное подозрѣніе мелькало въ его умѣ. Ему казалось, что онъ никогда не дождется того времени, когда сынъ сможетъ сознательно оцѣнить его идеи. И онъ безпомощно поникалъ головою надъ своими исписанными кругомъ листами.

О, скорѣй бы, скорѣй летѣло время!..

Если Ломжинъ обращалъ свое вниманіе, главнымъ образомъ, на общественныя отношенія людей, лаконически опредѣляя ихъ подлостью, то умъ Кедроливанскаго никогда не выходилъ изъ дебрей метафизическихъ и богословскихъ вопросовъ. Упорно, шагъ за шагомъ, онъ стремился ниспровергать устои того міровоззрѣнія, которое внѣдряла мальчикамъ школа.

О школѣ и учителяхъ онъ не говорилъ иначе, какъ въ тонѣ снисходительнаго презрѣнія. Это онъ на урокѣ Закона Божьяго спросилъ батюшку, скоромное китъ или постное.

— Если Богъ сотворилъ солнце только на четвертый день,— развивалъ Кедроливанскій нить своихъ размышленій,—то, значитъ день и ночь зависятъ не отъ солнца, а отъ чего-нибудь другого. А такъ какъ ни отъ чего другого имъ зависѣть нельзя, то отсюда ясно, что господинъ Моисей не былъ знакомъ съ математической географіей. Логически вѣрно!

Вѣроятно, онъ замѣчалъ въ лицѣ Трунина какъ бы родъ подавляемой тревоги или недоумѣнія, потому что спрашивалъ съ презрительнымъ раздраженіемъ:

— О, тупица! Ты, кажется, сомнѣваешься? Голубчикъ, ты скажи мнѣ, развѣ можетъ быть двѣ истины? Истинно что-нибудь одно. И если учебникъ географіи идетъ противъ учебника Закона Божьяго, это—не моя вина!

Тутъ глаза его внезапно пріобрѣтали лихорадочный блескъ; онъ возмущался:

— Они (о взрослыхъ всегда говорилось въ третьемъ лицѣ множественнаго числа) думаютъ, что намъ можно безнаказанно преподносить какую угодно нелѣпость!

Казалось, для него не было выше наслажденія, какъ изобличать священное писаніе въ противорѣчіяхъ здравому смыслу. Затаенная вражда при этомъ свѣтилась изъ его глазъ.

— Развѣ могло солнце остановиться по приказу какого-то Навина?—спрашивалъ онъ Трунина, яростно стискивая ему руку.—Слушай! Чего ты боишься, дура? Ты разсуждай, и тогда тебѣ будетъ не страшно. Во-первыхъ, солнце не движется, а стоитъ на мѣстѣ и, слѣдовательно, не зачѣмъ было приказывать ему стоять. Это разъ. Но допустимъ, что Навинъ сказалъ бы: «Стой, земля!»

Тогда, по закону инерціи, всѣ вещи съ нея должны были бы полетѣть въ пространство, а сама она, на основаніи другого физическаго закона, моментально накалиться и сгорѣть. Это научно.

Глаза Кедроливанскаго сіяли святымъ восторгомъ правды, и Трунину становилось стыдно за свое безотчетное безпокойство, которое онъ испытывалъ каждый разъ, когда его свободомыслящій другъ подрывался подъ одинъ изъ смутныхъ устоевъ его Богъ вѣсть какъ сложившагося міровоззрѣнія.

— Это—нянькины сказки! — волновался Кедроливанскій. — Человѣкъ есть существо разумное и потому не долженъ ничего принимать безъ логическаго доказательства!

И Трунинъ думалъ съ завистью:

— Это оттого, что я мало люблю правду.

Въ эти мгновенія онъ съ тайнымъ содроганіемъ вспоминалъ слова матери, казавшіяся ему смутнымъ воспоминаніемъ изъ какого-то далекаго, сладостно-мучительнаго сна:

— Мой мальчикъ, люби правду, одну только правду! Ложь, хотя бы и прекрасная, рано или поздно разобьетъ твое сердце.

И ему казалось, что онъ вновь видитъ ея взоръ, полный нѣжности и непонятной тревоги, устремленный ему прямо въ сердце.

Однажды Кедроливанскій вошелъ сіяющій. Ноздри его крючковатаго носа широко раздувались. На лицѣ была написана особенная торжественность.

— Господа!—произнесъ онъ отъ порога:—Я могу сообщить вамъ интересную новость: Бога не существуетъ.

Мальчики вскочили съ своихъ мѣстъ.

— Абсолютно нѣтъ никакого Бога. Это выдумки жрецовъ, чтобы держать въ повиновеніи и успѣшнее грабить народъ. Такимъ образомъ, міръ, въ которомъ мы съ вами уже порядочно времени обитаемъ, управляется безъ Бога, въ силу собственныхъ своихъ, присущихъ ему законовъ. Доказано научно. Вчера у насъ говорили семинаристы. Доказалъ одинъ нѣмецъ, по имени Кантъ.

— Что это еще за Кантъ?—попробовалъ скептически освѣдомиться Ломжинъ.

— Странный вопросъ! Въ Германіи живетъ. Все ниспровергъ, ничего не оставилъ. Попы его хуже чорта боятся. Мнѣ вчера семинаристъ Всѣхсвятскій говорилъ.

Трунинъ трясся, какъ въ лихорадкѣ.

— И очень даже простое доказательство,—продолжалъ Кедроливанскій, присаживаясь на кровать съ такимъ видомъ, какъ-будто хотѣлъ сообщить самую пустую и обыкновенную вещь.— Міръ, допустимъ, созданъ Богомъ, а Богъ кѣмъ? Если не могъ самъ собою сотвориться міръ, и, поэтому предполагаютъ, что сначала былъ Богъ, то какимъ же образомъ могъ сотвориться самъ собою Богъ? Нелѣпо!

Трунинъ почувствовалъ что-то похожее на головокруженіе. Онъ всталъ съ своего мѣста, какъ бы желая возразить что-то. Но, вмѣсто всякихъ словъ, холодный ужасъ стиснулъ ему сердце.

Внезапно онъ понялъ, что у вселенной нѣтъ дна, и отъ этого зависитъ в с е.

— Ты что? Испугался?—спросилъ съ презрѣніемъ Кедроливанскій, глядя на его побѣлѣвшія губы.

Но черезъ мгновеніе страхъ, исказившій лицо Трунина, передался и ему. Прошла минута томительнаго молчанія: каждый изъ мальчиковъ по-своему переживалъ свою потерю.

Наконецъ, Кедроливанскій сказалъ:

— Ничего не подѣлаешь: рано или поздно къ этому все равно пришлось бы притти.

Трунинъ провелъ безпокойную ночь. Во снѣ онъ все чего-то долго и мучительно искалъ, и утромъ поднялся съ глухимъ, болѣзненнымъ ощущеніемъ какой-то невозвратимой потери.

Собственно, онъ не оттого страдалъ, что Бога не было. Бога онъ раньше представлялъ себѣ въ видѣ сѣдовласаго старца съ разведенными благословляющими руками, который былъ нарисованъ на потолкѣ въ одной церкви, куда его посылали въ раннемъ дѣтствѣ: Іисусъ Христосъ рисовался его воображенію не иначе, какъ иконой Спасителя, въ тяжеломъ, вызолоченномъ окладѣ, съ темнымъ ликомъ и мудрено сложенными пальцами правой руки.

Это былъ маленькій язычникъ, хотя онъ и выросъ въ многолюдномъ городѣ, сверкавшемъ безчисленными позолоченными

кровлями храмовъ, и посѣщалъ христіанскую школу, гдѣ, навѣрное, объяснялись основы той религіи, въ которой онъ выросъ.

Ясно, что такая потеря была не особенно жалка. И тѣмъ не менѣе онъ страшно страдалъ, страдалъ оттого, что нарушался покой какой-то самой нѣжной и тревожной части его души. Раньше она спала, очарованная пустымъ, ничего не значущимъ словомъ. Иногда только она заявляла свои права, но это было глухое, подавленное недовольство. Теперь имъ овладѣлъ внезапный испугъ. Все какъ бы сдвинулось съ своего мѣста.

Весь день онъ боролся съ этимъ новымъ чувствомъ. Когда опустились сумерки, онъ вдругъ почувствовалъ странный холодъ на сердцѣ, но еще боролся самъ съ собой. Чѣмъ больше сгущалась за окнами тьма, тѣмъ сильнѣе возросталъ его безыменный ужасъ. Наконецъ, уже лежа въ постели, онъ внезапно почувствовалъ, что силы его покидаютъ. Горячій потъ выступилъ у него на лбу и ладоняхъ.

Онъ вскочилъ, закутался въ одѣяло и, трясущійся, вошелъ въ кабинетъ отца.

Тотъ сидѣлъ и что-то, нагнувшись надъ столомъ, работалъ.

— Папа!—позвалъ мальчикъ.—Папа!

Голосъ оборвался въ его пересохшемъ горлѣ.

Отецъ обернулся, и ему показалось, что онъ видитъ передъ собою возставшую изъ гроба покойницу.

— Папа, мнѣ страшно!— прошепталъ Трунинъ.

Что-то екнуло въ сердцѣ отца.

— Чего же ты боишься, мальчикъ? —спросилъ онъ, притягивая его къ себѣ.

— Всего, папа! Все мнѣ страшно! Все, все, все!

Его трясло и било въ нервномъ припадкѣ.

— Наслѣдственность!—вымолвили губы отца роковое слово.

И онъ съ тайнымъ, почти сладостнымъ содроганіемъ обнялъ его похолодѣвшее, безпомощное тѣльце. Ему казалось, что онъ держитъ въ своихъ рукахъ ту, которая удалялась навсегда въ царство тѣней. Закрывъ глаза, онъ цѣловалъ и прижималъ къ сердцу эти худенькіе члены, бившіеся знакомою дрожью.

И снова, какъ въ былое время, прозвучалъ его голосъ, полный нѣжной ласки:

— Сокровище мое, успокойся: вѣдь я съ тобой!

Мальчикъ поднялъ вѣки: онъ видѣлъ передъ собой усталые пепельные глаза, съ безконечной тревогой смотрѣвшіе въ будущее. И страшная тѣнь отъ чьей-то головы и плечъ вырисовывалась на противоположной стѣнѣ.

Вдругъ взглядъ его скользнулъ по окнамъ и застылъ въ нѣмомъ изумленіи.

Они глядѣли на него, какъ двѣ бездонныя, всепоглощающія пропасти, сдѣланныя въ ихъ домѣ; какъ двѣ черныя, безсмысленно зіяющія дыры, похожія на пустыя впадины черепа.

И сердце Трунина затрепетало, какъ раненая птица, готовая выпорхнуть изъ его груди. Невыразимое отвращеніе сдавило горло.

— Папа, спаси меня!—прошепталъ онъ охрипшимъ голосомъ, пряча лицо въ манишку отца.

Тотъ молчалъ, опустивши голову.

— Папа, спусти скорѣе шторы! — вдругъ попросилъ ребенокъ, — мнѣ страшно, не знаю отчего.

СЛѢПЕЦЪ.

Борисъ былъ слѣпъ уже полгода. Но каждый разъ, просыпаясь, попрежнему съ острою болью вспоминалъ о постигшемъ его несчастіи. Иногда въ эти минуты достаточно было небольшого толчка въ видѣ случайнаго, болѣзненнаго впечатлѣнія или воспоминанія, чтобы у него родилось почти непреодолимое стремленіе покончить съ собою.

Его спасла любовь къ научному мышленію. Правда, онъ потерялъ одинъ изъ органовъ чувственнаго воспріятія; слѣдовательно, экспериментами онъ больше заниматься не могъ, но развѣ онъ мало успѣлъ накопить свѣдѣній въ интересовавшей его области до тѣхъ поръ, пока безсмысленно опрокинувшаяся банка съ азотной кислотой не лишила его зрѣнія?

Такъ онъ себя утѣшалъ.

Развѣ до роковой катастрофы онъ не копилъ наблюденій, какъ жадный скряга, вѣчно отвлекаясь въ сторону и желая обнять весь міръ? Теперь настало время построенія.

Цѣлый міръ математическихъ формулъ жилъ въ его мозгу. Что нужды въ томъ, если для него потухъ свѣтъ дня? Своимъ умственнымъ окомъ онъ пронизывалъ безвидныя бездны эѳира, онъ постигалъ незримую для чувственныхъ глазъ человѣка жизнь первозданнаго атома. Словомъ, слѣпецъ, онъ видѣлъ лучше боль-

шинства зрячихъ, прозрѣвая въ сокровенную глубину видимаго естества.

Со свойственной ему энергіей онъ рѣшилъ перестроить свою жизнь по новому плану. И, несмотря на то, что міръ сузился для него въ тѣсную комнатку въ домѣ отца-священника, и тотчасъ за ея окномъ для его чувствъ уже открывалась область непознаваемаго, онъ попрежнему продолжалъ себя считать хозяиномъ вселенной.

Онъ долго трудился надъ изготовленіемъ аппарата для письма, для чего изобрѣлъ жидкую быстро остывающую смѣсь, оставлявшую на бумагѣ вполнѣ ощутительные для пальцевъ бугорки. Когда онъ убѣдился, что снова можетъ писать и прочитывать написанное, онъ первый разъ со дня катастрофы усмѣхнулся, и на его блѣдномъ, обезображенномъ лицѣ блеснулъ лучъ жизни.

Вѣроятно, было уже поздно. Борисъ помнилъ, что когда онъ заснулъ, вся семья собиралась ко всенощной. Быть можетъ, сейчасъ были сумерки.

Онъ прислушался.

Слухъ теперь замѣнялъ ему органъ зрѣнія. Ему хотѣлось опредѣлить, не наступила ли уже ночь. Часто бывало, что онъ просыпалъ день и внезапно пробуждался ночью. Тогда онъ осторожно поднимался и садился къ столу работать. Вѣдь ему не нужно было свѣчи. И жутко было просыпающимся слышать, какъ онъ шелестѣлъ бумагой и двигался у стола среди ночного мрака.

Ночь онъ различалъ по ровному дыханію спящихъ и по треску мебели, а также по характеру уличнаго движенія.

Сейчасъ былъ вечеръ въ самомъ началѣ. Значитъ, онъ спалъ недолго.

Борисъ, осторожно опираясь руками, поднялся на постели. Ему хотѣлось знать, ушла ли вмѣстѣ съ сестрами и Фрося. Какъ воспитанница, она вѣчно должна была хлопотать по хозяйству и рѣдко находила время даже для церкви.

Просыпаясь, онъ всегда инстинктивно старался различить ея голосъ и движенія.

Любитъ ли онъ ее попрежнему и питаетъ ли относительно нея какія-нибудь опредѣленныя намѣренія, на это онъ и самъ себѣ не

могъ еще отвѣтить. Ему казалось, впрочемъ, что теперь, въ настоящемъ его положеніи, ему было бы благоразумнѣе рѣшительно поставить крестъ на вопросѣ о личномъ счастьѣ...

Фроси также не было дома... Завтра большой праздникъ...

Борисъ протянулъ руки, нашупалъ на столѣ папиросы и спички и закурилъ съ обычными предосторожностями слѣпца.

Нужно начинать новое существованіе... Это пора понять... Существованіе физическаго инвалида...

И онъ съ дрожью вспомнилъ, какъ странны и жутки были его первыя впечатлѣнія по возвращеніи домой. Чтобы переступить порогъ, онъ долженъ былъ ощупать впередъ косякъ двери, тотъ самый, который онъ зналъ наизусть съ самаго дѣтства. Сколько звуковъ, знакомыхъ и вмѣстѣ какъ-будто новыхъ по своей силѣ и значенію, ощутилъ онъ, вздохнувъ въ первый разъ атмосферу родного дома. И онъ вошелъ въ него, точно въ лабиринтъ, заблудившимся, безпомощнымъ пришельцемъ, бредя ощупью и со страхомъ осязая знакомыя и вмѣстѣ странно-уродливыя очертанія когда-то милыхъ предметовъ.

Онъ помнилъ также, съ какимъ страхомъ, выйдя калѣкой изъ лѣчебницы, онъ готовился къ встрѣчѣ съ Фросей. Что далъ онъ ей за эти долгіе четыре года ожиданія будущаго счастія?

Онъ ожидалъ, что она будетъ рыдать надъ нимъ, но рыдала мать, рыдали сестры; отецъ укоризненно вздохнулъ о современномъ вольномысліи; только отъ нея онъ не услышалъ ни слова.

Тогда онъ спросилъ, здѣсь ли она, и ему сказали, что здѣсь. Онъ почувствовалъ, что краска бросилась ему въ голову, хотѣлъ что-то сказать ей, но языкъ не въ силахъ былъ разорвать охватившаго ихъ обоихъ, его и ее, ледяного круга молчанія.

Съ тѣхъ поръ она не переставала ходить молча. Иногда только своимъ обостреннымъ слухомъ онъ улавливалъ ея шопотъ, точно въ домѣ былъ покойникъ...

Борисъ снова закурилъ. Тишина и одиночество растравляли въ немъ воспоминанія. Искра упала ему на руку и обожгла его. Онъ спустилъ ногу съ постели и потопталъ ею по полу.

«Да, она ждала и старѣлась,—думалъ онъ:—теперь ея молодость почти прошла... Онъ взялъ ея молодость, лишилъ ея закон-

ныхъ радостей... все принесъ въ жертву недоступной, чужой для нея мечтѣ»...

На мгновеніе Борисъ вызвалъ въ своемъ воображеніи образъ Фроси, но въ немъ было что-то тусклое и вялое, точно полустертое.

Борисъ болѣзненно поморщился.

«Развѣ было бы не лучше, если бы они постарались совсѣмъ забыть другъ друга?»

И вдругъ ему ясно вспомнилось, съ какимъ испуганно-болѣзненнымъ выраженіемъ она каждый разъ провожала его въ городъ, въ этотъ далекій, отдѣленный тысячью верстъ, чужой и страшный для нея городъ.

Казалось, она съ недоумѣніемъ старалась постигнуть тѣ силы, которыя отрывали его отъ нея и уносили куда-то въ туманную даль. Тамъ, въ уединенной и тѣсной кельѣ, сидѣлъ онъ, поглощенный чудомъ оптическихъ стеколъ, которыя распяливали передъ его глазами видимый настоящій міръ, и рисовали его очарованному взору второй міръ, міръ клѣточки, микроскопическій міръ, гдѣ блоха является фантастичесчимъ чудовищемъ, нѣжная кожа человѣческаго тѣла — отвратительною рыбьей чешуей, гдѣ волосъ есть бревно, а капля воды—море причудливой флоры и фауны, что могъ дать ему этотъ міръ, въ которомъ онъ долженъ былъ чувствовать себя сказочнымъ Гуливеромъ, міръ инфузорій и молекулъ?

Борисъ провелъ рукой по лицу, чтобы стряхнуть назойливое и тягостное воспоминаніе.

Теперь его обступалъ, какъ глухая стѣна, другой міръ изъ котораго онъ что-то забылъ или въ свое время не узналъ, міръ, всегда имъ пренебрегавшійся, скучный міръ обыденной дѣйствительности, давившій его теперь звуками и грубымъ прикосновеніемъ. Лишившись зрѣнія, онъ всецѣло подпалъ его власти. Онъ сталъ зависимъ отъ него, какъ ребенокъ.

И это было особенно мучительно.

Съ утра до вечера Борисъ былъ осужденъ прислушиваться къ его скучнымъ, однообразнымъ звукамъ, исходившимъ точно изъ

бездны. Внезапно этотъ міръ сталъ близокъ ему и, несмотря на свою уловимость, до ужаса реаленъ.

Борисъ ощущалъ теперь присутствіе вещей, и это было совершенно новое для него чувство. Въ зрячемъ состояніи онъ сознавалъ это присутствіе больше умомъ. Онъ привыкъ считать реальнымъ только открывавшееся для научнаго познанія.

Теперь предметы толпились возлѣ него, непроницаемые и глухо-враждебные. Пространство подстерегало его со всѣхъ сторонъ и мучило своею неизвѣстностью.

Онъ ненавидѣлъ эту необходимость жить ощупью. Многіе предметы, которые онъ раньше любилъ, теперь раздражали его. Въ безсильной злобѣ онъ часто толкалъ и опрокидывалъ мебель.

Иногда онъ подолгу ощупывалъ какой-нибудь предметъ, стараясь вызвать его отчетливый зрительный образъ. Онъ сидѣлъ и внимательно щупалъ его со всѣхъ сторонъ, выстукивалъ и выслушивалъ. Ему хотѣлось убѣдить себя, что при извѣстномъ усиліи воли онъ можетъ вернуть себѣ образъ видимой дѣйствительности.

И каждый разъ его попытки кончались жестокимъ пароксизмомъ отчаянія. Было что-то въ вещахъ, чего онъ не замѣчалъ, когда былъ видящимъ: та особенная реальность видимаго, которая отсутствовала въ пустыхъ, хотя порою и яркихъ видѣніяхъ, встававшихъ въ его мозгу.

Напрасно онъ убѣждалъ себя, что зрительные образы имѣютъ своимъ источникомъ чувственность: смутная и безпокойная мысль, какъ обручъ, вдругъ сжимала его голову.

— Видѣть! Видѣть!—шепталъ онъ въ такія минуты, судорожно стиснувъ зубами подушку и чувствуя, что для него навсегда закрытъ выходъ изъ той зіяющей бездны, въ которую онъ теперь погруженъ.

Особенно мучительна у него была потребность видѣть людей. Враждебные и страшные, они входили и выходили, толкали его и какъ бы олицетворяли собою окружающую среду. Особенною тайною теперь были исполнены для него ихъ голоса. Онъ потерялъ къ нимъ ключъ. Что-то безконечно сложное и зловѣщее слышалось ему изъ человѣческихъ голосовъ, новыя, никогда ранѣе не обращавшія на себя вниманія интонаціи...

И еще более, чѣмъ бездушные предметы, люди становились для него враждебны и ненавистны. Онъ сталъ подозрителенъ и застѣнчивъ. Страдая, онъ инстинктивно стыдился и боялся выдать свои страданія. Когда съ цинизмомъ, присущимъ зрячимъ и счастливцамъ, они разспрашивали его, онъ отмалчивался или съ тупою усмѣшкою на обезображенномъ лицѣ равнодушно отвѣчалъ:

— Ко всѣму человѣкъ привыкаетъ... Къ тому же я ослѣпъ не мальчикомъ, а зрѣлымъ мужемъ, успѣвшимъ оглядѣться во вселенной.

И онъ слышалъ украдкой, какъ о немъ говорили родители и сестры:

— Онъ спокойно переноситъ свое несчастіе. Это былъ всегда удивительный человѣкъ...

Борисъ застоналъ и безпокойно повернулся на постели. Ему было пріятно, что его оставили одного.

Онъ спустилъ ноги на полъ и сѣлъ, затѣмъ медленно ощупалъ свою голову и руки. Это онъ дѣлалъ всегда, когда казался себѣ особенно жалкимъ...

Потомъ его ладонь инстинктивно протянулась къ стѣнѣ. Онъ прикоснулся и вздрогнулъ. Она была холодная и шероховатая. Не такою она жила въ его воспоминаніи. Смутно онъ боялся касаться тѣхъ предметовъ, о которыхъ у него оставались въ памяти свѣтлыя представленія: отъ прикосновенія они нерѣдко становились темными и чуждыми. Но необъяснимый, роковой инстинктъ слѣпца заставлялъ его протягивать впередъ руки.

Онъ потрогалъ полъ и кровать, бормоча неясныя слова и шевеля пальцами, какъ щупальцами.

Теперь, ощупывая этотъ грубо-реальный и неизвѣстный міръ, онъ казался себѣ вдвойнѣ слѣпцомъ, несчастнымъ, который повѣрилъ призмѣ и выпуклымъ и вогнутымъ стекламъ.

Что-то дьявольски смѣшное было въ этой мысли.

Онъ взялъ со стола какой-то предметъ. Это былъ ножъ. Со страхомъ и отвращеніемъ онъ положилъ его на прежнее мѣсто. Ему хотѣлось жить. Но, быть можетъ, это было самое лучшее, къ чему онъ могъ теперь прикоснуться въ этомъ мірѣ?

Онъ поднялся съ кровати. Съ вытянутою впередъ шеею, съ

бѣлками обожженныхъ глазъ, устремленныхъ къ потолку, и лицомъ, перекошеннымъ отъ безплоднаго усилія что-то понять, что-то разрѣшить, онъ былъ страшенъ въ этотъ моментъ. И странно было видѣть его стоящимъ безъ галстука, одѣтымъ съ невзыскательностью и безпомощностью слѣпца.

Наполовину мертвецъ, онъ еще жилъ и дергался...

Вдругъ чуткое ухо его уловило, что онъ не одинъ...

Кто-то неувѣренно и робко стоялъ въ дверяхъ.

Нагнувъ голову, онъ глухо и враждебно спросилъ:

— Кто здѣсь?

Стоявшій молчалъ.

— Говорите же, кто здѣсь! — крикнулъ онъ яростно, чувствуя, непреодолимую ненависть къ этому неизвѣстному, который пришелъ изъ мрака и хаоса, чтобы грубо и дерзко заглянуть ему въ душу.

Стоявшій въ дверяхъ смущенно пошевелился и отступилъ. Казалось, обокравъ Бориса, онъ хотѣлъ скрыться.

Но было въ немъ что-то жалкое и испуганное.

Совершенно безсознательно Борисъ понялъ, что это Фрося. Онъ опустилъ голову и замолкъ.

«Зачѣмъ она пришла?» подумалъ онъ и страдальчески провелъ пальцами по лицу.

Прошелъ томительный моментъ. Она все стояла и не уходила.

— Фрося! — прошепталъ онъ, подавшись впередъ, и остановился.

Лицо его изобразило безконечную муку.

Она не отвѣчала.

— Фрося, можетъ быть, это не ты?—спросилъ онъ задыхающимся голосомъ.

Въ отвѣтъ послышалось сдерживаемое рыданіе. Онъ жадно прислушивался.

— Ты... пришла?

Онъ осмѣлился протянуть ей руку. Но она не подала ему своей: быть можетъ, не замѣтила, потому что закрывала лицо платкомъ, а, быть можетъ, и не хотѣла, не могла...

Онъ опустилъ протянутую руку, какъ нищій, которому отказали въ подаяніи.

Чего она хотѣла отъ него?

— Фрося, ты можешь меня простить?—наконецъ, спросилъ онъ съ усиліемъ.—Ты винишь меня?

— Нѣтъ,—услышалъ онъ слабый вздохъ.

И онъ понялъ, что она, дѣйствительно, когда-то уже давно простила его.

Вдругъ смѣлая мечта осѣнила его голову. Онъ шагнулъ впередъ и взялъ ее за руку. Рука была влажная, холодная и тяжелая.

— Фрося, ты все еще любишь меня?

Она молчала, трудно и неровно переводя дыханіе. Онъ держалъ ея руку въ своей и точно не узнавалъ чего-то: какъ-будто что-то чужое и грубое было въ этомъ прикосновеніи ея руки.

— Фрося, вѣдь ты не разлюбила меня отъ того, что я сталъ несчастенъ?—спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Она молчала попрежнему, и дыханіе ея становилось труднѣе и прерывистѣе.

Зачѣмъ же тогда она пришла къ нему?

Онъ съ силой привлекъ ее къ себѣ на грудь. Она не сопротивлялась.

Неужели это опять она? Безконечная, трепетная радость охватила его. А его руки, жадныя и тупыя руки слѣпца, все тянулись и тянулись къ ней. Онъ ощупывалъ ея локоны, грудь, глаза, лобъ, уши, все, что онъ когда-то зналъ и любилъ. Ощупывалъ съ тревогой и страхомъ, все возраставшими и все толкавшими его впередъ. И пальцы его, какъ щупальцы какого-то страшнаго животнаго, бѣгали по ея странно-неподвижному, какъ бы похолодѣвшему тѣлу.

Вдругъ онъ тихонько отстранилъ ее отъ себя. Въ лицѣ его на моментъ мелькнуло злобное и безсмысленное подозрѣніе слѣпца.

— Фрося, это ты?—спросилъ онъ глухо, и губы его показались ей блѣднѣе самого лица.

Она отвѣтила жалобнымъ рыданіемъ.

Казалось, онъ понялъ ее.

Молча отошелъ онъ и сѣлъ къ столу.

Теперь онъ зналъ, зачѣмъ она пришла и о чемъ плакала.

Всѣ оплакивали въ немъ человѣка. Только она одна пришла оплакать нѣчто большее.

И она плакала о прекрасномъ небѣ, котораго Борисъ больше не увидитъ, о днѣ и ночи, о своихъ рукахъ и о локонахъ, никому теперь ненужныхъ, ставшихъ темными и страшными. И вся она была безъ очертаній, померкшая, словно воплощенный безтѣлесный и скорбный отзвукъ утраченнаго міра.

ТОРА-АМОЖЕ.

Ночью пришелъ старый волшебникъ Большой Семенъ. Онъ былъ нечесанъ, какъ и всѣ живущіе по старинѣ; только волосы его казались еще хохластѣе. Все лицо у него было изборождено морщинами, похожими на тѣ узкія глазныя впадины, изъ которыхъ по временамъ выглядывали его крошечные подслѣповатые глаза, такъ что казалось, будто въ каждой складкѣ его лица скрыто по глазу. Внимательно осмотрѣвшись по сторонамъ и обивъ съ лохматой шапки иней, онъ вдругъ расхохотался злобнымъ надтреснутымъ смѣхомъ.

Елышъ выглянулъ изъ-подъ тулупа, но, замѣтивъ, что Большой Семенъ смотритъ на него однимъ изъ своихъ безчисленныхъ глазъ, спряталъ голову назадъ. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ внимательно слушать, что говорилось.

— Помилуй,—сказалъ отецъ Большому Семену, низко кланяясь,—возьми лошадь. Помолись немного.

Но Большой Семенъ продолжалъ смѣяться.

— Жеребенка подавай, — сказалъ онъ, наконецъ, хлопнувъ шапкой по столу,—на которомъ самъ ѣздилъ, давай. Курицу колоть давай. Гуся лить воду давай. Все давай. Много молиться надо. Кереметь велитъ.

Онъ опять захохоталъ своимъ зловѣщимъ смѣхомъ, отъ котораго у Елыша подвело колѣнки къ самому подбородку.

— Куда ты смотришь?—продолжалъ отецъ извиняющимся голосомъ:—Миколай—богъ сердитый: его нельзя трогать. И Божія Матерь—тоже богъ сердитый: тоже нельзя трогать.

— Кереметъ велитъ: убирай! — закричалъ Большой Семенъ визгливымъ голосомъ.—Ничего не оставляй. Хозяйка, печь топи. Зачѣмъ тогда звалъ? Кереметь велитъ.

Елышъ однимъ глазомъ видѣлъ, какъ высокій и худой отецъ его, съ покорнымъ, заплаканнымъ лицомъ, протянулъ руки къ подоконнику, на которомъ стояли русскій богъ Миколай, сердитый, съ нахмуренными бровями, и нѣжная, кроткая Тора-Аможе съ черноглазымъ, смуглымъ Младенцемъ на рукахъ.

— Не помогъ богъ Миколай... плохъ богъ Миколай,—извиняющимся голосомъ бормоталъ отецъ, снимая образа съ подоконника:—Все татары заходятъ, и какіе такіе татары, самъ не знаю... не здѣшніе... лицо темное... Ничего не могу сдѣлать, Семенъ: какъ закрылъ ночью глаза, такъ и заходятъ татары, безъ числа... И Божія Матерь — слабый Богъ: молился — не беретъ... какъ закрылъ глаза, сейчасъ татары заходятъ, безъ числа...

Онъ вытеръ сухою, жилистою рукою свои красные гноящіеся глаза и понесъ образа вонъ изъ избы, но на порогѣ остановился и глухо произнесъ:

— Зачѣмъ Карабашъ померъ? Какъ крестился, на Рождество мясо ѣлъ—Карабашъ померъ.

Шумъ вѣтра ворвался въ плохо притворенную дверь, и слышно было, какъ стучитъ припертая въ сѣнцахъ наружная дверца и скрипятъ сосны. Свѣчи, прилѣпленныя съ самой темноты къ бревенчатымъ стѣнамъ, замигали отъ холоднаго воздуха. Елышъ съежился еще больше, и ему казалось, что къ самому ихъ лѣсному домику кто-то подъѣхалъ.

— Должно быть, начальникъ... на тройкахъ, — подумалось ему.

Слышно и гулко задрожали лошади, и въ сѣнцахъ заскулила и затявкала собака: потомъ словно кто проѣхалъ съ возомъ сѣна мимо оконъ, шурша по бревнамъ и скрипя полозьями, и опять все стихло.

Вошелъ отецъ съ пустыми руками.

— Миколай — богъ сердитый: онъ накажетъ, — въ страхѣ дрожа всѣмъ животомъ, думалъ Елышъ. и ему представлялся грозный русскій богъ, сѣдой, съ безволосымъ морщинистымъ лбомъ и нахмуренными бровями.—Онъ накажетъ. Ахъ, накажетъ! Онъ начальникъ.

И Елышу казалось, что и отецъ этого боится, и всѣ боятся и знаютъ, что Миколай-торъ накажетъ. Одинъ Большой Семенъ не боится, потому что онъ пришелъ съ татарской стороны, со всѣхъ беретъ деньги, а кто не даетъ, на тѣхъ напускаетъ черную болѣзнь.

— Вотъ Тора-Аможе не накажетъ: Тора-Аможе хорошій богъ, слабый. Она всѣхъ любитъ: и чувашъ и русскихъ. И на рукахъ у нея чувашскій мальчикъ, черноглазый, и сама она, какъ чувашка. Тора-Аможе плакать будетъ.

И Елышъ чувствовалъ, что слезы ручьями струятся изъ его глазъ при воспоминаніи объ обиженной Тора-Аможе. Какъ ему хотѣлось побѣжать къ ней и крикнуть: Чего ты плачешь? Не плачь!

Но она жила далеко, въ церкви, за русскимъ кладбищемъ. Когда онъ подрастетъ большой, онъ пойдетъ къ ней, туда, на русскую сторону. И онъ будетъ тогда глядѣть на нее, долго, долго, пока не надоѣстъ.

И Елышу было пріятно думать и знать, что на свѣтѣ есть Тора-Аможе,, любящая, такая красивая и плачущая.

Потомъ онъ видѣлъ, какъ мать затопила очагъ и, тяжело гремя, навѣсила надъ нимъ котелъ съ водою. Ему хотѣлось спать, и потому клубы ѣдкаго дыма, не во-время наполнившіе избу и валившіе въ отворенную дверь, откуда ожесточенно свисталъ пронзительный вѣтеръ, заставляли его плакать еще сильнѣе. Кромѣ того, ему казалось, что Большой Семенъ пришелъ не одинъ, и привелъ съ собой еще кого-то, который безпрестанно показывается то тамъ, то сямъ.

Самъ Большой Семенъ тѣмъ временемъ помѣстился у очага на колѣняхъ и началъ причитать, обращаясь лицомъ въ сторону отворенной двери.

— Помилуй, помилуй!—кричалъ онъ жалобнымъ, гнусавымъ голосомъ и странно трясъ своею сѣрой, всклокоченною головою.

— Помилуй, Кереметь, помилуй! Неужели ты не знаешь, что здѣсь самыя жирныя во всей округѣ куры? Ай-ай, Кереметь! Ты бы шелъ туда, гдѣ люди и безъ того дохнутъ съ голоду: тамъ тебѣ была бы хорошая пожива. Тамъ много стариковъ и старухъ, едва передвигающихъ отъ голода ноги, тамъ много мальчиковъ и дѣвочекъ, умирающихъ отъ болѣзни рта. Ты бы долженъ это знать, Кереметь, потому что сейчасъ холодно, охъ, какъ холодно, и мы всѣ замерзаемъ. Когда я шелъ сюда, трещали отъ мороза деревья; по ночамъ изъ овраговъ подымается снѣжная буря. Ахъ, сколько она губитъ людей и лошадей! Сколько по дорогамъ покойниковъ. Ахъ, какъ страшно въ лѣсу и по дорогамъ!.. А здѣсь хорошо, и варится мясо. Здѣсь много людей, и всѣ сыты. А еще сколько здѣсь куръ и гусей. Мц... мц... И овецъ, и коровъ, и быковъ, и лошадей.:: Ха-ха-ха!

Большой Семенъ добродушно посмѣялся и потрясъ головою. И Елышу казалось, что въ открытую дверь изъ лѣсу тоже кто-то смѣется буйный и веселый, и, какъ дитя, хлопаетъ въ ладоши.

— Глупъ ты, Кереметь! Ай, глупъ! И Богъ, а глупъ. Неужели я долженъ тебѣ разсказывать, какой вкусъ у куръ? Мц... мц... Если бы я могъ ѣсть куръ каждый день! Увы, увы, я ѣмъ одинъ хлѣбъ съ водою! Если бы, по крайней мѣрѣ, у меня были деньги. Напримѣръ, сейчасъ мнѣ нужно, очень нужно тридцать копеекъ. Гдѣ мнѣ взять тридцать копеекъ? Кереметь велитъ хозяину дать мнѣ тридцать копеекъ, и я очень удивляюсь, что хозяинъ этого не слышитъ. Я хочу плевать на огонь этого человѣка, который не понимаетъ самыхъ простыхъ словъ. Тьфу, тьфу!

Но въ это время отецъ подалъ ему что-то завернутое въ красный лоскутокъ. Старый волшебникъ пересчиталъ, зачмокалъ своимъ беззубымъ ртомъ и забормоталъ дальше:

— Я вѣдь говорилъ тебѣ, Кереметь. Вотъ погоди, завтра мы заколемъ тебѣ жеребенка, самаго лучшаго во всей округѣ жеребенка. Не старую слѣпую лошадь. Э, нѣтъ! Ты садись себѣ на нее и уѣзжай. Я даю тебѣ хорошій совѣтъ.

Но въ открытую дверь кто-то попрежнему смѣялся и буйно хлопалъ въ ладоши.

Начали варить мясо. Елышъ смутно чувствовалъ какъ кто-то всунулъ ему полусонному въ ротъ теплый кусокъ курятины. Онъ судорожно, вмѣстѣ со слезами, проглотилъ и снова впалъ въ тяжелое забытье...

— Вставай! — услышалъ онъ вдругъ надъ собою голосъ отца.—Поѣдемъ Карабаша кричать.

Елышъ открылъ глаза и увидѣлъ, что ихъ домъ полонъ мужчинъ и женщинъ.

Въ сѣняхъ стоялъ его старшій братъ Степанъ, который пришелъ съ русской стороны. Онъ былъ крещеный и жилъ по-русски. Елышъ любилъ его за то, что у него въ домѣ была русская печь, мѣдный самоваръ и чайная посуда. По обыкновенію, онъ хотѣлъ къ нему приласкаться, но на этотъ разъ глаза Степана были сердитые.

— Э, уйди!—сказалъ онъ: не то и тебя приколю вмѣстѣ съ лошадью.

Елышъ увидалъ у него въ рукахъ острый длинный ножъ, которымъ рѣжутъ овецъ. На дворѣ, шурша соломой, крутила метель. Степанъ вышелъ изъ сѣней вслѣдъ за нимъ. Нѣсколько собакъ кинулись ему навстрѣчу и стали лизать его руки.

— Почуяли!—злобно проворчалъ онъ и подошелъ къ Пѣгому, который дожидался, заложенный въ сани.

— Такую лошадь рѣзать!—продолжалъ онъ, обращаясь къ отцу, и похлопалъ Пѣгаго по крупу:—Давай лучше мѣнять. Ни за что пропадетъ лошадь.

— Пускай!—сказалъ отецъ слабымъ голосомъ и тоже положилъ руку лошади на крупъ.

Пѣгій повелъ шерстью и началъ дрожать всѣмъ тѣломъ. Собаки подняли протяжный вой.

— Чуетъ свою смерть,—замѣтилъ Степанъ.

— Ничего не подѣлаешь! — вздохнулъ отецъ: — Садись, Елышъ! Поѣдемъ Карабаша кричать.

— Эхъ, хороша лошадь!—крикнулъ Степанъ, отворяя ворота:—Колоть жалко. Продай: я тебѣ старую дамъ да еще приплачу.

— Нельзя!—усмѣхнулся отецъ и, ударивъ вожжами, крикнулъ:

— Н-но, поѣзжай!

Пѣгій разомъ вынесъ ихъ изъ воротъ и помчалъ по просѣкѣ.

— Куда ѣдешь?—въ страхѣ закричалъ Елышъ, прижимаясь къ отцу.

— А на кладбище,—отвѣчалъ тотъ смутнымъ голосомъ,— Все за тѣмъ же... Карабаша кричать.

— Карабашъ вѣдь померъ.

— Онъ услышитъ... Семенъ сказалъ: покричи, онъ услышитъ.

— Отецъ, что это?—спросилъ Елышъ, въ страхѣ указывая на придорожные пни и кусты, гдѣ мелькало что-то черное.

— Гдѣ?—глухо шепнулъ отецъ и придержалъ лошадь.

Метель еще сумрачнѣе загудѣла въ верхушкахъ сосенъ.

— Напрасно Степана не взялъ, — также глухо пробормоталъ отецъ: — Теперь въ лѣсу смерть.

— Э, да это наши собаки,—весело добавилъ онъ.

Двѣ собаки молча, поджавъ хвосты, подбѣжали къ санямъ.

Отецъ смѣрилъ глазами черную даль и снова задергалъ вожжами.

— Н-но, пошла!

Снова началось мельканіе въ кустахъ. Елышъ явственно видѣлъ, какъ кто-то съ остроконечной головой перебѣжалъ дорогу и упалъ въ кусты.

— Кто это?—прошепталъ Елышъ.

— Это метель,—сказалъ отецъ,—видишь, еще мететъ. Тяжело ѣхать.

На опушкѣ онъ опять задержалъ лошадь и долго глядѣлъ назадъ въ лѣсъ.

— Миколай—богъ сердитый,—сказалъ онъ въ задумчивости; потомъ вылѣзъ изъ саней и, утопая въ глубокомъ снѣгу, сталъ поправлять лошади подпругу.

Елышу сдѣлалось жутко.

— А кладбище гдѣ?—спросилъ онъ робко изъ саней.

— Тамъ.

Отецъ неохотно махнулъ рукой въ сторону поля. Елышъ хотѣлъ посмотрѣть, не видно ли кладбища, но вьюга, тянувшая оттуда, слѣпила ему глаза. Напрасно силился онъ разсмотрѣть хоть что-нибудь. Тамъ, за полемъ, была русская сторона, тамъ жилъ строгій богъ Миколай, отъ котораго чуваши прятались по лѣсамъ, тамъ жила и добрая Тора-Аможе.

— Отчего она не приходитъ къ чувашамъ въ лѣсъ?—подумалъ Елышъ съ недоумѣніемъ.

Отецъ присѣлъ на край саней и тоже сталъ глядѣть въ сторону поля. Елышъ зналъ, что онъ боится ѣхать на русскую сторону.

— Чего не ѣдешь?—спросилъ онъ отца.

Тотъ молча вздохнулъ. Только слышно было, какъ сыплетъ снѣгомъ метель да стонутъ верхушки сосенъ.

Елышъ вспомнилъ Карабаша, съ которымъ бывало ходилъ на русскую сторону къ брату Степану. Тотъ бывало тоже подолгу сидѣлъ на опушкѣ лѣса и глядѣлъ вдаль, туда, гдѣ змѣилась дорога. И его также спрашивалъ Елышъ:

— Чего не идешь?

Но Карабашъ тоже молчалъ. Теперь онъ лежитъ на русской сторонѣ. Тамъ же будетъ лежать и отецъ и онъ, Елышъ. Тамъ за полемъ, на кладбищѣ, лягутъ всѣ чуваши.

И туда теперь глядѣли молча, каждый съ своими думами, отецъ и сынъ.

— Зачѣмъ Карабашу въ уши желтую нитку клалъ? — спросилъ Елышъ, который давно хотѣлъ спросить, зачѣмъ затыкали мертвому Карабашу уши.

Отецъ угрюмо помолчалъ.

— Зачѣмъ? Такъ надо. Покойники спрашивать будутъ: «Не слыхалъ ли чего? Не несутъ ли кого? Много ль остается чувашъ?» А Карабашъ говоритъ:—«Я не слыхалъ; у меня желтая нитка въ ушахъ. Чувашъ еще много».

— А зачѣмъ покойники спрашиваютъ?

— Вотъ, зачѣмъ! Спрашиваютъ... Имъ надо... Они не любятъ чувашъ, завидуютъ ... Имъ дарить надо... много дарить... денег

класть... хлѣба класть... табакъ класть... Карабашу лошадь рѣзать надо... Карабашъ злой теперь... Ухъ, злой!

Елышъ вспомнилъ, какой всегда былъ добрый Карабашъ, и ему стало страшно отъ такой перемѣны съ братомъ.

— Умирать не надо, — рѣшилъ Елышъ: — И на ту сторону ѣздить не надо.

— Домой!—захныкалъ онъ:—Поѣдемъ домой.

— Ну!—крикнулъ отецъ:—Что домой! Нельзя домой! Дома Семенъ... ругать будетъ: «Зачѣмъ не кричалъ Карабаша?» Онъ узнаетъ. Нельзя домой.

Онъ нагнулся къ самому лицу Елыша, такъ что Елышъ почувствовалъ на своемъ лицѣ его дыханіе.

— Ну, не кричи!—продолжалъ онъ:—Что кричишь?

Съ этими словами онъ вскочилъ на розвальни и такъ стегнулъ Пѣгаго, что тотъ присѣлъ отъ боли на заднія ноги, потомъ рванулъ и въ одинъ моментъ вынесъ въ поле.

У Елыша захватило духъ.

— Айда,—крикнулъ отецъ и изо всей силы задергалъ вожжами.

Пѣгій тяжело и мучительно захрапѣлъ.

— Айда!—зачѣмъ мнѣ богъ Миколай?—продолжалъ отецъ и засмѣялся, какъ пьяный:—Я—чувашъ.

Онъ пронзительно свистнулъ и защелкалъ языкомъ. Елышъ не удержалъ равновѣсія и ткнулся носомъ въ дно розвальней.

— О-эй!—протяжно крикнулъ отецъ, и Елышу показалось, что кто-то другой весело подхватилъ этотъ крикъ и долго повторялъ въ поляхъ: «о-эй! о-эй!»

— Я—чувашъ, а не русскій!—продолжалъ отецъ со страннымъ хохотомъ:—Что мнѣ богъ Миколай? Онъ—русскій богъ, онъ русскихъ любитъ, а я чувашъ... Онъ чувашей не любитъ: ему отъ чувашъ тѣсно... Лѣса вырубалъ, поля пахалъ... всѣмъ завладалъ... Ему отъ чувашъ тѣсно... О-эй!

— О-эй!—весело отвѣчало ему въ поляхъ: не то заглушенный лай собакъ, не то вой вѣтра.

Вдругъ Пѣгій захрапѣлъ, и сани ткнулись во что-то мягкое.

Елышъ поднялся съ живота на четвереньки и поглядѣлъ: они стояли у невысокой снѣжной насыпи, по краю которой курилась вьюга. Елышъ понялъ, что это кладбище. Всмотрѣвшись, онъ замѣтилъ, что тамъ было совсѣмъ темно, такъ темно, какъ-будто даже луна не смѣла туда свѣтить.

— Эй, Карабашъ!—зычно крикнулъ отецъ и похлопалъ въ рукавицы:—Домой приходи, Карабашъ! Провожаемъ.

Елышъ застылъ въ жуткомъ ожиданіи. Но за снѣжнымъ бугромъ было попрежнему тихо, и только по краю курилась вьюга, да молча туда и сюда сновали собаки, испуганно навастривая уши и внимательно взглядываясь во мракъ.

Вдругъ одна изъ нихъ сѣла на заднія лапы и, высоко поднявъ морду, глухо и прерывисто завыла; другая понюхала снѣгъ и враждебно зарычала, но потомъ, какъ бы тоже почуявъ что-то, завторила тонкимъ и печальнымъ голосомъ.

Пѣгій вздохнулъ и тревожно переступилъ ногами.

— Услышалъ!—серьезно сказалъ отецъ и, торопливо и безтолково дергая вожжами, сталъ заворачивать лошадь.

Елышъ зажмурился, потому что вьюга ударила прямо въ глаза: точно кто бросилъ ему въ лицо горсть снѣга.

— Айда, Карабашъ! — услышалъ онъ голосъ отца, который тутъ же выругался, потому что не было никакой возможности взглянуть передъ собой. Порой онъ только слышалъ какъ сквозь свистъ вѣтра ругался отецъ да храпѣлъ Пѣгій. Иногда отецъ оборачивался и кричалъ:

— Эй, Карабашъ, не отставай! Провожаемъ. Жеребенка бери!

И потомъ, обратившись къ Елышу, шопотомъ добавлялъ:

— Много ихъ... Съ собою съ кладбища взялъ...

Елышъ старался выглянуть изъ саней и, наконецъ, ему это удалось, потому что или вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, или сами они ѣхали въ другую сторону. Вдругъ сани стукнулись опять, какъ прежде, обо что-то мягкое, и Пѣгій сталъ. Елышъ увидѣлъ незнакомое мѣсто и снова тотъ же самый бугоръ, по которому курилась вьюга.

— Водитъ... кругъ себя водитъ...—шопотомъ, нагнувшись къ самому его уху, сказалъ отецъ:—Отпустить не хочетъ...

— Но, ты!—крикнулъ онъ на задыхавшуюся въ хомутѣ лошадь.—Гдѣ теперь дорога?

Онъ замахнулся на лошадь, и Елышу показалось, что они опять не туда поѣхали. Его маленькое сердечко начало дрожать.

Дѣйствительно, Пѣгому было вездѣ по брюхо. Вьюга свистѣла то оттуда, то отсюда, словно издѣваясь надъ путниками. Отецъ вылѣзъ изъ саней и помогалъ одной рукой лошади, которая изо всѣхъ силъ работала задними ногами. Иногда они куда-то проваливались, иногда натыкались на бугры. Сани шатались во всѣ стороны, и плачущій Елышъ то и дѣло скатывался въ снѣгъ. Отецъ нѣсколько разъ останавливался и бранился. Наконецъ, въ отдаленіи показалось что-то похожее на кусты.

Вдругъ изъ земли выросъ странный предметъ.

— Кресъ!—глухо сказалъ отецъ:—не туда заѣхали... Такіе кресы по всему кладбищу стоятъ...

Онъ круто повернулъ Пѣгаго и сталъ его нахлестывать. Снова поплыли они по буграмъ, но теперь справа и слѣва потянулись кусты, и ихъ хлестало то и дѣло по лицу прутьями.

— Все водитъ. — Эй, Карабашъ, не надо! — вдругъ крикнулъ отецъ въ пространство. — Отпусти! Зачѣмъ! Нехорошо, Карабашъ.

Какъ бы въ отвѣтъ на это Пѣгій остановился, что-то страшно хрустнуло, и сани накренились.

— Оглобля!—сказалъ отецъ и началъ что-то ощупывать руками въ снѣгу.

— Оглобля!—повторилъ онъ утвердительно и сердито хлестнулъ Пѣгаго по спинѣ.

— Домой поѣдемъ! Домой!—заплакалъ Елышъ.

— Куда домой? Тутъ ждать будемъ,—сказалъ отецъ и угрюмо сѣлъ въ сани.—Замерзать будемъ, пока день придетъ. Ложись. Покройся: теплѣй будетъ. Миколай-богъ наказалъ. Миколай-богъ чувашъ не любитъ: всѣхъ чувашъ перевесть хочетъ...

Елышъ хотѣлъ опять заголосить, но вдругъ что-то дрогнуло и со стономъ прокатилось въ пространствѣ, и долго еще дрожа-

щій звукъ висѣлъ надъ всѣмъ, пока, вмѣстѣ съ порывомъ снѣжной вьюги, его не отнесло куда-то въ сторону.

Не успѣлъ Елышъ опомниться, какъ снова что-то съ трескомъ ударилось у нихъ надъ головой, и снова стонущій, дребезжащій звукъ, отъ котораго тряслись внутренности, застылъ на время въ воздухѣ. Елышъ схватилъ отца за руку.

— Миколай-торъ звонитъ... — прошепталъ отецъ, снимая шапку.

Дребезжащіе удары падали протяжно одинъ за другимъ совсѣмъ близко гдѣ-то, и Елышу чудилось въ нихъ что-то сердитое и безпощадное.

Вдругъ отецъ пригнулъ къ нему теплое, мокрое отъ снѣга, лицо и зашепталъ прерывающимся голосомъ:

— Миколай-богъ сердитый: всѣхъ чувашъ перевелъ... Троица тоже богъ сердитый: людей въ водѣ топилъ, церковь по лѣсамъ рубилъ. И Егоръ-богъ большой: съ водой пришелъ. Снѣгъ стаялъ, вода шла, Егоръ пришелъ: лѣса палилъ, скотину валилъ.

Онъ остановился, и Елышъ чувствовалъ на своемъ лицѣ его горячее, прерывистое дыханіе.

— Другой богъ пришелъ, — продолжалъ отецъ: — русскій богъ. Чувашъ перевесть хочетъ.

Онъ угрюмо замолчалъ, и только свисталъ надъ ними вѣтеръ, да слышно было, какъ въ отдаленіи настойчиво ударялъ во что-то разбитое сердитый богъ Миколай.

— Домой поѣдемъ!—заплакалъ Елышъ и толкнулъ отца въ плечо.

Но тотъ не отвѣчалъ, и Елышу даже показалось, что онъ заснулъ.

А Миколай-богъ звонилъ все чаще и чаще. Потомъ онъ, должно быть, надѣлъ на свои огромные пальцы разомъ много бубенчиковъ, и слышно было, какъ онъ звонитъ ими всѣми за разъ и тѣшится. И Елышъ улыбнулся сквозь сонъ: такъ хорошо зазвонилъ богъ Миколай. И онъ подумалъ, тоже засыпая:

— И Миколай хорошъ богъ: звонитъ хорошо.

Потомъ ему показалось, что онъ стоитъ на камнѣ у рѣчки, и отецъ манитъ его зачѣмъ-то съ того берега рукой. Поманилъ и

ушелъ. Онъ хотѣлъ заплакать и вдругъ видитъ—кустъ, а у куста стоитъ будто дѣвчонка, только странно одѣтая; въ оловянныхъ башмачкахъ и въ мѣдномъ халатикѣ, сама вся сіяетъ, какъ самоваръ на русской сторонѣ у брата Степана. Стоитъ и протягиваетъ ему два журавлиныхъ яичка. Онъ хотѣлъ взять ихъ, а она говоритъ: «Возьми одно, а другое я брошу въ рѣчку». А сама смѣется и такъ хорошо смѣется, что и Елышу стало смѣшно. И вдругъ онъ понялъ, что это Тора-Аможе. Онъ протянулъ къ ней руки, плача отъ радости, и хотѣлъ сказать, чтобы она не бросала въ воду яичка, но она улыбнулась и бросила, и онъ въ тотъ же мигъ проснулся.

— Такъ вотъ она какая,—подумалъ онъ:—веселая!

Было холодно ногамъ и спинѣ. Въ тотъ же мигъ онъ почувствовалъ, что Миколай-торъ пересталъ звонить и отца не было возлѣ; съ нимъ пропали и собаки.

Онъ въ страхѣ приподнялся и робко окликнулъ отца. Потомъ, переждавъ порывъ вѣтра, крикнулъ опять и вдругъ заплакалъ, понявъ, что отецъ бросилъ его и ушелъ куда-то... должно быть, дорогу домой искать...

Въ воздухѣ замѣтно сѣрѣло, и видны были черные сучья деревьевъ; сани стояли, накренясь на одинъ бокъ, и Пѣгій тяжело дышалъ, помахивая головою. Елышъ вскочилъ и побѣжалъ, утопая по поясъ въ снѣгу.

Онъ бѣжалъ долго, съ остервенѣніемъ перелѣзая черезъ какіе-то камни; бѣжалъ, потому что его преслѣдовалъ слѣпой, безумный страхъ. Сердце его колотилось, какъ подстрѣленная птица; дыханіе захватывало и языкъ пересохъ.

Но онъ бѣжалъ, пока, наконецъ, не зацѣпился за что-то и не покатился кубаремъ. Въ то же время ему показалось, что мелькнулъ свѣтъ и надъ нимъ раздался голосъ, сказавшій что-то на непонятномъ языкѣ.

Елышъ поднялся и поглядѣлъ. Надъ нмъ стояла старуха и быстро говорила, показывая куда-то рукой. Онъ слушалъ, ничего не соображая, и дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Потомъ она закашляла, и ему показалось, что это разомъ засмѣялась цѣлая куча татарчатъ.

Прокашлявшись, старуха взяла его крѣпко за плечо и потащила за собой туда, гдѣ горѣлъ огонекъ.

Елышъ скоро понялъ, что это дверь въ ту самую церковь, гдѣ жилъ русскій богъ Миколай, и пересталъ упираться. Сколько разъ онъ мечталъ побывать въ церкви, и старуха показалась ему поэтому доброй. Они перешагнули порогъ и очутились въ большой каменной избѣ, гдѣ было темно и чуть свѣтилъ фонарь. Тутъ снова запрыгали и засмѣялись татарчата, и Елышъ сообразилъ, что старуха опять закашляла.

Наконецъ, она отворила большую стеклянную дверь, Елышъ вошелъ и... невольно отступилъ въ изумленіи.

Старуха опять начала браниться и что-то ворчать, но онъ уже не обращалъ на нее вниманія.

Такъ вотъ гдѣ живетъ Миколай-торъ!

А вотъ и онъ самъ. Какой сѣдой и страшный. Онъ былъ въ красномъ халатѣ и черной шапкѣ... Въ рукахъ у него былъ огонь, которымъ онъ необыкновенно ловко махалъ направо и налѣво, и когда онъ ушелъ назадъ, на мѣстѣ остался одинъ густой дымъ. Это понравилось Елышу до такой степени, что онъ улыбнулся.

Нѣсколько голосовъ гдѣ-то пѣли. Всюду стояли люди, все русскіе, и все кланялись.

Не успѣлъ Елышъ пожалѣть, что Миколай-торъ ушелъ, какъ пѣніе замолкло, и онъ опять вышелъ. Елышу показалось, что онъ что-то несетъ, но старуха въ это время насильно наклонила ему голову, и Елышъ могъ только слышать какъ Миколай-торъ, что-то сердито говорилъ, и когда онъ кончилъ говорить, опять запѣли, и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ Миколай-торъ, опять клубился одинъ только дымъ. Потомъ Миколай-торъ ушелъ совсѣмъ и даже затворилъ за собой оловянную дверь.

Елышу стало скучно. Тутъ только онъ началъ оглядываться по сторонамъ. Онъ попробовалъ шагнуть впередъ, но старуха догнала его и отвела въ сторону. Елышъ попробовалъ вырваться, но вдругъ оцѣпенѣлъ отъ изумленія: подъ краснымъ, шитымъ деньгами и бусами навѣсомъ сидѣла Тора-Аможе, и передъ самымъ ея лицомъ горѣлъ красный огонь. Она сидѣла такъ глубоко и тихо, что онъ узналъ ее только по ея смуглому и черноглазому младен-

цу на рукахъ. Голова у нея была покрыта бѣлымъ, а одежда блистала, какъ мѣдь. Онъ силился разглядѣть выраженіе ея лица, но она сидѣла такъ глубоко, и отъ навѣса на лицо ея падала густая тѣнь.

Слезы неизъяснимой радости вдругъ сперлись въ груди у Елыша. Онъ грубо толкнулъ старуху и, показывая пальцемъ на свѣтлый призракъ, въ восхищеніи прошепталъ:

— Тора-Аможе! Гляди: Тора-Аможе!

— Тора-Аможе! Тора-Аможе — закивала старуха и снова затараторила по-русски.

Но Елышъ уже ея не слушалъ.

Такъ вотъ гдѣ она живетъ! Въ благоговѣніи, поднявшись на цыпочки, онъ старался заглянуть ей въ лицо; поднявши плечи до самыхъ ушей и неловко балансируя, онъ дѣлалъ ей руками разные знаки, несмотря на то, что старуха изо всей силы давила ему на плечо.

Но Тора-Аможе продолжала сидѣть все такъ же безмолвно и неподвижно, точно неживая...

И вдругъ страшное подозрѣніе мелькнуло въ душѣ Елыша. Онъ рванулся изъ цѣпкихъ рукъ старухи и въ два прыжка очутился у самаго навѣса: Тора-Аможе и ея младенецъ сидѣли все такъ же неподвижно... Они были неживые, нарисованные... Елышъ не вѣрилъ: ему хотѣлось убѣдиться въ этомъ руками, и съ этою цѣлью онъ протянулъ ихъ къ тому самому мѣсту, гдѣ темнокудрый мальчикъ обвивалъ рукою шею своей матери.

Но только его пальцы коснулись гладкой и блестящей доски, какъ старуха съ воплемъ настигла свою жертву и съ бранью оттащила на старое мѣсто.

Елышъ больше не сопротивлялся, потому что убѣдился теперь совершенно ясно, что Тора-Аможе неживая. Его занималъ только вопросъ, отчего Тора-Аможе неживая. Вотъ Миколай-торъ тотъ живой: и въ бубенчики звонитъ, и огнемъ машетъ.

И Елышу стало скучно.

— Всѣмъ Миколай-торъ завладалъ, ничего не оставилъ. «Лѣса вырубалъ, поля пахалъ», вспомнились ему слова отца: — «Ему и отъ чувашъ тѣсно!»

И Елышъ впервые до глубины своего дѣтскаго сердца содрогнулся передъ богомъ Миколаемъ. Видно, онъ шутить не любитъ! Его только одинъ Большой Семенъ не боится, да и тотъ прячется отъ него по лѣсамъ. Потомъ вспомнился Елышу отецъ, и метель и Пѣгій на кладбищѣ.

Отъ бога Миколая никуда не спрячешься: онъ всюду достанетъ. Онъ—начальникъ!—прошепталъ Елышъ и сталъ молиться грозному богу, для чего всталъ, какъ всѣ русскіе, на колѣни и уткнулся лбомъ въ землю.

Онъ клялся богу Миколаю, что будетъ русскимъ, уйдетъ на русскую сторону къ брату Степану; онъ называлъ его ласковыми именами, а Торе-Аможе смотрѣла на него съ высоты, грустная и безмолвная, словно околдованная волшебнымъ сномъ, и къ груди ея прижимался темнокудрый мальчикъ, должно быть, такой же, какъ Елышъ.

И тутъ только Елышъ совершенно отчетливо понялъ, что Тора-Аможе ушла, должно быть, совсѣмъ ушла, куда-то далеко, далеко, откуда ей трудно вернуться; ушла, и оттого не приходитъ она въ лѣса. И нѣтъ ея нигдѣ: ни у чувашъ, ни у русскихъ. Ушла и унесла съ собой своего темнокудраго младенца. И надъ полями и лѣсами теперь сердито царствуетъ богъ Миколай.

ЛОЖЬ.

— Я очень радъ твоему визиту,—сказалъ Ширскій, когда я вошелъ къ нему въ мастерскую.

Лицо его, обыкновенно ироническое, было странно — разсѣянно и серьезно.

— Я давно уже не работаю,—прибавилъ онъ въ видѣ поясненія и бросилъ согнутый окурокъ папиросы на полъ, гдѣ лежала еще бездна такихъ же окурковъ.

Видимо, въ комнатѣ уже давно не убирали.

Ширскій осмотрѣлся удивленнымъ взоромъ и продолжалъ:

— У меня грязно... Прости...

Не глядя на меня, онъ собралъ морщины надъ правымъ глазомъ, что означало у него напряженную работу мысли.

— Убѣди меня, что я не сумасшедшій,—сказалъ онъ вдругъ, когда сѣлъ на клеенчатый диванъ, покрытый тонкимъ слоемъ бѣлой мучнистой пыли.

Онъ протянулъ ко мнѣ свои уродливо-длинныя руки, съ костлявыми узловатыми пальцами — руки горбуна — и тотчасъ осторожнымъ движеніемъ прижалъ ихъ къ верхней части груди, какъ-будто тамъ было главное больное мѣсто.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, онъ тѣмъ же отрывистымъ голосомъ спросилъ:

— Отчего ты не спросишь, гдѣ мой Христосъ?

Лицо его изображало странный вызовъ, почти ненависть. Я невольно вздрогнулъ, почувствовавъ, что здѣсь кроется какая-то короткая и мучительная драма.

Дѣйствительно, тамъ, гдѣ раньше возвышался Страдающій Христосъ, помѣщалась на станкѣ сырая глиняная масса, обернутая мокрымъ холстомъ.

Я еще живо представлялъ себѣ дивный мраморъ, въ которомъ съ изумительной силой и неожиданно для всѣхъ проявился могучій талантъ Ширскаго. Я замѣтилъ, что особенно прекрасныя вещи создаются всегда неожиданно, какъ для толпы, такъ и для самого художника.

Христосъ Ширскаго казался болѣе похожимъ на настоящаго Христа, чѣмъ всѣ другія видѣнныя мною раньше изображенія того же рода. Казалось, что художникъ уничтожилъ пропасть временъ и воскресилъ силой таинственнаго колдовства утраченныя черты когда-то жившей необычайной личности.

Всякій, приближавшійся къ мрамору, невольно замѣчалъ:

— Да, это — Христосъ!

И чувствовалъ благоговѣйное смущеніе, почти страхъ.

Лицо Ширскаго стало вдругъ сурово-непроницаемо.

— Я уничтожилъ моего Христа,—сказалъ онъ спокойно.

Вѣроятно, я взглянулъ на него, какъ на сумасшедшаго, потому что лицо его изобразило высшую степень раздраженія.

— Всѣ вы таковы!—крикнулъ онъ рѣзко, ероша свои длинные волосы:—Вы, публика, считаете себя собственниками нашей души. Развѣ я не въ правѣ былъ бы уничтожить его, если бы захотѣлъ?

— Ты болтаешь вздоръ,—сказалъ я, и только въ этотъ моментъ почувствовалъ, какъ мнѣ безконечно дорого и нужно созданіе Ширскаго.

Я полюбопытствовалъ, гдѣ теперь находится статуя.

Онъ молча указалъ на экранъ, стоявшій у окна.

— Я всегда оставляю за собою право уничтожить его.

— Мы не позволимъ тебѣ этого сдѣлать,—сказалъ я, чтобы подразнить его.

Глаза Ширскаго потемнѣли отъ бѣшенства, но онъ сдержал-

ся и послѣ длинной паузы, въ теченіе которой, видимо, колебался что-то сообщить мнѣ, съ натянутой усмѣшкой произнесъ:

— Я его уничтожу немедленно, какъ только ты уйдешь.

На губахъ у его выступила слюна.

— Какъ ты золъ!—сказалъ я:—объяснись, пожалуйста, что все это значитъ.

Ширскій помолчалъ. Лицо его постепенно изобразило пре-зрѣніе.

Я всталъ, чтобы посмотрѣть Христа.

— Сядь и слушай! — сказалъ онъ съ такимъ выраженіемъ, точно мое движеніе причинило ему боль:—я хотѣлъ сказать тебѣ, что сейчасъ только послалъ за Меценатомъ. Съ искусствомъ онъ не имѣетъ ничего общаго, но у него собачій нюхъ на новизну и оригинальность. За это я терплю его, хотя мнѣ иногда стоитъ большихъ усилій, чтобы не вытолкать его въ шею. Но, чортъ съ нимъ!.. Ты просилъ меня объясниться...

Онъ бросилъ разсѣянный взглядъ на экранъ, грубо заслонившій собою ликъ Христа.

— Ты—беллетристъ...—сказалъ онъ такимъ тономъ, точно произнесъ мнѣ обвинительный приговоръ.—Скажи: тебѣ никогда не приходила мучительная мысль... непремѣнно мучительная... безъ этого признака это будетъ не та мысль, о которой я хочу тебѣ сказать... мысль, что ты выводишь въ твоихъ произведеніяхъ лицъ, которыя никогда не существовали и изображаешь положенія и чувства, которыя никогда не имѣли мѣста именно въ томъ видѣ, какъ ты ихъ изображаешь?

Онъ быстро и пристально посмотрѣлъ на меня, точно желая поймать на моемъ лицѣ тѣнь скрытаго смущенія. Но его вопросъ показался мнѣ только страннымъ.

— Это искусство, — отвѣчалъ я, — искусство изображаетъ возможное, а не фотографируетъ бывшее дѣйствительно.

— Искусство! — вскричалъ онъ съ дикимъ хохотомъ: — я ждалъ услышать это слово.

И тотчасъ же ноздри его раздулись бѣшенствомъ.

— Это—ложь, а не искусство. Ты клевещешь на искусство, потому что искусство должно быть творчествомъ и имѣетъ свою

внутреннюю правду, а ваши созданія есть жалкая пародія... Пародія не есть творчество. Музыка не есть пародія, и она есть творчество. Архитектура не есть пародія, и она есть творчество. И у нихъ обѣихъ есть своя внутренняя правда, отличная отъ правды вещей. У нихъ обѣихъ есть свои законы, отличные отъ законовъ вещей.

— Ты хочешь сказать, что есть только два искусства,—спросилъ я,—музыка и архитектура?

— Пока, въ строгомъ смыслѣ слова только два:—поэзія, живопись, наконецъ, скульптура только въ стадіи возникновенія, исканія.

Я сказалъ Ширскому, что поэзія тоже имѣетъ свои законы, отличные отъ законовъ дѣйствительности.

— Мы создаемъ общіе или типическіе образы вещей, которыхъ не знаетъ дѣйствительность. Мы создаемъ свой міръ, который является истолкованіемъ міра дѣйствительнаго.

Ширскій снисходительно улыбнулся.

— Ты ничего не истолковываешь,—сказалъ онъ съ досадой и крайнимъ раздраженіемъ.—Вотъ этотъ стулъ, который несомнѣнно существуетъ... этотъ простой глупый стулъ... онъ умнѣе всѣхъ твоихъ самыхъ умныхъ героевъ, потому что онъ несомнѣнно существуетъ... у него есть эта глупая реальность, которая даетъ ему его внутренній смыслъ...

Онъ съ мучительнымъ выраженіемъ уставился на меня.

— Не понимаешь?

— Я, дѣйствительно, не понималъ.

— Каждымъ словомъ твоихъ произведеній, — продолжалъ Ширскій, пристально глядя на меня,—ты, романистъ и новеллистъ, клевещешь на дѣйствительность. Твои герои притворяются живыми людьми; они только похожи на людей, на тебя, на меня, на каждаго изъ насъ, но въ нихъ нѣтъ настоящаго жизненнаго углубленія, которое дается только подлинною реальностью. Твои герои это повтореніе твоего я. Это міръ подъ скуднымъ угломъ твоего зрѣнія, а ты выдаешь его за подлинную правду вещей. Истинный міръ есть цѣпь индивидуальностей, а каждая индивидуальность есть неповторяемая тайна. А ты схватываешь сходное.

наружное, второстепенное и кричишь: вотъ я ухватилъ жизнь. Твои повѣсти наполнены чиновниками, профессорами, студенми, аптекарями, художниками, безумцами, праведниками, влюбленными. Ты міръ подраздѣлилъ на группы и каждой изъ нихъ далъ ярлыкъ и, кромѣ этихъ группъ, ты въ мірѣ ничего не видишь, не воспринимаешь. Ты удивительно хорошо копируешь все общее, схожее. Твои герои обладаютъ всѣми словечками и ужимками и тѣмъ не менѣе они—ложь! Когда я думаю о себѣ, я не говорю себѣ, что я скульпторъ или аптекарь. А когда я иду по выставкѣ, обо мнѣ говорятъ: вотъ идетъ тотъ самый горбатый скульпторъ. Это — внѣшность. Во мнѣ есть нѣкій важный плюсъ. И этотъ плюсъ есть тайна моей индивидуальности, извѣстная лишь мнѣ и больше никому. Наши: живопись, поэзія, скульптура, — внѣшніе. Я презираю ихъ.

Въ его словахъ я началъ улавливать парадоксальную, какъ мнѣ казалось, но нелишенную интереса мысль.

— Ты—лгунъ!—кричалъ Ширскій.—Если бы кто-нибудь захотѣлъ изучать жизнь по твоимъ разсказамъ, онъ не узналъ бы ничего, кромѣ самыхъ отвратительныхъ и противоестественныхъ нелѣпостей, составляющихъ плодъ твоего дерзскаго измышленія. Ты тѣмъ болѣе гадкій лгунъ, что врешь виртуозно, пользуясь для своей цѣли всѣми выработанными пріемами твоего лживаго искусства, ты маскируешь ложь описываемыхъ тобою чувствъ изображеніемъ жестовъ, мимики лица, подробностей костюма, картинъ природы. Я не отрицаю за тобою права разбираться въ жизненныхъ явленіяхъ, замѣчая сходства и подобія и ставя подъ ними ярлыки словъ: это есть міръ твоихъ субъективныхъ впечатлѣній и интересовъ. Но зачѣмъ ты лжешь, если ты меланхоликъ, что міръ ужасенъ, или, если ты сангвиникъ, что онъ глупо-веселъ? Это походило бы на то, если бы я на нѣкоторое время потерялъ зрѣніе и поэтому писалъ. «Сегодня былъ удивительный день. Солнце утромъ больше не взошло. Не было ни домовъ, ни деревьевъ, ни людей, но надъ землею воцарился мракъ и смѣшанный гулъ». Или если бы, будучи пьянъ, я сказалъ: «сегодня весь міръ шатается». Если хочешь, изо всѣхъ видовъ поэзіи я допускаю только лирику, какъ непосредственное выраженіе состояній инди-

видуальнаго сознанія. Лирическій поэтъ говоритъ о глубинѣ собственнаго духа: его поэзія интересна, какъ исповѣдь, ибо воистину интересна только личность, геній, сила воли, побуждающая меня къ тому или другому... Но ты лгунъ и даже больше: преступный лгунъ, потому что нѣтъ такого обмана, который ты не могъ бы облечь для слабыхъ, бѣдныхъ душъ, живущихъ только внѣшними сходствами вещей, въ подобіе дѣйствительности. Собственное свое отчаяніе, собственную тупость, болѣзненность и всю твою душевную гадость ты облекаешь въ кажущуюся плоть и кровь. Если бы самъ дьяволъ, отецъ лжи, захотѣлъ сотворить собственную дѣйствительность, она была бы не хуже той клеветы на Бога, если Онъ есть, и на Его твореніе, которое мы видимъ, той, повторяю, клеветы, того пасквиля, который ты называешь искусствомъ.

Онъ громко захохоталъ.

— Скажи, умоляю тебя: тебя никогда не мучила мысль, что твои герои могли бы быть такими или другими, дѣлать то, а можетъ быть, и что-нибудь другое, что ты ошибся, положилъ не ту черту, создалъ не тотъ носъ или цвѣтъ волосъ?

Онъ съ мукой глядѣлъ на меня.

— Но это не важно! — сказалъ я: — необходимо схватить главное, существенное.

— Въ то же время мнѣ казалось, что онъ правъ.

Герои моихъ повѣстей представились мнѣ именно со своей отрицательной стороны. Все, что принадлежало къ ихъ индивидуальной природѣ, выступало передо мной, какъ случайность, какъ излишній, ненужный, вздорный балластъ. Я хотѣлъ, чтобы мои герои «жили», но это было скучная и блѣдная имитація жизни. Въ своихъ жалкихъ лохмотьяхъ дѣйствительности они напоминали скорѣе огородныя чучела, чѣмъ настоящихъ людей.

Ширскій смотрѣлъ на меня острымъ взглядомъ, точно читая въ моихъ мысляхъ.

— Къ чему эта ложь?—продолжалъ онъ, дружески подсаживаясь ко мнѣ на диванъ.—Мы не можемъ быть вторыми творцами сотворенной не нами жизни. Къ чему безсмысленныя попытки двоить реальность? Къ тому же все равно мы не можемъ пойти

дальше дурной копіи хорошаго образца. Я люблю дѣйствительность, поклоняюсь ей, и потому не хочу поднимать руку ни на то, что есть, ни на то, что было.

Его мысли дѣйствовали на меня, какъ тяжелый кошмаръ.

— Я разбилъ моего Христа! — вдругъ воскликнулъ онъ печально и, подойдя къ окну, отодвинулъ экранъ.

Я увидѣлъ обезображенную, безформенную мраморную глыбу, осколки на полу и точно слой бѣлоснѣжной муки. Тутъ же стояла прислоненная половая щетка.

Въ глазахъ Ширскаго свѣтилось странное вдохновеніе.

— Слушай меня внимательно! — продолжалъ онъ: — Ты видишь, что я сдѣлалъ? Мой Христосъ мучилъ меня, потому что онъ лгалъ каждой чертой своего лица. Это былъ не Христосъ, а кто-то другой, никогда не бывшій, мною придуманный и клеветавшій на настоящаго Христа, передъ которымъ благоговѣла моя душа. Онъ долженъ былъ погибнуть, какъ узурпаторъ, какъ самозванецъ, погибнуть во имя правды и... искусства... настоящаго искусства. Я долго думалъ о немъ.

Онъ мечтательно провелъ рукой по волосамъ.

— Искусство должно быть творчествомъ, а не подражаніемъ... Объ этомъ я уже сказалъ. Мы же не творцы: мы— жалкіе карикатуристы. Вслушайся въ музыку: она свободна, она творитъ свое. Отчего живопись, скульптура, поэзія не могутъ быть свободны отъ рабства передъ дѣйствительностью такъ же, какъ музыка? Древній міръ не зналъ уродливаго натурализма нашихъ дней: его пластическія искусства, его поэзія были музыкой. Древній міръ создалъ циклоповъ, сфинксовъ, кентавровъ, сатировъ. Мы же давно забыли, что такое миѳъ. Мы увѣровали въ трезвую дѣйствительность, которая намъ ничего не дала... Я создамъ собственный міръ, міръ не существующей мечты. Я нарушу всѣ извѣстныя пропорціи и гармоніи. Я буду богомъ моего собственнаго, мною созданнаго міра. Царство кентавровъ и сфинксовъ только преддверіе моего міра.

Онъ сдѣлалъ вдохновенный жестъ длинной рукой, словно прозрѣвая образы своего міра.

— Смотри сюда!

Онъ медленно подошелъ къ закутанной глиняной глыбѣ.

Въ это время отворилась дверь и вбѣжалъ Меценатъ. Его губастое лицо выражало смѣсь любопытства и безпокойства.

Замѣтивъ разбитый мраморъ, онъ приблизился и неувѣренно пощелкалъ языкомъ, точно продолжая еще въ чемъ-то сомнѣваться.

— Ты снялъ, по крайней мѣрѣ, фотографію!—спросилъ онъ Ширскаго, какъ-будто рѣчь шла о вещи давно условленной между ними.

Ширскій отрицательно покачалъ головой и съ молчаливо-торжественнымъ видомъ началъ раскутывать глину.

Сначала мы увидѣли странное подобіе ногъ и рѣдкихъ, точно выщипанныхъ крылъ. По мѣрѣ того, какъ снималось полотно, обозначался костистый хребетъ чудовища, острыя плечи и круглый голый черепъ. Наконецъ, на насъ глянули гнусныя черты его лица, вѣрнѣе—морды, въ которой отвратительнымъ образомъ сочеталось звѣриное и человѣческое.

Я не могъ сразу дать себѣ яснаго отчета, что̀ болѣе всего поразило меня въ этомъ изображеніи: противоестественность ли замысла, или глубина выраженія полу-лица—полу-морды. Во всякомъ случаѣ, странная работа Ширскаго была отмѣчена блуждающимъ, печальнымъ лучемъ извращеннаго генія. Но по мѣрѣ того, какъ я смотрѣлъ, я начиналъ понимать, что источникомъ смутнаго волненія, овладѣвшаго мною, было именно это искаженіе благородныхъ формъ человѣческаго. Это было движеніе назадъ, прочь отъ прекраснаго человѣка.

Одна рука чудовища протягивалась къ развязавшейся сандаліи, точно оно собиралось продолжать прерванный на мгновеніе путь. Чувствовалось усиліе, съ которымъ оно поправляло ремень и задержало при этомъ слегка дыханіе.

Чудовище жило, и противоественныя очертанія его тѣла непостижимымъ волшебствомъ сливались въ правдивое гармоническое цѣлое.

Оно было не только возможно, но на самомъ дѣлѣ б ы л о, существовало!

Это чувство и поражало въ странной статуѣ.

Въ тайномъ, трудно преодолимомъ страхѣ, смѣшанномъ съ смутнымъ безпокойствомъ и отвращеніемъ, я перевелъ глаза на Ширскаго.

Онъ сидѣлъ въ креслѣ, блѣдный, опустившійся, съ лицомъ, въ которомъ я прочелъ собственное выраженіе мучительнаго страха и отвращенія. Онъ не смотрѣлъ на насъ, видимо, ожидая съ нашей стороны нравственной поддержки. Каждая черта его лица говорила о полномъ духовномъ истощеніи.

Вдругъ наше вниманіе было привлечено Меценатомъ. Онъ разомъ заволновался, весь пришелъ въ движеніе, пробовалъ что-то сказать, но толстыя его губы нѣсколько разъ совершенно беззвучно раскрывались и закрывались.

Наконецъ, побѣдивъ первое волненіе и обернувъ къ намъ покраснѣвшее лицо, онъ схватился за виски и взвизгнулъ тоненькимъ фальцетомъ:

— Какъ называется это?

— Фантазія, opus № 1,—глухо сказалъ Ширскій.

Меценатъ поднялъ въ восторгѣ свои толстыя ладони надъ головой, точно призывая боговъ въ свидѣтели. Лицо его, съ выпученными глазами, сдѣлалось серьезно и почти красиво.

— Да знаешь ли, шалунъ,—сказалъ онъ неожиданно мягко и нѣжно, и глаза его отъ умиленія покрылись масляной влагой:— знаешь ли, что ты создалъ? Ты создалъ самого дьявола!

Я взглянулъ на Ширскаго и отвернулся.

— Онъ дрожалъ мелкою дрожью.

ГУСЬКОВЪ.

I.

Статскому совѣтнику Гуськову всегда казалось, что онъ имѣетъ убѣжденія, твердыя, сложившіяся долгимъ опытомъ. И теперь, слушая, какъ щебетала его пріѣхавшая внучка, Варя, ему хотѣлось строго остановить ее.

— Это безпринципность! — наконецъ, сказалъ онъ.—Дальше этого итти некуда. Вѣдь у тебя, выходитъ, ничего, ничего, нѣтъ. Ты... голая!..

Варя весело захохотала.

— Милый дѣдушка, дайте васъ расцѣловать! Какъ вы это удивительно мѣтко...

Она хотѣла его поцѣловать, но онъ отстранилъ ее жесткою, старческою рукою.

— Да, голая, и... свободная! — сказала она, гордо выпрямляясь.

— Какая же это свобода? — вскипѣлъ Гуськовъ: — Свобода отъ идеаловъ, законовъ, совѣсти... Свобода отъ убѣжденій... Это не свобода, выходитъ, а несчастіе какое-то...

— Да, дѣдушка, если хотите, несчастіе, да, конечно, несчастіе... Вы вѣрно сказали...

Она тоскливо сжала виски руками.

Онъ, сбитый съ позиціи, посмотрѣлъ на нее.

— Чѣмъ же ты хвалишься?

— Я и не хвалюсь. Я только говорю, что есть. Прочныя убѣжденія имѣетъ только тотъ, кто ищетъ спокойствія... для себя.

— Ну, это ты врешь.

— Да, да, спокойствія... Я тоже могла бы составить себѣ убѣжденія. Солгала бы самой себѣ раза два—три, зажмурила бы глаза, отложила бы рѣшеніе двухъ—трехъ проклятыхъ вопросовъ, а потомъ забыла бы объ этомъ, заставила бы себя забыть, и вотъ вышло бы, что я все знаю, и нѣтъ для меня никакихъ проклятыхъ вопросовъ.

— Люди идутъ изъ-за убѣжденій на смерть,—сказалъ сурово Гуськовъ.

— Ходили, дѣдушка, въ былыя, добрыя времена!

— Теперь идутъ!

Она улыбнулась, точно хорошо знала, почему теперь люди идутъ на смерть.

— Почему же?—сказалъ онъ.

— Потому что, дѣдушка, нельзя иначе.

— Нельзя?

Онъ съ удивленіемъ и страхомъ глядѣлъ на нее.

— Надо, дѣдушка, разрушить старую ложь, а ложь мститъ за себя. И вотъ выходитъ смерть. Понимаете, дѣдуся?

— Надо... это и есть убѣжденіе.

— Нѣтъ, просто противно, душно... физіологически противно. Какое же тутъ убѣжденіе?

Онъ молча пожевалъ губами.

— А вы стройте, новое стройте,—сказалъ онъ просительно.

И она поняла, что это онъ ее жалѣетъ.

— Ухватиться не за что, дѣдушка... Вы говорите: я голая. Я похожа на человѣка, который ходитъ среди множества одеждъ, но всѣ узки или неопрятны. И онъ предпочитаетъ остаться голымъ.

Гуськовъ почувствовалъ обиду.

— Жило-жило, значитъ, человѣчество, и все напрасно. Все, значитъ, культура, всѣ науки и искусства—все зря. Такъ, что ли?

— Не знаю, дѣдушка, можетъ быть, и есть что-нибудь не зря, да я не знаю.

— Одичали вы совсѣмъ,—продолжалъ Гуськовъ.—Среди міровой цивилизаціи ходите, точно варвары. Гунны вы. Разборчивыя невѣсты. Не хотите къ дѣлу стать.

И онъ сталъ громить молодежь.

— Это ужъ что-жъ такое?.. Это хуже всякой революціи. Революція планомѣрна. У нея есть своя вѣра. Ты и въ революцію не вѣришь?

Варя отрицательно покачала головой.

— Ну, ужъ тутъ, голубушка, дно. Дальше этого итти некуда. Ногами упрешься...

Помолчали.

— Недоучки вы, вотъ что!—вдругъ вспомнилъ Гуськовъ.— И ты тоже курсовъ некончила.

Варя молча пила кофе.

— Почему ты не кончаешь курсовъ? Отвѣчай?

— Такъ.

— Это не отвѣтъ.

— Не захотѣлось больше.

— И это не отвѣтъ.

— Такъ... раздумалась... Вотъ я учусь, а въ мірѣ насиліе, зло, произволъ... и дѣти гибнутъ... женщины... много всякаго народа гибнетъ, а другіе на ихъ счетъ отвратительно толстѣютъ... А я все учусь. И еще много зла совершится... самаго непоправимаго... И много будетъ и слезъ, и крови, и задушенныхъ неотомщенныхъ проклятій, а я все буду учиться. Ну, и не захотѣлось...

Она отодвинула отъ себя чашку.

Гуськовъ почувствовалъ, какъ у него задрожали руки, но не нашелся, что возразить.

— Кому отъ этого будетъ легче? — спросилъ онъ наконецъ.

— Никому... Я сама знаю: никому... А хуже будетъ... нѣкоторымъ.

— Это сила вещей. Тутъ единицы ни при чемъ,—вспомнилъ Гуськовъ.

— Знаю. Все равно. Пусть. Я, быть можетъ, тоже сила вещей..

Она рѣшительно закуталась въ платокъ и угрюмо замолчала.

Онъ задумался.

II.

Гуськовъ подъ старость всегда о чемъ-нибудь упорно думалъ. Часто по цѣлымъ часамъ ходилъ и думалъ, и даже ночью, лежа съ открытыми глазами. Думалъ обо всемъ, что случайно поражало его вниманіе: о туркахъ, о Японіи, о сельской общинѣ. Теперь онъ думалъ о Варѣ.

«Ухватиться, дѣдушка, не за что». Эти слова жалобно тронули его сердце. Ложась спать, онъ думалъ, припоминая весь разговоръ:

«Убѣжденія имѣетъ только тотъ, кто ищетъ спокойствія... для себя...»

Гуськовъ покачалъ головою.

— Да, для себя... Это дурно.

Дальше что?

«Отложить рѣшеніе двухъ—трехъ проклятыхъ вопросовъ, а потомъ постараться позабыть, что отложилъ».

— Да, и будетъ казаться, что рѣшилъ. Это бываетъ.

Ему стало непріятно отъ сознанія, что и съ нимъ это бывало. Онъ всегда говорилъ себѣ:

— Это прочту... потомъ...

И не читалъ.

Когда думалъ о Богѣ, о смыслѣ жизни, то кончалъ словами:

— Да, это очень важно. Объ этомъ нужно еще подумать.

Но никогда не думалъ.

И, хотя не думалъ, но ему казалось, что онъ рѣшилъ эти вопросы.

И это вошло въ систему. Никогда ничего не рѣшать, а только скользить по поверхности. Сколько книгъ было прочитано такимъ образомъ. Это было удобно и спокойно. Въ результатѣ все-таки что-то какъ-будто оставалось. Смутная память о чемъ-то читанномъ, вскользь подуманномъ.

Это и были «убѣжденія», «идеалы».

И сейчасъ было отъ того мерзко на душѣ.

Больше всего онъ уяснилъ себѣ свои убѣжденія въ разговорѣ. Выходилъ споръ. И вдругъ ему казалось, что надо такъ, а не такъ. Если онъ былъ не увѣренъ въ своихъ взглядахъ, онъ старался разсердиться, и тогда въ немъ вдругъ рождалось упорство, которое помогало стоять на своемъ.

И онъ спорилъ и уходилъ съ убѣжденіемъ, что говорилъ продуманно и зрѣло. Но бывало также, что сознавалъ со стыдомъ, что вралъ, какъ мальчишка. И это въ шестьдесятъ пять лѣтъ.

Бывало и такъ, что утромъ думалъ одно, а вечеромъ другое. Въ сердцахъ и въ благодушномъ настроеніи признавалъ разное. Иногда сознавалъ ненормальность этого и тогда неизмѣнно успокаивалъ себя:

— Да, пора, пора разобраться. Уже шестьдесятъ пять лѣтъ.

И сейчасъ онъ понималъ, что такъ разсуждать въ шестьдесятъ пять лѣтъ было смѣшно.

На самомъ дѣлѣ, онъ съ іезуитскою хитростью оберегалъ свой покой, избѣгая излишняго копанія въ душѣ.

Мнѣнія для обычнаго душевнаго обихода старался выбирать среднія, которыхъ держалось большинство, но слегка презиралъ въ нихъ отсутствіе оригинальности. Онъ былъ убѣжденъ, что онъ въ глубинѣ души сильная оригинальная личность. Поэтому вслухъ всегда высказывался нѣсколько запутанно и неясно. Любилъ поддерживать за собою репутацію острослова. Иногда даже говорилъ крайности, которыя, впрочемъ, никого не пугали.

Такъ воспиталъ и дѣтей. Старался имъ внушить ту же манеру. Боялся, чтобы не надѣлали хлопотъ.

И дѣти были, вѣроятно, такими же, какъ онъ.

Но вотъ пришла эта, послѣдняя...

Гуськовъ медленно раздѣлся и погасилъ свѣчу.

Да, очевидно, жизнь все-таки дѣлаетъ свои выводы изъ недодуманныхъ мыслей. Она стережетъ.

Ему хотѣлось бы помолиться, но вдругъ стало лѣнь. И Богъ представился какимъ-то темнымъ, темнымъ. И даже онъ не зналъ навѣрное, былъ Богъ или нѣтъ.

Вѣдь и объ этомъ онъ хотѣлъ подумать всерьезъ когда-то лѣтъ сорокъ назадъ.

И самая цифра 40 лѣтъ была теперь смѣшна.

Развѣ онъ зналъ сейчасъ, кто онъ, собственно,—христіанинъ или язычникъ, и что такое христіанство. Кто былъ Іисусъ Христосъ и былъ ли онъ Богъ...

Машинально Гуськовъ нѣсколько разъ перекрестился, но потомъ бросилъ и легъ въ постель. И вдругъ сталъ думать о Варѣ,—упорно, какъ всегда ночью.

Какъ она ходитъ, говоритъ, смѣется. Все въ ней было такъ разумно и отчетливо. Эта не допуститъ сама съ собой сдѣлокъ. И вновь его охватила острая жалость...

Думалъ о себѣ... заботился о своемъ физическомъ и душевномъ комфортѣ... и не думалъ о тѣхъ, кто будетъ послѣ.

И вотъ они пришли уже...

Пришли безъ злобы къ нему...

— «Милый дѣдушка»...

Милый... Онъ казался себѣ темнымъ, большимъ, грубымъ и неспрятнымъ животнымъ.

И ему бы хотѣлось, чтобы его лучше презирали и ненавидѣли...

Главное, и онъ, вѣдь, воображалъ, что кого-то любилъ... дѣтей, ее, внучку...

И въ этомъ, какъ во всемъ, было лицемѣріе. Цѣловалъ, покупалъ шоколадъ, иногда игралъ... какъ играютъ со щенятами, пока не надоѣстъ. Не любилъ, когда много спрашиваютъ... Отдѣлывался прибаутками, общими мѣстами.

Такъ они и повырастали, точно кустики около старой березы.

— Любилъ...

У Гуськова заколотилось сердце.

Онъ и эту вотъ свою мебель любилъ... Любилъ, потому что не стоило труда любить.

Кормилъ, посылалъ въ школу. А чму тамъ учатъ, не интересовался. Только не любилъ въ журнальчикѣ единицъ и двоекъ и спрашивалъ:

— Это, братъ, что? Ай-ай-ай...

Вотъ и вся его любовь.

Нѣтъ, теперь онъ зналъ, какъ надо любить. Любить—это значитъ, чтобы душа была вся, какъ натянутая струна. Любить, это—знать, что отдаешь въ наслѣдство свою душу со всѣми недодуманными мыслями, со всѣми нераспутанными узлами. Помнить, что всякая малодушная душевная трусость достанется твоимъ дѣтямъ. Все, отъ чего ты прячешь голову, какъ страусъ, грозно взглянетъ имъ въ глаза. Любить—это значитъ, не заставить платить твоихъ дѣтей и ихъ дѣтей по векселямъ твоей души... Не валить имъ на плечи и своей, и ихъ работы, но добровольно взять на себя всѣ страданія, всѣ сомнѣнія своихъ дней, да и впередъ еще посмотрѣть, предугадать... расчистить дорогу на долго впередъ, поставить вехи... и тогда умереть...

Онъ не могъ больше лежать и сѣлъ на постели, спустивъ ноги.

Изъ другой комнаты ему участливо постучали въ стѣну.

— Отчего вы не спите дѣдушка?

— Душно,—сказалъ онъ, и ему захотѣлось заплакать.

Но заплакать онъ не могъ, и только началъ часто дышать.

— Должно быть, грудь заросла жиромъ.

И онъ сидѣлъ такъ, тяжело и часто дыша.

Хотѣлось крикнуть ей:

Погоди... дай я... посиди у меня спокойно только годокъ... дай я...

Подъ утро онъ заснулъ, и ему казалось, что онъ все еще учится въ гимназіи и не приготовилъ по лѣности урока географіи и страшно волнуется, а Варя ему что-то объясняетъ, но онъ впопыхахъ не можетъ понять.

III.

— Да, конечно, мы проспали,—думалъ Гуськовъ. — Жизнь росла, усложнялась, а мы спали. Кто-то гдѣ-то жилъ, работалъ надъ жизнью, мыслилъ за всѣхъ, и это создавало иллюзію, что и ты живешь. Кто-то давалъ готовыя формулы, призывалъ въ газетахъ и книгахъ. И мы отвѣчали: спасибо, мы подумаемъ. То

одинъ, то другой сгоралъ гдѣ-то вдали, какъ фейерверкъ, и это создавало иллюзію, что и мы горимъ. А все горѣніе ограничивалось затратой пятака на газету или рубля на книгу. Сгоралъ и лопался одинъ фейерверкъ и начинался при всеобщемъ одобреніи другой. Фейерверкъ мыслей и чувствъ, выстраданныхъ и выношенныхъ.

И въ концѣ концовъ онъ, Гуськовъ, говорилъ:

— «Это не то!»

Ему всегда казалось, что вотъ придетъ наконецъ кто-то настоящій, кто будетъ тотъ самый, который нуженъ, и онъ-то спасетъ его, Гуськова, отъ спутанности и неясности положенія.

— Мелко, братъ, плаваешь,—говорилъ онъ, откладывая прочитанную книгу въ сторону, и задумывался надъ собственной глубиною, которая казалась ему пропастью.

А жизнь росла съ каждымъ днемъ, съ каждымъ новымъ человѣкомъ, росла и запутывалась. И вотъ теперь она, должно быть, выросла изъ собственныхъ штановъ. И никто не пришелъ спасти его, Гуськова. Просто пришли другіе люди и громко заявляютъ:

— Бога нѣтъ, государства нѣтъ, семьи нѣтъ.

И Гуськовъ, дѣйствительно, видитъ, что и у него ничего этого нѣтъ и не было, то-есть нѣтъ и не было въ это горячей вѣры, а были одни слова, которыя онъ повторялъ за другими.

— Но, вѣдь, это анархія?—спрашивалъ онъ поблѣднѣвшими губами.

И ему отвѣчаютъ спокойно и даже съ веселой улыбкой:

— Да, дѣдуся, анархія.

И ясный взоръ какъ бы спрашиваетъ:

— А что же можетъ быть другое?

И Гуськовъ долженъ признать:

— Да, ничего другого не можетъ быть. Богъ, это—пропасть, куда онъ остерегался заглядывать. Государство, патріотизмъ... когда онъ думалъ о такихъ вещахъ, ему представлялись почему-то бабьи кокошники, полотенца, вышитыя красными пѣтухами, и всегда казалось, что народность хорошее и нужное дѣло, а впрочемъ, и тутъ стояла пока nota bene: подумать. А о томъ, что такое семья, онъ не думалъ вовсе. Видѣлъ только сейчасъ, что про-

жилъ жизнь нудную, нездоровую и неопрятную, и что это было нехорошо и не заслуживало подраженія.

Теперь онъ видѣлъ, что самъ былъ скрытый и очень вредный для жизни анархистъ. Вредный, потому что лицемѣрилъ и іезуитничалъ всю жизнь. Гадкій и отвратительный, потому что цѣплялся за жизнь, жилъ въ домѣ за счетъ будущихъ поколѣній...

И вотъ, когда приходятъ они и называютъ вещи ихъ именами, онъ готовъ кричать: «караулъ, полиція!»

И онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на то, что къ внучкѣ приходили разныя личности. Онъ даже любилъ потолковать съ ними. Тонъ его голоса сдѣлался уступчивѣе.

— Такъ какъ же, господа, разрушать?

Онъ покачивалъ сокрушительно головою, и нельзя было понять, о чемъ онъ жалѣлъ. Но они отмалчивались. Имъ не нравился этотъ «генеральскій» тонъ.

Какъ-то Варя рѣзала хлѣбъ и вдругъ прижала палецъ къ губамъ, и тотчасъ же по подбородку у ней побѣжала алая струйка крови.

— Я обрѣзала палецъ,—сказала она спокойно, и съ ней сдѣлалось дурно.

Гуськовъ растерялся, но вспомнилъ, что въ Вариной комнатѣ, которая всегда была заперта на ключъ, былъ нашатырный спиртъ и бинты. Ключъ, какъ всегда, лежалъ на столѣ передъ нею. Онъ схватилъ его и побѣжалъ.

Лежавшая въ обморокѣ точно слабо пошевелилась.

Отворивъ дверь, Гуськовъ прошелъ прямо къ полочкѣ, на которой, зналъ, стоитъ нашатырный спиртъ. Мимоходомъ онъ взглянулъ на столъ, гдѣ въ деревянной коробкѣ изъ-подъ печенья лежало что-то черное, круглое, и не обратилъ вниманія. Но вдругъ смутный инстинктъ заставилъ его вздрогнуть и обернуться.

Широко раскрывъ глаза, онъ, чувствуя, что цѣпенѣетъ, смотрѣлъ на странный предметъ, бережно видимо съ опасеніемъ обложенный ватой.

Въ дверяхъ стояла Варя, блѣдная, держась за верхній косякъ.

— Что... это?—выдавилъ изъ себя Гуськовъ.

— Выйдите изъ комнаты,—спокойно приказала Варя.

Руки, ноги и все тѣло дрожало у него мелкой дрожью.

— Да, «это». Уходите же сейчасъ!—строго сказала Варя и сейчасъ же прибавила:

— Я уѣду... совсѣмъ... не безпокойтесь...

— Да, да, уѣзжай, уѣзжай!—бормоталъ онъ просительно, и въ глазахъ его проступили жалкія, старческія слезы.

— Сейчасъ же уѣзжай, сейчасъ...

Она сѣла на стулъ.

— Дайте только притти въ себя.

— Да, да, конечно, и потомъ уходи.

Онъ былъ радъ, что услалъ передъ тѣмъ горничную.

Варя достала бинтъ и тщательно перевязала порѣзанный палецъ, замыла передъ умывальникомъ пятна крови на платьѣ, потомъ одѣла пальто и шляпу, завернула въ газету страшный предметъ и, бережно просунувъ его въ муфту, сказала:

— Прощайте, дѣдушка!

Въ углу лежалъ ея чемоданъ. Ей пришлось взять его въ другую руку. Видимо, онъ былъ страшно тяжелый. И, вся напрягаясь, она двинулась къ двери.

Онъ отворилъ ей и, когда она вышла на площадку, высунулъ голову. Онъ зналъ, что она идетъ на гибель.

Сосредоточенная отъ напряженія, она медленно сходила по ступенямъ, слегка вскидывая колѣнками.

— Варя!—окликнулъ онъ ее жалобно.

Но она не отвѣтила и даже ни разу не оглянулась, пока не скрылась за поворотомъ.

Онъ почувствовалъ что-то похожее на обиду и заперъ дверь.

— Странно, почему она не признаетъ, что у него тоже могутъ быть какія-нибудь убѣжденія,—пусть ошибочныя, но все же убѣжденія.

Гуськовъ старался разсердиться.

— Или уже теперь не должно уважать чужихъ мнѣній? Какое право имѣютъ дѣлать его участникомъ того, чему онъ не сочувствуетъ? Это насиліе. Да, насиліе, и надругательство надъ сво-

бодой личности. Это нечистоплотно... Въ его квартирѣ... Это нечистоплотно...

Онъ обыскалъ всю внучкину комнату, довольный, что горничная еще не возвратилась.

Но ничего не оказалось.

Въ ящикѣ стола нашелъ онъ маленькую аптекарскую коробочку изъ-подъ порошковъ съ картиной на верхней крышкѣ.

Коробочка была знакомая. Когда Варѣ было девять лѣтъ, онъ позабылъ ей приготовить ко дню рожденія подарокъ и, вытряхнувъ порошки, подарилъ ей коробочку. Она была сейчасъ, какъ новенькая и пахла духами. Въ ней лежали перышки и сургучикъ.

IV.

Не хотѣлось больше лгать самому себѣ. Развѣ можно уважать такихъ людей, какъ онъ? Развѣ можно считаться съ такими людьми, какъ онъ? И Гуськовъ отлично сознавалъ, что онъ ненужный для жизни, бывшій человѣкъ, не имѣющій права ни на поступки, ни на убѣжденія. Комъ стараго прожорливаго мяса, трясущійся за свою жизнь.

На другой день былъ взрывъ, послѣдовали аресты, и Гуськовъ изъ газетныхъ прибавленій узналъ, что арестована вмѣстѣ съ прочими Варвара Владиміровна Гусакова.

Газета не обошлась безъ опечатки.

— И вотъ ихъ казнятъ,—подумалъ онъ:—казнятъ за то, что они не хотѣли быть, какъ мы.

— И это будемъ мы, которые ихъ убьемъ, чтобы жить самимъ. Да, да, мы!

— Непремѣнно мы.

Чтобы жить намъ, мы должны убить ихъ. Чтобы жилъ онъ, Гуськовъ, надо убить Варю. Вотъ выводъ.

Передъ вечеромъ Гуськовъ впалъ въ страшное безпокойство. Прислуга слышала, какъ онъ громко разсуждалъ самъ съ собой, ходя по комнатамъ.

— Да, пусть придутъ!—думалъ Гуськовъ:—онъ имъ скажетъ

Они ищутъ преступныхъ организацій? Великолѣпно. Онъ имъ скажетъ имя этой чудовищной организаціи. Онъ сообщитъ имъ адреса. Тысячи адресовъ. Всѣ конспиративныя нити, всѣ провокаторскіе пріемы, при помощи которыхъ трубятъ юношеству въ уши, что есть добро, справедливость и право.

Есть добро! О гнуснѣйшая изъ провокацій! Добро! Ха-ха! И дѣвочка повѣрила, что есть добро. А на самомъ дѣлѣ есть только зло.

И всѣ дѣлали только зло. Даже подъ формами добра дѣлали только зло, и для чего-то лгали дѣтямъ, что есть и будетъ добро.

Гуськовъ яростно сжималъ кулаки.

— Онъ ненавидитъ это добро! Это отвлеченное, несуществующее добро!

И, обхвативъ голову руками, онъ стоналъ, что означало у него рыданія:

— Варюша, Варюша...

Если его спросятъ: «Что вы знаете по настоящему дѣлу?» о, онъ найдется, что имъ бросить!

Гуськовъ поднималъ голову.

Онъ имъ крикнетъ одно только слово «все»! Онъ знаетъ все, отъ момента зарожденія и до самаго взрыва.

Онъ скажетъ имъ, что преступная организація, существующая для ниспроверженія религіи, законовъ, нравственности, носитъ названіе современнаго общества. Преступная, конспиративная организація, гдѣ есть свой тайный предателькій языкъ, старательно изучаемый со школьной скамьи...

— Пусть его арестуютъ. О, онъ скажетъ на судѣ! Онъ швырнетъ имъ въ лицо свой собственный приговоръ, безпощадный, уничтожающій. Онъ будетъ ихъ бить, какъ хлыстомъ.

Къ ночи Гуськовъ ослабѣлъ. Ноги его не слушались, и онъ сидѣлъ неподвижно въ креслѣ.

Уже поздно, въ то время, какъ онъ задремалъ, кто-то позвонилъ у параднаго.

Онъ слышалъ заглушенный голосъ за дверью:

— Телеграмма!

И ничего не понялъ, когда прихожая и сосѣднія комнаты

вдругъ наполнились мягкимъ звяканьемъ шпоръ и незнакомыми голосами.

Въ кабинетъ вошелъ военный, и Гуськовъ смутно угадалъ въ немъ жандарма.

Что-то хотѣлъ сказать и не могъ припомнить. Только чувствовалъ себя маленькимъ и безпомощнымъ, внезапно съежившимся.

Безотчетный страхъ поднимался изнутри.

— Схватятъ, уведутъ...

Хотѣлось всхлипывать и просить пощады.

Жандармъ о чемъ-то говорилъ. Вошли еще.

Развѣ онъ не старый, изжившій самого себя человѣкъ? Пусть ему позволятъ спокойно лечь въ гробъ.

Онъ не знаетъ, ничего не знаетъ. Внучка? Нашли бомбу?

Всѣ они теперь такіе... Если такъ, онъ отрекается отъ нея. Имъ этого нужно? Онъ проситъ только оставить его въ покоѣ. Они довольны теперь?

Пусть ищутъ гдѣ хотятъ. Но не осталось ничего, кромѣ коробочки и сургучика.

И пока они ходили повсюду и искали, подымая пыль и роняя вещи, онъ продолжалъ сидѣть, сгорбившись, поглощенный мыслью, что могутъ все-таки что-нибудь найти, и отъ этой мысли все его тѣло дѣлалось разслабленнымъ.

Наконецъ, успокоились. Спрашивали, когда уходила и какіе люди приходили. Онъ долженъ подробно и правдиво описать. Да, да, конечно, онъ опишетъ. Правда, онъ не особенно хорошо разсмотрѣлъ, но они спрашиваютъ, приходилъ ли высокій и кудрявый... Да, этотъ приходилъ. И какъ это возможно скрыть? Вѣдь горничная видѣла, какъ они разговаривали за чаемъ. И этотъ другой, худенькій и живой, тоже бывалъ... Да, да...

Точно клещами вырвали у него признанія. И опять что-то все хотѣлъ припомнить и не могъ. Зналъ только, что падаетъ куда-то внизъ, навсегда и безвозвратно.

Теперь все. Что же будетъ ему за это? О, онъ можетъ быть

спокоенъ, что его не привлекутъ. Онъ можетъ спать спокойно, если можетъ.

Въ шестьдесятъ пять лѣтъ люди не бываютъ революціонерами. Да, да, конечно не бываютъ. Онъ радостно провожаетъ ихъ до дверей.

Все обошлось хорошо. Никто его не тронетъ. Чувствуетъ легкія, пріятныя пощипыванія спазмы въ носу и груди.

Онъ будетъ жить, какъ прежде. И проживетъ еще долго. Онъ старъ и одинокъ и долженъ заботиться о себѣ. Не правда ли? И было такое чувство, точно онъ нашелъ себя. Прежде фантазировалъ, а теперь нашелъ. И все стало такъ ясно.

Развѣ онъ можетъ сдѣлать такъ, чтобы не было зла и несчастья?

И сколькихъ онъ уже опустилъ въ землю! Что онъ можетъ сдѣлать? Что? —

Удивительно, какъ все это съ нимъ случилось! Онъ просто раздумался, далъ волю мыслямъ, и мысли его пошли по одному направленію.

Это бываетъ. Да, да, съ нимъ это иногда бываетъ. Собственныя мысли разнесли его, какъ невзнузданныя лошади. И вотъ остались послѣдствія.

Гуськовъ прикладывалъ руку къ сердцу, которое билось тяжело и съ перерывами, порой, точно заливаясь чѣмъ-то горячимъ.

— Вотъ онъ. Вотъ его больное старое сердце.

И радостно было такъ вдругъ найти самого себя, хотя бы уничтоженнаго и больного. Радостно было знать, что онъ тутъ, и никто его не тронетъ, и радостно знать, что не надо думать и искать себя и своего мѣста, потому что это больное сердце и есть онъ самъ.

Раздѣвшись, онъ лежалъ долго на спинѣ, стараясь овладѣть разбитымъ тѣломъ.

— Онъ оправится и проживетъ еще долго.

Глаза его увлажнились слезами. Онъ гладилъ себя по жирной, лохматой груди и, не стыдясь, чувствовалъ, что нѣжно любитъ эту

грудь, и эти толстыя, заплывшія руки, и все тѣло, и даже комнату, въ которой лежитъ, со всею стоящею тутъ мебелью и даже вотъ этотъ недопитый стаканъ чаю съ кружкомъ лимона и потемнѣвшей отъ времени ложечкой.

Къ утру сердце успокоилось.

Гуськовъ вспомнилъ внезапно о Варѣ, и все показалось ему окончательно пережитымъ, точно отодвинувшимся въ далекое прошлое.

— И она... тоже...

Это было все, что онъ подумалъ. И тотчасъ же похоронилъ ее мысленно.

УЧИТЕЛЬ ЖИВАРЕВЪ.

Учитель Марьинской школы Живаревъ, обремененный семьей и уже немолодой, опять запилъ.

Запивалъ онъ разъ въ три-четыре мѣсяца, а тутъ случилось раньше, мѣсяца черезъ полтора.

Время было неучебное лѣтнее. И это было хорошо. Не хорошо же было, что запойный періодъ сократился. Уже за недѣлю до начала наступили обычные признаки приближающагося припадка, но жена Живарева, Варя, не хотѣла этому вѣрить. А именно, приблизительно за недѣлю Живаревымъ овладѣвала страсть къ изобрѣтеніямъ. Онъ обдумывалъ и чертилъ машины. Потомъ дѣлался все печальнѣе и мрачнѣе, и тогда напивался.

Сидя передъ бутылкой, онъ тупо, посоловѣвшими глазами смотрѣлъ передъ собою и говорилъ:

— Все равно.

И когда говорилъ, то удивлялся самъ себѣ, какъ могъ раньше думать иначе.

Если подходила къ нему жена, онъ долго, недоумѣвающимъ взглядомъ смотрѣлъ ей въ лицо и удивлялся, что эта женщина почему-то его жена и, виновато улыбнувшись, говорилъ:

— Все равно.

Если подходили маленькія дѣти, такъ же съ улыбкой отстранялъ ихъ рукой и говорилъ:

— Ну, ладно, идите, все равно.

Потомъ поднималъ взглядъ къ небу (пилъ онъ обыкновенно въ теплое время въ палисадникѣ), скользилъ по крышамъ сосѣднихъ избъ, останавливался на крестѣ церковной колокольни, напряженно старался что-то вспомнить и не могъ. И одно было ясно, что все равно.

И было странно, что онъ могъ когда-то чего-то добиваться, искать, надѣяться, мечтать. Иногда овладѣвала злоба. Тогда съ полными кровью глазами выходилъ на улицу.

— Что, небось, Иванъ Саввичъ, все равно?—спрашивали проходившіе мимо мужики.

Если угрюмо шагалъ по деревнѣ, глубоко запрятавъ руки въ карманы брюкъ, сзади бѣжали толпы ребятишекъ и тоже кричали:

— Все равно! Все равно! Глядите-ко-сь, братцы, ему, говоритъ, все равно.

И смотрѣли на него пытливымъ взоромъ. Они не могли понять, отчего и какъ можетъ сдѣлаться, что человѣку вдругъ станетъ все равно. Смутнымъ инстинктомъ угадывали тутъ какую-то тайну и были совершенно правы. Дѣти умнѣе, острѣе взрослыхъ. И онъ понималъ ихъ и не сердился на нихъ.

Только не могъ имъ ничего объяснить.

Такъ было и теперь. За недѣлю до «начала» Живаревъ однажды подумалъ, что всѣ бѣды на свѣтѣ оттого, что люди не разсуждаютъ. И это представилось ему такъ ясно и наглядно, что онъ удивился и испугался, какъ никогда не подумалъ объ этомъ раньше, и ему стало страшно, что онъ, живя не думая, потратилъ непроизводительно столько дней и часовъ.

— Я долженъ теперь думать каждое мгновеніе, говорилъ онъ себѣ.

И удивлялся той странной легкости, съ которою теперь мысли задвигались въ головѣ.

Взявъ бумагу, онъ пытался изложить ихъ письменно и писалъ, не разгибаясь, нѣсколько дней. Онъ писалъ о томъ, какъ утвердить благоденствіе человѣчества на началахъ разума. Въ концѣ, для наглядности, помѣстилъ даже чертежъ земного шара съ

тѣми подраздѣленіями, которыя онъ предполагалъ на немъ осуществить.

Къ концу недѣли, когда было уже совершенно ясно, что счастье человѣчества близко и вполнѣ достижимо, Живаревъ почувствовалъ обычную скуку и отвращеніе къ предмету своихъ изысканій.

Точно что-то вспомнивъ, онъ задумался, и вдругъ сообразилъ, что, въ конечномъ итогѣ, совершенно все равно, будетъ ли человѣчество во всемъ своемъ цѣломъ счастливо или нѣтъ.

И отъ этого ему стало невыразимо печально и гадко. Онъ старался преодолѣть свою мысль и не могъ. Тогда родилось желаніе выпить, и онъ сталъ пить.

Это уже былъ четвертый день, когда онъ пилъ, не переставая размышлять.

Былъ дождливый вечеръ, и Живаревъ сидѣлъ въ пустой классной комнатѣ, у одной стѣны которой стояла высоко нагроможденная классная мебель. Было неуютно, промозгло-холодно. Не завѣшенныя окна чернѣли неопрятными четырехугольниками. И за ними слышался непрекращающійся тонкій звукъ, въ родѣ комаринаго писка.

Сначала Живаревъ размышлялъ, что это за пискъ. Можетъ быть, это билась, просто муха, запутавшаяся въ сѣти паука, а, можетъ быть, и дѣйствительно комаръ.

Когда очень надоѣдало, онъ встряхивалъ головой, и тогда начинало казаться, что это звенитъ въ его собственныхъ ушахъ, то тише, то громче.

«А, можетъ быть, это наружѣ», подумалъ онъ.

И тотчасъ же стало понятно, что, дѣйствительно, наружѣ. Можетъ быть, это поетъ женскій голосъ, или плачетъ ребенокъ, или... Онъ задумался и, вынувъ часы, хотѣлъ посмотрѣть, который часъ.

Но цифры слипались и секундная стрѣлка внезапно завертѣлась. Онъ постучалъ часами объ столъ, но та продолжала вертѣться. Стало непріятно и Живаревъ спряталъ часы обратно.

А тонкій голосъ пѣлъ.

Живаревъ всталъ и подошелъ къ правому крайнему окну.

Было ясно слышно, что пѣлъ чей-то женскій голосъ, и пѣлъ

очень хорошю. Значитъ, она шла или ѣхала по дорогѣ изъ Подвязкова. Вѣроятно, припоздала пьяная.

— Чья же такая?—подумалъ Живаревъ.

Тутъ, на углу большая колдобоина, полная жидкой грязи, и всегда бываетъ слышно, какъ туда попадаетъ и тарахтитъ телѣга. Онъ прислушался, но, кромѣ пѣнія, не было слышно ничего.

Значитъ, идетъ одна. Чья такая?

Живаревъ хотѣлъ отворить форточку, но форточки не оказывалось. Онъ тщательно ощупалъ всю верхнюю часть рамы рукою и тутъ только сообразилъ, что стоитъ не у крайняго праваго окна, а у средняго.

Это его разстроило.

А голосъ приблизился совсѣмъ вплотную. Что такое она поетъ?

Онъ постучалъ ей въ окно, чтобы она проходила. Но она не двигалась. И поетъ какъ-будто «вѣчную память» или «Во лузяхъ». Что она поетъ?

— Эй!

Онъ хотѣлъ отворить окно и крикнуть ей и уже взялся за шпингалетъ.

— Ты что?—спросила Варя, появившись на порогѣ.

— Поетъ что-то,—пожаловался онъ:—Дичь, несообразность. Не могу слышать.

Она печально помолчала.

— Не слышишь?

Она пожала плечами и только плотнѣе закуталась въ платокъ.

—Вѣ-чна-я па-а-мять...—сказалъ Живаревъ, раздѣльно отчеканивая слова и дирижируя высоко поднятыми руками.

Она, прижавшись однимъ плечомъ къ косяку двери, плакала.

Онъ замолчалъ и опять встряхнулъ головою.

— Пойдемъ,—попросила она:—Никто здѣсь не поетъ. Тебѣ показалось...

Онъ разсмѣялся.

Въ маленькой спальной коморкѣ было темно, и Варя зажгла лампадку. Когда она ее заправляла и подносила спичку, чтобы зажечь, онъ увидѣлъ ея заплаканные глаза и милыя пухлыя губы, и

пожалѣлъ ее, но потомъ подумалъ, что все равно, сѣлъ на постели и прислушался.

Комариный пискъ повторился. И казалось, что уже поютъ два голоса, а не одинъ. Онъ попробовалъ заткнуть уши пальцами. Стало какъ-будто легче. Тогда онъ бросился на женину постель и зарылся головой въ подушки.

Заботливая рука покрыла его сверху одѣяломъ. Онъ слышалъ, какъ Варя молилась и крестила надъ нимъ пространство на всѣ четыре стороны, и хитро чему-то улыбался.

II.

На другой день Живаревъ проснулся довольно рано и все лежалъ и слушалъ, какъ жужжатъ мухи.

Жужжали мухи двухъ сортовъ: большія и маленькія. И каждый сортъ жужжалъ по-своему. Было интересно и не хотѣлось вставать.

Въ сущности, если подумать серьезно, что мы знаемъ о жужжаніи мухъ? Ничего. Жужжатъ и жужжатъ. Но это, можетъ быть, совсѣмъ не такъ. Можетъ быть, это очень серьезно, что мухи жужжатъ.

— Впрочемъ, все равно,—подумалъ онъ равнодушно.

Нѣтъ, не все равно. Онъ спустилъ ноги съ кровати. Почему все равно? Почему онъ долженъ жить, закрывъ глаза и задавивъ въ себѣ потребность мыслить. Онъ этого не хочетъ.

Живаревъ стукнулъ кулакомъ по желѣзной спинкѣ кровати, такъ что кулакъ потомъ долго и сильно болѣлъ.

И отлично. Онъ все-таки хочетъ и будетъ думать на зло всѣмъ.

Вошла Варя, но онъ угрюмо повалился опять на кровать и, повернувшись къ стѣнѣ, натянулъ на себя одѣяло. Мухи звенѣли на разные голоса.

Когда Варя вышла, озабоченно постоявъ у окна, онъ опять началъ слушать. Теперь было совершенно ясно, что въ ихъ жужжаніи была опредѣленная правильная ритмичность.

— Впрочемъ, это можетъ быть, вздоръ,—подумалъ Живаревъ.

Ему стало непріятно и тошно, и онъ хотѣлъ, вскочивъ, отзо-

рить окно и выгнать мухъ, но вдругъ ему показалось, что въ ихъ жужжаніи можно различить нѣчто похожее на отдѣльно произносимыя слова.

Можетъ быть это—самовнушеніе. Постарался разубѣдить себя. Какъ и откуда у мухъ могутъ быть слова? Прислушался—и опять слова, слова, длинный и безсвязный, сбивчивый разговоръ, тихій, однообразный и упорный. Говорятъ, говорятъ, точно хотятъ что-то выразить.

Напрягся, чтобы понять. Но вѣдь, смыслъ трудно уловить. И, главнымъ образомъ, это производятъ мухи большаго размѣра. Ихъ всего три.

Подумалъ: обладаютъ ли тѣмъ же свойствомъ меньшія мухи? Ихъ было много, но, за жужжаніемъ большихъ мухъ, ихъ было слышно слабѣе.

Онъ отворилъ половину окна и осторожно, боясь выпустить маленькихъ мухъ, выгналъ по одной мухѣ большихъ. Притворилъ и прислушался. Результатъ получался тотъ же.

Живаревъ началъ быстро одѣваться. Ему хотѣлось немедленно же приступить къ изученію этого страннаго явленія. Несомнѣнно, эти мухи, какъ и мухи вообще, производили свои странные звуки, напоминающіе членораздѣльную рѣчь, особымъ движеніемъ крылышекъ. Летая постоянно около людей, онѣ, вполнѣ естественно, могли испытывать на себѣ вліяніе колебанія звуковыхъ волнъ, порождаемыхъ произносимыми вслухъ словами, и научиться совершенно автоматически подражать имъ.

Въ это время вошла опять Варя. Онъ хотѣлъ сообщить ей о замѣченномъ оригинальномъ явленіи, но вспомнилъ ночное приключеніе и только загадочно ухмыльнулся.

Она строго и вмѣстѣ печально посмотрѣла на него. Онъ посвисталъ и, ничего не говоря, отворилъ стремительно обѣ половинки окна и сталъ выгонять мухъ. Ему хотѣлось, чтобы теперь набрались изъ комнаты новыя и чтобы такимъ образомъ сопоставить результаты и выяснить, всѣ ли мухи обладаютъ этимъ загадочнымъ свойствомъ. Впослѣдствіи онъ рѣшилъ составить нѣчто въ родѣ словаря мухъ и даже попытаться записать отдѣльныя фразы. Мухи летаютъ повсюду и могутъ воспринять въ себя рѣшительно все.

Онѣ точно маленькіе летающіе фонографы. Могутъ быть мухи изъ Англіи, Германіи, Исландіи и даже Гренландіи.

Наконецъ, отчего не предположить, что мухи перенимаютъ (конечно, невольно) отдѣльныя слова и даже цѣлыя фразы другъ отъ друга, младшія отъ старшихъ и, такимъ образомъ, сохраняютъ слова, а черезъ нихъ событія и мысли давно исчезнувшихъ поколѣній. Быть можетъ, если мухи, которыя передаютъ что-либо о Рамзесѣ и другихъ еще болѣе древнихъ, египетскихъ фараонахъ. Почемъ знать!

...Былъ праздничный день и, когда Живаревъ усѣлся въ палисадникѣ за утренній чай, котораго онъ впрочемъ не пилъ, къ нему пришли въ гости его пріятели: Василій Силантьевъ и Лука Моисеевичъ Пузырь.

Василій Силантьевъ недавно пріѣхалъ изъ столицы, очень гордился столичнымъ новенькимъ платьемъ и тросточкой. Лука Моисеевичъ былъ одѣтъ по-крестьянски и Силантьева слегка презиралъ, какъ городского лодыря.

Обыкновенно они, сидя у Живарева, ссорились. Но сейчасъ Живаревъ далъ другое направленіе разговору.

Дождавшись, когда жена ушла хлопотать по хозяйству, онъ спросилъ:

— Слыхали вы, Лука Моисеевичъ, какъ разговариваютъ мухи?

Онъ нарочно спросилъ именно въ этой формѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе поразить Луку.

Лука Моисеевичъ обидчиво прищурился и ничего не сказалъ, Живаревъ весело разсмѣялся. Силантьевъ, вывернулъ руки и осмотрѣвъ концы своихъ рукавовъ, улыбнулся тоже. Ему нравилось, что Живаревъ смѣется надъ Пузыремъ.

— Нѣтъ, я серьезно,—сказалъ Живаревъ, обращаясь уже къ Силантьеву.—Совершенно серьезно. Я самъ былъ сначала удивленъ. Да вотъ...

Онъ прислушался.

— Нѣтъ въ комнатѣ слышнѣе особенно у окна. Вѣроятно, резонансъ. Да.

Силантьевъ внимательно уставился на Живарева и продолжалъ усмѣхаться, стараясь показать, что онъ понимаетъ мистифи-

кацію Живарева, но какъ человѣкъ столичный, принимаетъ ее всецѣло за счетъ Луки.

Лука Моисеевичъ продолжалъ молча пить чай, какъ-будто думая о чемъ-то постороннемъ, но на самомъ дѣлѣ сосредоточенно обдумывая свое положеніе. Наконецъ, онъ съ шумомъ допилъ послѣдній глотокъ, перевернулъ чашку и, аккуратно положилъ огрызокъ сахара на донышко, сказалъ:

— Благодарствуйте.

И началъ искать около себя шапку.

Это разсердило Живарева.

— Я говорю совершенно серьезно,—сказалъ онъ:—Понимаете? Серьезно! Не желая пользоваться превосходствомъ своего образованія и глумиться надъ вами. Да, мухи разговариваютъ. Говорятъ нѣсколько похоже на то, какъ мы съ вами.

Онъ даже покраснѣлъ отъ напряженія. Василій Силантьевъ визгливо засмѣялся. Лука Моисеевичъ тоже улыбнулся, но тотчасъ же сдѣлался серьезенъ.

— Вотъ чудеса,—сказалъ онъ:—Какъ же это понимать? Черезъ вино все.

И онъ шумно вздохнулъ. Силантьевъ продолжалъ заливаться и весь корчился отъ смѣха.

Живаревъ всталъ, указывая Силантьеву грозно на калитку.

— Вонъ отсюда!

Силантьевъ махнулъ рукой и, снявъ съ дерева картузъ, провелъ его рукавомъ по ворсу, потомъ вытеръ пестрымъ платкомъ слезы и надѣвъ картузъ плотно на голову, сказалъ:

— Чистая погибель.

И вышелъ. Лука остался сидѣть. Онъ сочувственно смотрѣлъ на Живарева, пока тотъ, жестикулируя самъ съ собой, усаживался на прежнее мѣсто.

— Мужикъ! Нахалъ! Деревенскій ухажеръ!

— Какъ же это онѣ, то-есть, говорятъ? — поинтересовался Лука:—Особенныя что ли какія мухи, отдѣльныя отъ прочихъ?

Живаревъ испытующе посмотрѣлъ на Луку. Но глаза Луки образовали двѣ узкія, какъ лезвее ножа, блестящія щелки.

— Воронъ, снѣгирь, сорока — тѣ говорятъ, — продолжалъ

Лука:—А про мухъ ничего не слыхалъ. Вотъ еще которые попугаи, тѣ тоже говорятъ. У помѣщика Долганова довелось мнѣ косить траву, у нихъ на террасѣ выговаривалъ попугай: «Попочка, прощай». И кучера ихняго кликалъ: «Василій»,—кричитъ: «Василій». А вотъ насчетъ мухъ... Можетъ, какія не здѣшнія?.: Ну-ка, мнѣ еще чашечку. Видно, рано еще ѣхать.

Онъ вынулъ солидные глухіе серебряные часы и посмотрѣлъ время. Лицо у него сдѣлалось опять спокойнымъ и какъ всегда благообразнымъ. Онъ любилъ поговорить объ учености и прочихъ такихъ вещахъ, даромъ что былъ простой мясникъ. И это нравилось въ немъ Живареву.

— Напротивъ, самыя обыкновенныя,—сказалъ онъ нетерпѣливо:—Вообще, всѣ мухи на свѣтѣ. Это совсѣмъ не трудно провѣрить.

Онъ опасливо посмотрѣлъ по направленію оконъ: ему и хотѣлось пригласить Луку Моисеевича въ домъ, и было все еще совѣстно жены.

— Н-да,—сказалъ Лука Моисеевичъ серьезно:—Все можетъ быть. Мухи разговариваютъ. Вотъ ты теперь и поди!

— Съ научной точки зрѣнія, это довольно просто,—сказалъ Живаревъ, заложивъ ногу на ногу.

И онъ постарался объяснить Лукѣ Моисеевичу возможно популярнѣе свою гипотезу.

— Н-да, и по-французски и по-нѣмецки,—сказалъ задумчиво Лука:—Выходитъ, вѣрно. Говорятъ мухи... Ахъ, мать ихъ... Значитъ, такъ тому и быть. Ну, прощенья просимъ.

Онъ подалъ поверхъ стола пухлую руку и всталъ.

III.

Проводивъ Луку, Живаревъ почувствовалъ жажду дѣятельности и вышелъ на улицу, гдѣ двигался разряженный ради праздника народъ. Онъ еще не зналъ, что предприметъ, но понималъ, что дѣло весьма серьезно.

Вдругъ его вниманіе привлекло какое-то загадочное мельканіе

въ самомъ концѣ села, на дорогѣ: точно мелькалъ перебѣгающій съ мѣста на мѣсто свѣтлый лучъ. Живаревъ приставилъ ладонь ко лбу и поглядѣлъ... Это было очень странно. Возможно, что кто-нибудь безпрестанно открывалъ и закрывалъ окно, и отъ этого по домамъ и по дорогѣ бѣгалъ свѣтлый зайчикъ.

Выгибаясь на бокъ то въ ту, то въ другую сторону, онъ старался себѣ уяснить сущность происходящаго новаго необычайнаго явленія. И такъ, какъ былъ, съ приставленною ко лбу ладонью, отправился по селу. Встрѣчные, съ любопытствомъ его окликая, оглядывались, но онъ, не отвѣчая, шелъ.

Скоро около него собралась толпа ребятишекъ.

Дойдя до новой стройки, Живаревъ остановился и почувствовалъ неопредѣленный страхъ.

— Дѣти,—сказалъ онъ наставительно:—Не ходите дальше. Можетъ быть опасность. Явленіе не изслѣдовано.

И, выжидающе скрестивъ руки, началъ оглядываться по сторонамъ. Потомъ подумалъ и снялъ шляпу, чтобы на всякій случай загородить ею голову.

Но не было больше видно ни луча, ни зайчика.

И вдругъ страшное воспоминаніе потрясло все его существо. Онъ не могъ себѣ ясно представить, когда и гдѣ объ этомъ читалъ, но только совершенно твердо и опредѣленно понялъ, что это такъ.

— Это—акомунисты, — сказалъ онъ, чувствуя блѣдность и дрожь. Да, конечно, это—акомунисты.

Стараясь возможно тщательнѣе заслонить голову шляпой, онъ осторожно отступилъ назадъ. И тотчасъ же въ придорожныхъ кустахъ началось прежнее, но на этотоъ разъ суетливое и напряженное мельканіе. Они готовились.

Живаревъ разсмѣялся. Засмѣялись и они. Дѣти тоже начали хохотать.

— Тише!—сказалъ Живаревъ—Вздоръ, не боюсь...

Это онъ сказалъ нарочно, хотя зналъ, что акомунисты опасныя существа: они изобрѣли особый снарядъ, отбрасывающій длинный блестящій лучъ, и въ чью голову этотъ лучъ попадетъ, тотъ чело-

вѣкъ становится въ ихъ власти. Нужно только осторожнѣе прикрывать голову. Вотъ такъ.

— Дѣти, пойдемте,—сказалъ онъ строго, и широкимъ шагомъ, горбясь и припадая къ землѣ, направился обратно.

Акомунисты слѣдовали по пятамъ. По землѣ явственно проползъ свѣтлый зайчикъ. Но Живаревъ извернулся и сталъ за старую дуплистую иву.

— Что, взяли?—подумалъ онъ.

И, выскочивъ стремительно изъ своей засады, вдругъ побѣжалъ. Лучъ замелькалъ справа и слѣва и со всѣхъ сторонъ. Оборачиваясь на бѣгу, онъ уже не успѣвалъ, какъ слѣдуетъ, отъ него загораживаться, а только неистово отмахивался шляпой.

— Учителя, должно, пчелы закусали, какъ отмахивается, сердешный!—сказалъ бабій голосъ въ отворенное окно.

— Пьянай, пьянай, пьянай!—поддразнивали ребятишки.

— Дѣти!—сообразилъ Живаревъ, остановившись: — Надѣньте сейчасъ же картузы, иначе вы всѣ пропадете!

Онъ надвинулъ себѣ шляпу до самыхъ ушей.

— Вотъ такъ.

Но они не хотѣли слушать. Онъ разсердился.

— Смотрите же!—сказалъ онъ, впрочемъ, сдержанно:—Видите, вотъ тамъ?

И онъ показалъ имъ пальцемъ на колодецъ, за которымъ спрятались акомунисты, стараясь направить оттуда свой лучъ, но это имъ не удавалось, и лучъ падалъ въ сторону. Онъ съ мучительной тревогой видѣлъ, какъ свѣтлый зайчикъ проползъ по дорогѣ и скрылся въ отворенныхъ темныхъ воротахъ.

— Пьянай, пьянай!—приплясывали дѣти, цѣпляясь за него.

Онъ цикнулъ на нихъ и погрозилъ акомунистамъ пальцемъ. Тѣ пронзительно запищали, и Живаревъ разомъ узналъ вчерашній пискъ. Теперь было ясно.

Зажавъ уши и пользуясь ихъ замѣшательствомъ, онъ бросился бѣжать. Акомунисты преслѣдовали.

Прибѣжавъ домой, онъ прямо прошелъ въ темный чуланъ подъ лѣстницей и забился между рогожами и пустыми бутылками. Пахло пылью и сквозь щели падалъ желтоватый отъ досокъ свѣтъ дня.

«Въ сущности, здѣсь хорошо»,—подумалъ Живаревъ, стараясь не шевелиться.

За дверью послышались Варины шаги.

— Не входи!—крикнулъ онъ ей. Но глупая женщина не понимала и чуть было не пріоткрыла дверь. Потомъ она стала плакать.

Живаревъ дрожалъ мелкой дрожью.

— Ваня!—наконецъ сказала она:—Сжалься надъ нами бѣдными! Мы стоимъ здѣсь и плачемъ. Выйди, милый! Поди лягъ на постель! Дѣти, просите папу, чтобы онъ легъ въ постельку.

Онъ прислушался. Дѣйствительно это плакали дѣти. Что имъ было нужно отъ него и какъ онъ могъ имъ объяснить?

Нѣкоторое время соображалъ и мучился; потомъ осторожно подползъ къ двери и прошепталъ:

— Я не могу. Здѣсь они.

Но она не слушала. И продолжала свое. Она плакала и проклинала судьбу. Она ничего не понимала.

— Понимаешь, они здѣсь!—повторилъ онъ громче.

Но она стояла и плакала. Дѣти звали:

— Папочка, милый!

— Уйдите же!—крикнулъ онъ и загремѣлъ кулакомъ въ дверь.

Они съ плачемъ побѣжали.

Онъ притаился, выжидая, что будетъ дальше.

— Пи—и!—раздалось уже почти у самаго уха, но за дверью. Они собирались точно саранча. Со всѣхъ сторонъ былъ явственно слышенъ топотъ ихъ крохотныхъ ножекъ, точно топотъ мышей. Они ложились на животъ и хотѣли протискаться въ щель надъ поломъ, но это имъ не удавалось. И все говорили, говорили...

— Что?—спросилъ Живаревъ.

Но они говорили, говорили....

— Не понимаю!—сказалъ онъ нарочно грубо:—Чортъ знаетъ что! Не хочу и не понимаю. Чистый вздоръ. Мухи.

Но они продолжали говорить.

— Сдаться? Вы говорите, чтобы я сдался?—спросилъ Живаревъ и засмѣялся.

— Сдайся, сдайся, да, сдайся!

— А если нѣтъ? Что тогда?

— Сдайся, сдайся. Понимаешь? Сдайся.

— Не понимаю и не хочу,—сказалъ Живаревъ упрямо:—На кой вы мнѣ чортъ! Я васъ презираю и ненавижу. Вы навязались. Вы думаете, комариный пискъ что-нибудь значитъ? Вздоръ, ерунда! Я вамъ говорю.

Онъ разсердился.

— Ничего вы не понимаете. Вы—ерунда. Я васъ не признаю.

Они пронзительно запищали. Онъ упалъ головой въ рогожи, стараясь пальцами заткнуть себѣ уши. Потомъ вскочилъ и запустилъ бутылкой въ дверь.

— Не сдамся!

Имъ овладѣла ярость.

Вдругъ онъ услышалъ откуда-то явственный голосъ Луки Моисеевича:

— Баринъ, а, баринъ!

Откуда онъ говоритъ? Должно быть, стоитъ за дверью, и это отъ его ногъ въ свѣтлой желтой щели надъ поломъ два темныхъ пятна.

— А, это вы, Лука Моисеевичъ!—сказалъ онъ обрадованно:—А вы въ картузѣ или такъ?

— Объ этимъ не сумлѣвайтесь,—сказалъ Лука успокоительно—строго и прибавилъ помягче:—А вы, баринъ, вотъ что: вы не швыряйтесь бутылками, а то контузить можете, да рукъ себѣ о стекло не порѣжьте. А все черезъ вино. Ахъ, мать его...

— Ну, такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ Живаревъ, которому Лука внезапно показался подозрительнымъ.

Господину фершалу надобно съ вами поговорить, потому какъ на врачебномъ пунктѣ объявились мухи, которыя говорящія...

Послышалось сдержанное хихиканье и шопотъ. Живаревъ понялъ, что имъ хотятъ предательски овладѣть. Онъ нагнулся, нащупалъ среди стоявшихъ въ углу пыльныхъ бутылокъ и пузырьковъ одну бутылку и съ силою швырнулъ ее въ дверь чулана, такъ что она задрожавъ пріоткрылась. Посыпались осколки. Кто-то отскочилъ. Живаревъ нагнулся, и, поваливъ цѣлый строй буты-

локъ, выбралъ себѣ еще одну, выпрямился и приготовился къ защитѣ.

Но за дверью было молчаніе.

Живаревъ прислушался.

— Пи-и...

Онъ швырнулъ бутылку въ дверь. Она ударилась и, не разбившись, выкатилась въ сѣни. Живаревъ хотѣлъ взять новую, какъ вдругъ въ дверь бросилось что-то темное, одно, другое, третье, четвертое и, пробѣжавъ два шага, кинулось ему подъ ноги. Онъ не удержался и рухнулъ впередъ, ударившись больно лицомъ. Кто-то подмялъ его и сѣлъ верхомъ.

Распоряжался голосъ Пузыря:

— Крути назадъ руки.

Кто-то нажалъ колѣномъ въ животъ. Живаревъ завылъ и пробовалъ вырвать руки у того желѣзнаго, который сидѣлъ верхомъ. Но этого было нельзя сдѣлать. Попробовалъ даже кусаться; тогда желѣзный сдавилъ ему горло. И въ это время явственно услышалъ дѣтскій плачъ:

— Папочка, папочка! Отпустите миленькаго папочку!

Онъ рванулся еще разъ и покорно застылъ, сознавая, что погибъ.

Крутили, загибая назадъ руки и туго перетягивали ихъ веревкой, для чего перевернули его лицомъ внизъ, и онъ въ ярости ухватился зубами за рогожу. У нея былъ кислый и вонючій вкусъ, но онъ ее не выпускалъ. Потомъ перетянули ноги, и такъ, какъ онъ былъ, вмѣстѣ съ мочалой въ зубахъ, которую вырвалъ изъ рогожи, вынесли черезъ сѣни на дворъ, гдѣ положили на траву, лицомъ кверху. Онъ видѣлъ часть крыши сарая и двѣ ступеньки лѣстницы, прислоненной къ стѣнѣ, попробовалъ сдѣлать поудобнѣе рукамъ, но не могъ, къ чрезвычайному своему удивленію, двинуться ни однимъ членомъ, точно это даже было не его тѣло.

— Крѣпко,—сказалъ Пузырь:—Вотъ тѣ и мухи!

Живаревъ хотѣлъ перевернуться на бокъ, но и этого не могъ. Тогда онъ напрягся изъ послѣднихъ силъ, путы съ невыносимою силой впились въ его тѣло, и все исчезло изъ сознанія.

На мгновеніе онъ помнилъ, что кто-то нагнулся и сначала по-

цѣловалъ въ лобъ и губы и капнулъ чѣмъ-то теплымъ... вѣроятно, слезы... прямо ему на лицо, а потомъ далъ поцѣловать что-то деревянное, рѣзное и надѣлъ ему на шею что-то голубое, яркое, яркое. Потомъ его хотѣли перевернуть и поставили для чего-то на голову. Небо опрокинулось и оказалось сбоку. Телѣга поѣхала для чего-то по стѣнѣ. Онъ закричалъ отъ ужаса и куда-то упалъ, вѣроятно, въ пропасть, потому что раздробилъ себѣ плечо. Ѣхали онѣ вверхъ ногами и безпрестанно могли упасть. Сначала онъ безъ перерыва кричалъ, потомъ вспомнилъ, что мухи ходятъ совершенно такимъ же образомъ, и успокоился. Только стала кружиться голова и нѣсколько разъ стошнило.

IV.

Стало свѣтло. Гдѣ-то чирикнули птички. Но онъ продолжалъ падать. Двинулъ руками и почувствовалъ, что онѣ свободны. Но ухватиться было не за что. Крикнулъ въ послѣдній разъ.

Опять чирикнули птички. Гдѣ-то, точно въ пустой комнатѣ, кто-то прошелъ.

— Игнатій Иванычъ!—сказалъ серьезный и недовольный голосъ:—Полюбуйтесь, что съ нимъ сдѣлали!

«Я падаю. Какъ же я слышу?»—удивился Живаревъ.

— Запишите: деліріумъ тременсъ,—сказалъ тотъ же голосъ.

Дахъ-дахъ-дахъ,—отдались опять чьи-то твердые шаги.

Живаревъ боязливо открылъ глаза. Кто-то дышалъ ему прямо въ лицо.

— Ну, какъ себя чувствуете?—спросилъ опять тотъ же голосъ, который не долженъ былъ спрашивать.

«Я вѣдь падаю, падаю,—думалъ Живаревъ:—О, спасите меня, спасите!»

Онъ дико вскрикнулъ и зарыдалъ.

— Куда вы падаете? Вы лежите на кровати,—настаивалъ голосъ.

Живаревъ открылъ глаза и сѣлъ.

— Отчего же я все падаю?—спросилъ онъ изумленно

Въ открытое окно смотрѣли удивительно ярко и четко зелень какого-то сада: листья акацiи и сирени.

— Мнѣ показалось,—сказалъ онъ съ виноватой улыбкой:— Вы докторъ?

Онъ внимательно и подозрительно оглядѣлъ стоявшаго передъ нимъ человѣка въ пиджакѣ. Въ дверяхъ стоялъ простой мужикъ.

— Уходи!—махнулъ ему рукой докторъ.

Тотъ, помявшись, вышелъ.

Это понравилось Живареву.

— Докторъ, вы можете меня спасти?—сказалъ онъ, схвативъ его за руку выше локтя:—Опять надвигается.

— Что?—спросилъ докторъ и перевелъ глаза на локоть своей руки, который сжималъ Живаревъ.

Живаревъ разжалъ пальцы.

— Пи-и,—сказалъ онъ:—Комариный пискъ. Но это вздоръ. Вѣдь правда? Что за чепуха!

— Я тоже полагаю, что это все вздоръ,—сказалъ докторъ серьезно:—Выпейте вотъ это.

Живаревъ отстранилъ его руку, въ которой онъ держалъ маленькiй больничный стаканчикъ съ какой-то прозрачной водянистой жидкостью, и подозрительно еще разъ посмотрѣлъ ему въ лицо. Но докторъ терпѣливо и озабоченно ждалъ.

— Давайте,—рѣшительно сказалъ Живаревъ, залпомъ выпилъ и тотчасъ схватился рукою за грудь.

— Вы не отравили меня, докторъ?

— Вотъ еще фантазiя!—сказалъ тотъ весело.—Ну-съ, теперь пять часовъ. Спокойной вамъ ночи. Вы тутъ не одни. Вы понимаете? Это земская больница. Въ коридорѣ тутъ дежурный, а тутъ за перегородкой аптека... Василiй Онисимовичъ! — позвалъ онъ въ пространство.

— Пилюли дѣлаю,—отвѣчалъ низкiй и хриплый басъ изъ-за того мѣста, которое означало перегородку.

— Есть у насъ?..

Докторъ назвалъ что-то по-латыни.

— Во-на! Хватились.

— А?..

Докторъ опять назвалъ что-то по-латыни.

— И этого нѣтъ.

— Фу-ты, чортъ! — выругался докторъ:—Какая-то Гоголевская больница! Хороши у васъ были до сихъ поръ порядки!

Голосъ за перегородкой еще долго что-то отвѣчалъ...

Очнулся Живаревъ въ сумерки. Окно было заперто, и верхушки кустовъ краснѣлись отъ яркаго заката. На полу изъ коридора тоже протянулось красное отраженіе отъ другого невидимаго изъ палаты, гдѣ онъ лежалъ, окна.

Было тихо и пахло аптекой. На столикѣ стояло нѣсколько склянокъ. Живаревъ почувствовалъ тоску и хотѣлъ сѣсть, но его удержалъ страхъ. Онъ натянулъ одѣяло до самаго подбородка и прислушался.

— Пи-и!—раздавалось по-близости.

Онъ притаился, стараясь разглядѣть, откуда доносился пискъ.

«Вотъ они»,—подумалъ онъ и, быстро протянувъ руку, переставилъ большую склянку.

Но они быстро куда-то юркнули, и только было слышно, какъ что-то шлепнулось на землю и побѣжало.

Живаревъ поднялся и брезгливо встряхнулъ одѣяло, но они, должно быть, крѣпко держались, вцѣпившись, и онъ скинулъ его на полъ. Опять раздался топотъ, похожій на мышиный.

Онъ быстро подобралъ ноги на кровать и сѣлъ по-турецки.

Вошелъ докторъ и спросилъ:

— Ну, что, батенька, проснулись?

Живаревъ дрожалъ.

— Докторъ, они здѣсь, подъ одѣяломъ.

— Э, полноте!—Вы сами сказали: чепуха.

Онъ нагнулся и поднялъ одѣяло.

— Видите? Ничего нѣтъ.

— Значитъ, вы отрицаете, докторъ?

— Конечно, отрицаю.

Онъ стоялъ, заложивъ руки за спину и улыбаясь. Потомъ взялъ руку и пощупалъ пульсъ.

— Знаете, вы бы лучше прилегли.

Онъ сѣлъ возлѣ на стулъ. Онъ былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ, и глаза его ласково сіяли.

— Уведите меня, пожалуйста, отсюда, — попросилъ Живаревъ.

— Ну, полноте. Зачѣмъ?

— Все равно, я слышу ихъ здѣсь. Они повсюду. Я не могу спать. Они говорятъ. Вотъ тутъ и тамъ, повсюду и пищатъ: пи-и.

Онъ заткнулъ уши и помоталъ головой.

— Они преслѣдуютъ меня.

Грудь его дрогнула рыданіемъ.

— Нѣтъ ли у васъ, докторъ, такой комнаты...

Живаревъ задумался, стараясь вообразить себѣ такую комнату, которая годилась бы вполнѣ.

— ...чтобы стѣны были каменныя и дверь обита желѣзомъ?

— Конечно, есть, голубчикъ,—сказалъ докторъ.

Живаревъ подозрительно посмотрѣлъ на него.

— Да не смотрите вы... Господи! Ну?

Докторъ дружески пожалъ ему руку.

— Хотите сейчасъ перебраться?

Живаревъ спустилъ ноги на полъ.

— Хочу.

— Да кто васъ преслѣдуетъ? Ну-ка, разскажите!

Докторъ присѣлъ рядомъ на стулъ.

Живаревъ удивился.

— Акомунисты, —сказалъ онъ, недовольно, помолчавъ.

Онъ заподозрилъ доктора въ хитрости. Но тотъ продолжалъ на него смотрѣть ясными, голубыми глазами.

— Акомунисты... да... За что же, собственно, они васъ преслѣдуютъ?

Живаревъ опять удивленно посмотрѣлъ на доктора. Но докторъ продолжалъ ласково смотрѣть ясными глазами.

— Я открылъ языкъ мухъ,—сказалъ Живаревъ, понизивъ голосъ.

Но они все равно услыхали и подняли суетню. Нѣсколько изъ нихъ покатилось подъ кровать.

Живаревъ поднялъ ноги съ пола.

— Не хотите? А я буду... Да, докторъ,—сказалъ онъ тверже,—я открылъ... Ну, хорошо, не буду. Не хотите—не надо.

— Напротивъ, продолжайте,—сказалъ докторъ.

— Уведите же меня отсюда!—попросилъ Живаревъ и заплакалъ.

V.

Живаревъ радостно ощупалъ окованную желѣзомъ дверь.

— Пи-и! пропищало гдѣ-то далеко.

— Ага!—сказалъ онъ весело:—Пищи, пожалуй. Только не говори. Не хочу я твоего разговора!

Но они продолжали за дверью говорить, правда, глухо.

— Что такое? Не желаю,—сказалъ Живаревъ:—Что вамъ, собственно, надо? Ну, хорошо, я слушаю. Что надо? Ну?

Онъ прислушался.

— Не понимаю. Почему все равно? А я вамъ говорю, что не все равно.

— Онъ постарался что-то вспомнить, но не могъ.

— Есть свѣтъ... тамъ... въ ту сторону...

Онъ упрямо показалъ рукою. Они засмѣялись за дверью и пронзительно запищали. Онъ заткнулъ уши и упалъ на койку.

Непремѣнно есть свѣтъ. Долженъ быть. Почему онъ не можетъ вспомнить?

Поднялъ голову и оглядѣлся. Въ маленькое окно, расположенное высоко, уже смотрѣла ночь. Но свѣтъ не тамъ. Что они говорятъ?

— Нѣтъ, это докторъ. Онъ поворачиваетъ снаружи ключъ въ замочной скважинѣ.

— Не спите?

Стоитъ въ полурастворенной двери.

— Войдите же, докторъ. Вы хотите, чтобы и сюда набралось.

— А что можетъ сюда набраться?

— Саранча.

Онъ плотно запираетъ за собою дверь.

— Странно! Какой же у нея видъ?

Живаревъ постарался ясно себѣ представить.

— Мразь! Маленькіе, сѣренькіе, юлятъ, съ круглой головкой и ушками.

Онъ плюнулъ.

— И все говорятъ.

Онъ заткнулъ уши и безнадежно покачалъ головой.

— Все говорятъ, говорятъ и клевещутъ. Ужасной, возмутительной клеветой.

Онъ вскочилъ и старательно ощупалъ порогъ. Слышно было, какъ они возятся и пищатъ.

— Здѣсь нѣтъ щели, докторъ?

— Не бойтесь: съ той стороны тоже обито войлокомъ.

— Докторъ, есть, по-вашему, свѣтъ?

— Свѣтъ? Вы этимъ хотите сказать...

— Ну, да, разумѣется, я этимъ хочу сказать...

Онъ задохнулся.

— Говорите же, докторъ!

— Я лично убѣжденъ, что есть,—сказалъ докторъ серьезно.

Живаревъ внимательно посмотрѣлъ ему въ глаза: не притворяется ли онъ.

— Неправда, докторъ, вы лжете.

Онъ вскочилъ съ койки.

— Вы хотите меня обмануть.

— Съ какой стати мнѣ васъ обманывать? Вы курите?

Докторъ протянулъ портсигаръ. Живаревъ взялъ папиросу и тотчасъ же положилъ ее обратно.

— Я вамъ не вѣрю, докторъ. Вы хотите сознательно меня обмануть. Я не понимаю, съ какой стати. Развѣ обманъ лучше? Вы мнѣ не нравитесь.

Но тотъ продолжалъ спокойно курить, и глаза у него были такіе же ясные и голубые. Онъ не былъ злой, но принадлежалъ къ какой-нибудь странной сектѣ.

— Слушайте, докторъ. Земля, на которой мы живемъ, есть планета?

Докторъ утвердительно кивнулъ головой.

— Такая же, какъ прочія. Не правда ли? Когда-нибудь она замерзнетъ и разсыпится въ прахъ. Вѣрно докторъ?

Эта мысль, внезапно представившаяся ему такъ ярко, повергла его въ дрожь.

— Зачѣмъ же тогда все, докторъ? Зачѣмъ? Это ужасно!

Онъ посмотрѣлъ испуганно и внимательно на доктора, понимаетъ ли онъ. И вдругъ у того по брюкамъ что-то пробѣжало.

Живаревъ подобралъ ноги.

— Что съ вами?—спросилъ докторъ:—Вамъ опять что-нибудь показалось?

— Скажи: нѣтъ,—заговорили они.

Онъ боролся съ собою.

— Не знаю..: такъ..:

Онъ вглядѣлся и увидѣлъ, что на плечѣ у доктора сидитъ другой. У этого были маленькіе, черненькіе живые глазки и смѣшная мордочка.

— Пошелъ прочь!—сказалъ Живаревъ и засмѣялся: — Все равно, — добавилъ онъ грустно и легъ лицомъ въ койку, чувствуя, какъ грудь поднимается рыданіемъ. На плечо легла мягкая и тяжелая рука доктора. Онъ вздрогнулъ.

— Не утѣшайте, докторъ. Вы вѣрите, что я стремился? Благодарю васъ. Пусть результаты моихъ усилій были сравнительно ничтожны. Но я стремился, я хотѣлъ, я вѣрилъ. Вы понимаете?

Ему безумно хотѣлось, чтобы докторъ понялъ его.

Онъ плакалъ, и рука доктора дружески лежала у него на спинѣ.

— Скорѣй, скорѣй,—сказали они.

— Что?—удивился онъ:—Куда? Докторъ, идите. Все равно.

Было глупо, что онъ подчинялся имъ. Но онъ уже не могъ, потому что они проникли сюда.

— Знаете, докторъ, я погибъ. Дайте мнѣ вашу руку. Фу, гадость, не могу.

Что-то мягкое попало ему въ ладонь. Онъ вытеръ ее объ колѣно.

— Знаете, докторъ? Уйдите. У васъ на плечѣ и на рукавѣ.. Впрочемъ, все равно.

Онъ безнадежно махнулъ рукой. И только было противно и немного смѣшно.

— Надо запирать дверь?—спросилъ докторъ, уходя.

— Скажи: не надо!—сказали они.

— Не надо, докторъ.

Онъ надѣялся, что онъ не послушается и запретъ. Но докторъ поколебался и оставилъ отворенную щель.

Они загудѣли, точно пчелиный рой.

— ...Ну, и что же изъ этого?—сказалъ онъ нарочно и поддразнивая.

— Умру я, будутъ жить другіе. Значитъ не все равно.

Они опять загудѣли, какъ тогда, когда докторъ оставилъ открытою дверь. Онъ засмѣялся.

— Знаю, знаю. Другіе—то же, что я: тѣ же мысли, тѣ же чувства, тѣ же желанія. Опять сызнова вся волынка. Опять надежды, мечты. Скучно. Понимаю. Ничего новаго. Граммофонъ и автомобиль. Ерунда.

Они сидѣли правильными рядами на подоконникѣ, на столѣ и на спинкахъ койки. Бѣгалъ только одинъ. Онъ неистово юлилъ и вертѣлся.

— Ну, будетъ,—сказалъ Живаревъ строго:—Не люблю!

Но онъ продолжалъ вертѣться, какъ кубарь.

— Тогда пойдемъ,—сказалъ Живаревъ, которому это было нестерпимо:—Куда итти?

Они растерянно побѣжали. Но скрипнула дверь и выглянулъ докторъ.

— Не спите еще?

Живаревъ притворился дремлющимъ.

— Сейчасъ, сейчасъ засыпаю.

Страшно больше не было. Только билось сердце и хотѣлось, чтобы все кончилось поскорѣй.

А вертлявый вертѣлся все скорѣй и назойливѣе.

VI.

— Постойте!—сказалъ вдругъ Живаревъ, перенося ногу черезъ порогъ:—Если все равно, то, значитъ, два равно тремъ, три четыремъ и такъ далѣе.

Они засмѣялись. Онъ обидѣлся.

— Ничего смѣшного. Можетъ быть, все, что вы говорите, есть вздоръ. Пять равно шести. Милліардъ—тысячѣ. Единица — вѣчности.

Онъ задумался.

— Равна ли единица вѣчности? Въ этомъ весь вопросъ. Вотъ я жилъ и уничтожился. Я мыслилъ, страдалъ, надѣялся и исчезъ. Да, значитъ, равна.

Онъ печально вздохнулъ. Они одобрительно зашумѣли.

— И тогда все равно. И всюду знакъ равенства. Равно, равно, равно. Все равно всему.

Онъ провелъ пальцемъ большой знакъ равенства въ воздухѣ и горько разсмѣялся

— Какъ странно. Ну, пойдемъ. Какое ему дѣло, что кто-то когда-то будетъ жить и будутъ ли это милліоны или милліарды новыхъ живыхъ людей? Все равно, потому что въ концѣ-концовъ все рухнетъ. И тогда уже полный знакъ равенства. Равно нулю. Единица равно безконечности, безконечность равно нуль. Страшно.

Крадучись и пожимаясь отъ озноба, онъ двинулся дальше. Въ коридорѣ было полусвѣтло. Горѣла всего одна керосиновая лампочка, и та давала копоть. Онъ хотѣлъ ее поправить, но она вдругъ потухла, и оттого сдѣлалось видно большое итальянское двустворчатое окно. Подошелъ и ощупалъ раму. Можетъ быть, все это сонъ, и на самомъ дѣлѣ все не такъ. И безконечность не есть нуль. И два есть два. И билліонъ и тысяча билліоновъ имѣютъ смыслъ и что-то значатъ.

Виденъ незнакомый садъ и за темнымъ силуэтомъ выдавшейся части дома на небѣ яркій хвостъ Большой Медвѣдицы.

Все-таки небо будетъ жить, и будетъ нѣкоторое время жить земля. Не вѣчность, конечно, но долго, долго. Потомъ разсыпится въ прахъ. Очень жалко.

Онъ вытеръ слезы полой халата.

Небо разсыпится тоже. Отживутъ и потухнутъ звѣзды.

О, жалко, жалко.

— Ну, пойдемъ же, пойдемъ,—говорятъ они:—Вотъ дверь. Но ручка вертится сама собою. Онъ вытягиваетъ руки и прижимается къ стѣнѣ.

Дверь отворяется и входитъ кто-то темный. Онъ удивляется, что лампочка погасла. Подходитъ и пробуетъ зажечь, но у него ломаются спички. Это—сторожъ.

Потомъ снимаетъ лампочку и уноситъ ее съ собою.

— Скорѣй же, скорѣй...

Придерживая разлетающіяся полы халата, онъ спѣшитъ за ними въ открытую дверь... Темный, узкій коридоръ, и направо все окна, окна, и въ нихъ звѣзды.

— О, какъ хорошо и жалко.

А это залъ. Пахнетъ пылью и большимъ помѣщеніемъ.

— Тише, тише...

Но слышенъ каждый шорохъ и даже собственное дыханіе и біеніе сердца. И здѣсь въ окнахъ тоже небо, большое, радостное, блещущее. Онъ разрушится. Оно не понимаетъ, и оттого радостно.

Что это въ углу? Длинное, бѣлое... Это два подсвѣчника, потому что тутъ, вѣроятно образъ.

— Бѣжимъ, бѣжимъ...

— Я хочу видѣть, какой образъ. Я хочу.

Но они противятся.

— Вздоръ! Я хочу видѣть.

Онъ большой и темный, темный. Прижимается губами къ стеклу и цѣлуетъ: Губы дрожатъ и животъ дрожитъ. Страшно, страшно.

— О, спаси меня. Кто ты?

Старается заглянуть съ боку. Вѣроятно, это Нерукотворенный Спасъ. Большой темный ликъ съ мѣднымъ сіяніемъ.

— Спаси меня. Спаси міръ.

Становится на колѣни и стискиваетъ сплетенные пальцы.

— Да, да, спаси міръ. Слышишь? Если только можешь.

Какая тишина! Какая тихая, большая зала.. Какъ хорошо, что можетъ быть такая тишина.

Слезы текутъ по лицу. И никто не говоритъ, не смѣетъ.

— О, спаси міръ. Не меня. Меня не надо. Можетъ быть, я сдѣлалъ что-нибудь ужасное?

Старается припомнить.

— Но все равно. Я сдѣлалъ. Я, навѣрное, сдѣлалъ. Погуби мою жизнь, убей меня. Но сохрани міръ.

...«И не будетъ жизни... Настанетъ пустота, холодъ, уничтоженіе и пыль... Потухнутъ солнца, не будетъ вѣчности... Не будетъ, не будетъ. Нуль равно нулю»...

Это говорятъ они:

— Не вѣрю. Не хочу. Отрицаю. Силою моей молитвы отрицаю. Будетъ, будетъ, будетъ. Слышишь? Я вѣрю.

Живаревъ вскочилъ съ колѣнъ.

— Будетъ, будетъ, будетъ...

Смотритъ въ послѣдній разъ на образъ, молчащій и пыльный.

— Благослови меня.

Видно, какъ по паркету падаютъ тусклые отсвѣты оконъ. Тишина большая, спокойная и радостная.

— О чемъ ты думаешь?—спрашиваютъ они:

Но онъ вслушивается въ тишину. Только надо, чтобы она была въ душѣ. Вотъ такъ.

Потомъ тихо, большими шагами идетъ дальше.

...«И погибнетъ земля... Замрутъ города, разсыпятся стѣны... Умретъ послѣдній человѣкъ. Не будетъ воздуха. Треснетъ кора и все обратится въ морозную пыль. Не правда ли?»

Но онъ молчитъ: не знаю, не знаю.

— Скажи, что ты задумалъ?

— Ведите же, ведите.

Они бѣгутъ опять вверхъ по лѣстницѣ. Керосиновая лампочка чуть свѣтитъ въ нижнемъ этажѣ. Чья-то обитая клеенкой парадная дверь съ мѣдной дощечкой. Можетъ быть, квартира доктора. И даже навѣрное.

— Отвори,—говорятъ они.

Дверь тихо отворяется, и видно большую переднюю. И онъ знаетъ, что никого нѣтъ. Сегодня, вообще, никого нѣтъ. Всѣ куда-то ушли.

Въ слѣдующей комнатѣ накрытый столъ и самоваръ. Піанино съ открытой клавіатурой, и брошенныя въ безпорядкѣ ноты. Все такъ хорошо, отчетливо видно.

Налѣво полуотворенную дверь въ полуосвѣщенную комнату.

Тихо, осторожно отворяетъ и смотритъ. Двѣ кровати, убранныя наверху бѣлымъ тюлемъ съ голубыми лентами. Это—дѣти.

Они спятъ. Маленькій полный мальчикъ съ раскрытымъ, точно треугольнымъ ротикомъ и большая худенькая дѣвочка. Долго и съ любопытствомъ смотритъ. Они спятъ увѣренно и тихо. Это потому, что бодрствуетъ онъ.

Въ эту ночь онъ будетъ бодрствовать одинъ за всѣхъ.

Хочетъ повернуться и уйти, но удерживаетъ нѣжность. Вотъ они спятъ и не знаютъ. Въ эту ночь знаетъ только онъ одинъ.

Не знаетъ небо, не знаютъ звѣзды. И оттого радостно блещутъ.

— Тс...

Выходитъ на цыпочкахъ. Гдѣ-то шаги и звонъ разбитой посуды. И такъ ясно представляется отдаленная кухня, гдѣ есть плита и стоятъ кастрюли, и толстая кухарка.

Вотъ сюда. Здѣсь балконъ. Шевелится отъ вѣтра парусиновая драпировка.

Какой просторъ. Какая глубина и тишина. Впивается глазами въ ночь. Внизу, по темнымъ массамъ сада, легли неправильныя полосы и пятна свѣта. Если нагнуться, почти видны дорожки.

— Здѣсь низко,—говорятъ они.

Онъ соглашается и пробуетъ столбы. Они холодные, крашенные, скользкіе.

Торопливые шаги и голоса. Кто-то вдвоемъ быстро проходятъ черезъ столовую.

— Я боюсь. Онъ здѣсь,—говоритъ женскій голосъ, высокій, дрожащій, красивый и плачущій.

Другой голосъ доктора. Онъ говоритъ:

— Просто глупой бабѣ показалось. Ты сама видишь: тутъ никого нѣтъ.

Живаревъ присѣлъ за дверью на корточки.

Они входятъ на балконъ. Онъ обнимаетъ ее за талію. У нея большіе, темные, испуганные глаза.

— Я послалъ фельдшера посмотрѣть, что онъ дѣлаетъ,—говоритъ докторъ.—Мы сейчасъ узнаемъ. Несчастный малый.

Живаревъ усмѣхнулся.

Они стоятъ у входа на балконъ, обнявшись. И они тоже не знаютъ, что нуль равно нулю. Они безпечны и радостны. Она ищетъ губами его виска и долго цѣлуетъ это мѣсто. Она не знаетъ, но ничего. Въ эту ночь бодрствуетъ онъ одинъ.

Задыхаясь, подходитъ кто-то третій.

— Тамъ его нѣтъ,—говоритъ низкій басъ.

— А, это который за перегородкой.

Она вскрикиваетъ и бѣжитъ съ балкона.

Я же тебѣ говорю, что никого нѣтъ,—говоритъ докторъ.

Но она не вѣритъ и бьется въ истерикѣ.

— Онъ былъ здѣсь, возлѣ нашихъ дѣтей.

Стремительно она убѣгаетъ въ дѣтскую. Докторъ о чемъ-то разсуждаетъ, пространно и недовольно.

— Сюда,—говорятъ «они»:—Видишь боковой край лѣстницы? Перелѣзь за рѣшетку балкона. Можешь достать рукою? Ухватись за водосточный жолобъ.

Живаревъ перегнулся и попробовалъ достать край лѣстницы. Но лѣстница была далеко. Онъ медленно сталъ прижиматься къ водосточной трубѣ. Запахло свѣже-выкрашенною масляною краской. Лѣвую руку онъ также медленно вытягивалъ по направленію къ лѣстницѣ, наклоняясь въ то же время все дальше и дальше туловищемъ въ пространство.

Наконецъ, его рука коснулась ступеньки. Онъ сдѣлалъ прыжокъ и повисъ на одной рукѣ, перевернувшись, туловищемъ вокругъ себя, потомъ ухватился другой. Что-то хрустнуло въ плечѣ. Но ничего. Перекинулъ ногу и такъ висѣлъ долго и отдыхалъ, удивляясь и радуясь.

Отдохнувъ, быстро полѣзъ вверхъ по ступенькамъ. И оттого небо становилось все шире и больше, а отсвѣты, ложившіеся изъ оконъ, меньше и ничтожнѣе.

Вскорѣ уже не было ничего, кромѣ неба.

— Скорѣй,—сказали они.

Онъ продолжалъ глядѣть. Поднимался еще на одну ступеньку и опять глядѣлъ. Но вотъ крыша. Она гнется подъ ногами и гремитъ.

Онъ легъ плашмя и сталъ тихо передвигаться вдоль жолоба.

VII.

— Я что-то сдѣлалъ,—сказалъ Жиляревъ, усиливаясь вспомнить свое преступленіе:—Можетъ быть, даже, не по своей винѣ но это все равно: я сдѣлалъ. Это было когда-то давно. Я оскорбилъ небо и землю, и оттого они должны были разрушиться.

Онъ съ трепетомъ поднялъ лицо къ небу и посмотрѣлъ вокругъ. Непонятно, какъ это могло случиться. Но разъ онъ погибаетъ, то, значитъ, все остается по-старому. Не правда ли? Это ясно. Два есть два и три есть три. Милліонъ равенъ милліону, и вѣчность равна самой себѣ, а не нулю... И это только оттого, что онъ погибаетъ. Какъ странно. Но почему?

Онъ поглядѣлъ на Большую Медвѣдицу и улыбнулся. Она была смѣшна и наивна тѣмъ, что похожа на кастрюльку. Но и это было радостно. Точно кто-то дѣтски простой и веселый и еще плохо владѣющій рисункомъ взялъ и вычертилъ эту кастрюлю изъ звѣздъ.

— Скорѣе,—сказали опять они.

Но онъ ихъ больше не слушалъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ былъ здѣсь и готовился умереть, они уже не могли имѣть значенія. Они были гдѣ-то внизу.

Иногда пробовали попрежнему клеветать:

— И уничтожится небо, и уничтожится земля. Слышишь?

— Какая чепуха!

Онъ насмѣшливо пожималъ плечами.

Какъ жалки и ничтожны были ихъ ухищренія. Два равно двумъ, и вѣчность равна вѣчности, а не нулю. Это такъ ясно. Они велятъ ему умереть? Онъ умретъ, но не подчинится.

Онъ всталъ и, гордо поднявъ голову, выпрямился на краю крыши надъ балкономъ.

И оттого ничто не можетъ уничтожиться, потому что все равно самому себѣ, и не можетъ быть, чтобы единица равнялась безконечности.

Онъ поднялъ торжественно руки, желая благословить небо и землю.

— Ты ошибаешься,—безпорядочно, въ послѣднемъ отчаяніи заговорили они.—Навѣрное ошибаешься. Подумай въ послѣдній разъ: ты исчезнешь—значитъ: исчезнутъ для тебя небо и земля. Не будешь существовать ты, единица, не будетъ и самой вѣчности. Развѣ же это не такъ? Прокляни вѣчность. Слышишь? О, прокляни, прокляни. Себя и вѣчность.

Живаревъ громко разсмѣялся.

Онъ видѣлъ, какъ отъ самой больницы протянулась по землѣ куда-то вдаль длинная полоса свѣта. Тамъ бѣгали и суетились люди.

— Я же вамъ говорилъ, что на балконѣ никого нѣтъ,—сказалъ внизу, съ балкона, голосъ доктора.

...Люди ходили и искали по дорожкамъ сада. Кто-то ушелъ съ фонаремъ по направленію къ рѣкѣ и издали казался большимъ свѣтлякомъ, двигавшимся во мракѣ.

Вдругъ съ крыши раздался громкій, надтреснутый голосъ, подражающій богослуженію:

— Слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ...

Это вышло такъ неожиданно и смѣшно, что всѣ, вмѣсто того, чтобы испугаться, громко разсмѣялись.

Мелькнуло что-то бѣлое. Подумали, что больной сбросилъ внизъ халатъ. Но громко затрещали ломающіяся вѣтки и что-то со стономъ и грузнымъ хряскомъ ударилось о землю.

И только тогда поняли, что это упалъ человѣкъ.

НЕОПАЛИМАЯ КУПИНА.

I.

Они сидѣли по вечерамъ почти грудь съ грудью, касаясь другъ друга локтями, при чемъ лицо акцизнаго Федорова, съ красными, въ жилкахъ, глазами было ярко освѣщено, а лицо батюшки, о. Василія, скрывалось въ тѣни за темно-зеленымъ щиткомъ, надѣтымъ на лампу, и было неясно. Акцизный старался дышать въ сторону, такъ какъ отъ него несло запахомъ спирта. У него были большіе военные усы и блѣдное, точно неживое, въ глубокихъ морщинахъ лицо. И голосъ у него былъ грубый и хриплый, похожій на рыкъ какого-то звѣря.

Съ батюшкиной стороны, напротивъ, распространялся тонкій запахъ кипариса и ладана, и въ тѣни, за щиткомъ, чувствовалось шевеленіе многочисленныхъ и слегка колючихъ волосъ длинной холеной бороды. Голосъ у батюшки былъ хотя ласковый, но настойчивый и даже нѣсколько злобный.

Федоровъ слушалъ его съ изумленіемъ, безпрестанно переходившимъ въ раздраженіе. Онъ хотѣлъ возражать, но мягкій голосъ за щиткомъ лампы неотразимо лился прямо въ душу, и слышно было, какъ мягко шелеститъ, точно ласкаетъ батюшкина борода.

Казалось, батюшка ткалъ изъ ничего какую-то крѣпкую тонкую ткань, которая безысходно опутывала умъ акцизнаго. Батюшка какъ-то странно обходился безъ фактовъ, даже ясно и без-

смысленно противорѣчилъ имъ, а между тѣмъ заставлялъ соглашаться съ собой.

И это продолжалось уже нѣсколько вечеровъ. Сначала Федоровъ слушалъ просто изъ любопытства, а теперь уже не могъ отстать. Было такое чувство, точно батюшка туже и туже забивалъ ему въ голову мертвый осиновый колъ и неотступно хотѣлось поймать батюшку, изобличить его и вмѣстѣ вырвать забитый колъ изъ головы.

При этомъ они пили и закусывали сырыми помидорами съ лукомъ.

Иногда въ глазахъ акцизнаго отражался пьяный довѣрчивый испугъ. Батюшка заставлялъ его принимать на вѣру совершенный абсурдъ, лепетъ дѣтской книжки.

Тогда онъ говорилъ:

— Поймите же, о. Василій, что я не ребенокъ... Что вы мнѣ разсказываете?

Но голосъ у него былъ неувѣренный, точно просительный.

И онъ вглядывался посоловѣвшими глазами въ лицо собесѣдника, но оно было покрыто тѣнью. И нельзя было разсмотрѣть, глупъ ли батюшка, или хитеръ, какъ лисица. Только чувствовалось, что онъ на что-то золъ.

Иногда акцизный откидывался на спинку кресла и сидѣлъ такъ подолгу, не шевелясь, точно одеревенѣвшій. Ему казалось, страннымъ и жуткимъ, что онъ жилъ до сихъ поръ въ этомъ знакомомъ и такомъ простомъ мірѣ, ревизовалъ винныя лавки, выступалъ на любительскихъ спектакляхъ, курилъ, пилъ, обѣдалъ и, если заглядывалъ въ церковь, то съ тоскливымъ недоумѣніемъ разсматривалъ наивную и примитивную живопись, повѣствовавшую о библейскихъ легендарныхъ чудесахъ. И онъ такъ и привыкъ думать объ этой живописи и о томъ, о чемъ она повѣствовала, какъ о чемъ-то ненужномъ, скучномъ и никогда не бывшемъ.

А изъ батюшкиныхъ словъ выходило, что все, что написано на потолкахъ церквей, не только было, но и несравненно важнѣе для всякаго, чѣмъ все то, что на самомъ дѣлѣ есть, совершалось и совершается вокругъ.

Батюшка, какъ паукъ запутывалъ его мысль.

II.

— Батюшка, — сказалъ Федоровъ, принимая униженный и смиренный видъ. Ему хотѣлось подѣйствовать на о. Василія лестью.—Вѣдь вы, такъ сказать, философъ... Вы изучали богословію и философію... Какъ же вы можете вѣрить въ то, что, напримѣръ, была неопалимая купина... простой, можно сказать, кустъ... при дорогѣ, который... и въ то же время горитъ и не сгораетъ...

— Ну, и что же?—спросилъ батюшка грубо.

— Непонятно это,—криво усмѣхнулся Федоровъ.

— Непонятно?

Голосъ батюшки становился грубѣе и грубѣе.

— А остальное вы все понимаете?

— Какъ остальное?

Федоровъ понималъ, что батюшка опять его ловитъ, и мысленно упирался.

— Все остальное, кромѣ купины...

— Кромѣ купины?.. Я полагаю... Разумѣется, за исключеніемъ прочихъ чудесъ.

— За исключеніемъ чудесъ,—настаивалъ батюшка,—вы все понимаете?..

— Конечно, я не учился въ университетѣ,—защищался акцизный.

— Тутъ университетъ не при чемъ... Я васъ спрашиваю: остальное-то вы понимаете?.. Вотъ, напримѣръ, самоварная струя изъ крана... Вы ее понимаете? Отвѣтьте: понимаете?..

— Чего тутъ понимать? Тутъ и понимать нечего.

— «Нечего»—передразнилъ батюшка:—привыкли, оттого и нечего. А небо у васъ надъ головой, безконечныя бездны эѳира... Это тоже нечего понимать? Привыкли, обтерпѣлись: ничего, молъ, нѣтъ страннаго и непонятнаго. Все обыкновенно. И жизнь и смерть. И вотъ эта самая самоварная струя. Мы вотъ съ вами споримъ, а почему она именно такая, а не иная какая-нибудь? Объ этомъ мы не задаемся... не вглядываемся, не вдумываемся.

Федоровъ смотрѣлъ на самоварную струю, въ то время, какъ матушка наливала новые стаканы, и ему казалось, что батюшко какъ-то странно правъ.

— А Америку вы видѣли?—продолжалъ батюшка:—можетъ быть, никакой Америки вовсе нѣтъ. А вы вѣрите, а въ другомъ нѣтъ.

— Батюшка!—сказалъ вдругъ Федоровъ и остановился.

Ему хотѣлось заглянуть до дна души священника.

— Оставимъ, такъ сказать, философію.... Будемъ говорить просто... Ну, небо, тамъ, бездны эфира... а вы мнѣ скажите просто: была купина, или это, какъ говорится, выдумано, чтобы держать въ повиновенiи народы.... для поднятiя нравственности?

Глаза у него были кроткiе и умоляющiе, какъ у ребенка.

Слышно было, какъ батюшка расправилъ усы и даже видны были его зубы, бѣлые, на моментъ блеснувшiе, какъ у хорька или лисицы.

— Какъ это «просто»?—переспросилъ батюшка.

— Какъ... ну, живой человѣкъ,—молилъ акцизный, сбиваясь и заплетаясь:—ну, скажемъ—оба мы пришли... сзади насъ, какъ говорится, ночь и впереди ночь, наги пришли, наги и уйдемъ... Зачѣмъ намъ морочить другъ друга? Вотъ я и говорю: скажите просто... Неужели купина и все было? Вы скажите: да! Твердо скажите... Да вы отгородите, пожалуйста этотъ щитъ... чтобы лицо ваше можно было видѣть...

— Мнѣ глазамъ больно,—сказалъ батюшка,—то-есть, какъ же это такъ просто «да»? Я вѣдь не оракулъ. Развѣ вы не должны также сдѣлать употребленiя изъ вашихъ умственныхъ способностей?

— А вамъ развѣ трудно сказать: да? — настаивалъ акцизный:—Нѣтъ, вы скажите просто:—да!

Онъ требовалъ настойчиво, отчасти даже грубо:

— Вы мнѣ скажите откровенно: была купина?

Голосъ акцизнаго сдѣлался вызывающимъ.

— Ну, была,—сказалъ батюшка грубо:—Что же дальше?—Но акцизный не ожидалъ этого батюшкинаго выпада. Онъ втайнѣ

надѣялся, что батюшка постарается уклониться отъ прямого отвѣта и, такимъ образомъ, вопросъ останется нерѣшеннымъ.

— Вздоръ!—сказалъ онъ, немного помолчавъ:—Никакой купины не было. Все это одинъ отводъ глазъ...

Попадья, разливавшая чай, высокая, худая, съ обезпокоеннымъ, недовольнымъ лицомъ, не выдержала, наконецъ, и сказала, нервно двигая посудой:

— Что вы каркаете, ровно вороны?.. Раскаркались къ ночи: была, не была...

Батюшка только побарабанилъ пальчиками.

Конечно, онъ лгалъ. Въ этомъ Федоровъ не сомнѣвался. Но это было не важно. Важно то, что все можетъ быть,—мысль, высказанная батюшкой, и отъ нея не уйдешь! Все можетъ быть! Никуда нельзя твердо опереть ногу. Всюду провалъ, трясина...

— Вздоръ! Ерунда!—рычалъ онъ, точно раненый звѣрь, но въ немъ уже поселился странный, неотвязчивый страхъ.

«Я пьянъ,— думалъ онъ, противясь ему:—мнѣ нужно на воздухъ»...

У него было такое ощущеніе, точно мысли его связаны и перетянуты узломъ.

«Развязать бы что-то»,—думалось ему въ то время, когда онъ прощался съ батюшкой, ласково провожавшимъ его до дверей.

Въ батюшкиной передней было особенно душно отъ огромныхъ шкаповъ съ платьемъ и отъ висящей повсюду одежды, длинной и благочинной, и опять хотѣлось скорѣе на воздухъ.

Батюшка самъ проводилъ гостя до наружной двери, даже предупредительно высунулся на крыльцо и, слащаво пожелавъ покойной ночи, меланхолически заперъ дверь на огромный, точно кочерга, желѣзный крюкъ.

III.

— Конечно, въ природѣ есть что-то такое... непостижимое,— размышлялъ Федоровъ на другое утро, испытывая головную боль:—Купина, конечно, вздоръ, и попъ хитритъ... но...

Отъ всего вчерашняго разговора у него выросло въ душѣ какое-то новое и прочное «но».

За тонкой досчатой стѣнкой въ кухнѣ, гдѣ помѣщалась хозяйка съ семьей (комнаты сдавались жильцамъ) шла обычная возня.

Слышенъ былъ хозяйкинъ голосъ, рѣзкій и слегка печальный, точно она всегда думала не о томъ, что говоритъ. Стала она «такой» съ тѣхъ поръ, какъ у нея умеръ мужъ. У нея было блѣдное, худощавое лицо, странно симпатичное, отпечатокъ внутренней болѣзненности, который накладываетъ иногда на женскія лица скрытый, грызущій недугъ.

Неестественно надрываясь, она кричала съ утра до вечера на своихъ дѣтей, двухъ мальчиковъ, бѣлобрысыхъ, похожихъ на бѣлыхъ мышатъ и до крайности плаксивыхъ.

Иногда къ этому крику примѣшивался скрипучій голосъ древней старушенціи, по имени Ефимовны. Она, неизвѣстно на какихъ условіяхъ жила на печкѣ, вся бѣлая, сгорбленная, и походила на привидѣніе.

Федоровъ выпилъ рюмку водки и закусилъ.

Слышно было, какъ Ефимовна кого-то успокаивала за перегородкой.

Не плачь, милое дитятко... Экой ты какой... все плачешь...

Кто-то безумно всхлипывалъ и нельзя было понять Петька или Федька; даже голоса у нихъ были одинаковые.

— Не плачь, мило дитятко! Мамаша вѣдь тебя не со зла, а лукавый ей пошепталъ въ лѣвое ушко.

— А какой онъ, Ефимовна, лукавый?—спросилъ неожиданно плакавшій.

Федоровъ усмѣхнулся.

— Какой? Всякіе, мило дитятко, бываютъ. Обнаковенно какіе... съ рожками... А бываютъ и просто такъ, безъ рожекъ, съ одними ушками. А то, мило дитятко, и совсѣмъ человѣчій обликъ принимаютъ... евстество, значитъ... Только по зраку и видно, что лукавый. Бываютъ, что и женскій обликъ принимаютъ... красоты неописанной, а зракъ нечистый... Ты не плачь, мило дитятко...

— Что за чепуха!—сказалъ вслухъ Федоровъ.

И вдругъ онъ совершенно ясно ощутилъ, что тамъ, за стѣною, свой особенный и прочный міръ. И тамъ нѣтъ мѣста сомнѣніямъ. Бездны заполнены.

Онъ всталъ и началъ долго ходить.

Отъ вчерашняго разговора остался странный, смутный осадокъ, точно батюшка коснулся чего-то дѣйствительно важнаго и нужнаго и вдругъ солгалъ, передернулъ на самомъ главномъ и интересномъ мѣстѣ.

Федоровъ наморщилъ лобъ, но мысли его больше не двигались. Онъ могъ только схватывать чужія мысли. Оттого онъ и не любилъ «всей этой философіи». Но батюшка умѣлъ его поймать.

«Спеціалистъ!—думалъ о немъ съ смутнымъ уваженіемъ Федоровъ:—«Со старовѣрами ѣздитъ спорить»...

— Струя... да... струя, конечно... неизвѣстно почему и зачѣмъ,—продолжалъ онъ упрямо и тупо размышлять:—и все неизвѣстно... И небо... да, небо... О небѣ онъ никогда не думалъ, что вотъ нѣтъ у него конца... Какъ-то глядѣлъ на небо и не видѣлъ его... и, вообще, ничего не видѣлъ...

Слышно было, какъ за перегородкой вошла хозяйка и заговорила. Голосъ у нея былъ лающій, точно у кликуши, и какъ бы сонный, весь смутный, и давящій, словно она слышала и видѣла не то, что прочіе. И почему-то вспомнилось, что къ ней вотъ ужъ скоро годъ «какъ ходитъ покойникъ»...

И Федоровъ вдругъ почувствовалъ, что онъ самъ темный, немного пьяный человѣкъ, растерявшій свои мысли и что онъ не можетъ жить безъ посторонней поддержки.

Инстинктивно ему захотѣлось постучать въ стѣну, къ сосѣду, учителю городского училища Калинину, который былъ дома, и слышно было, какъ возился у рукомойника.

— Эй, сосѣдушка!—крикнулъ онъ:—Есть папиросы?

— Есть,—сказалъ тонкій, бабій голосъ съ странно плачущей ноткой:—возьмите сами...

Федоровъ вошелъ въ комнату учителя.

— На комодѣ,—сказалъ учитель, отвернувъ отъ умывальника намыленное толстое лицо и поглядѣвъ звѣрски-вытаращенными глазами.

Федоровъ взялъ папиросу и закурилъ, но ему не хотѣлось уходить. Въ комнатѣ учителя казалось уютнѣе и теплѣе. Онъ потрогалъ струны гитары, висѣвшей надъ комодомъ.

Калининъ продолжалъ умываться, широко разставивъ ноги.

Федорову хотѣлось спросить учителя, что онъ думаетъ о струѣ.

— Вчера я говорилъ съ однимъ... философомъ,—началъ онъ насмѣшливо.

— Съ философомъ? Какъ это васъ угораздило?

Калининъ, видимо, искренно удивился и опять повернулъ лицо.

Федоровъ обыкновенно говорилъ о дѣвочкахъ, о картахъ, о клубѣ.

— Такъ, одинъ чудакъ,—уклонился Федоровъ отъ прямого отвѣта:—Вышелъ у насъ странный споръ... между прочимъ о струѣ...

— О струѣ?—переспросилъ Калининъ плачущимъ голосомъ и выпрямился, и нельзя было разобрать, удивляется онъ или смѣется надъ Федоровымъ.—Объяснитесь яснѣе.

Онъ взялъ полотенце и началъ вытирать широкое, прыщеватое лицо, со внимательностью разглядывая то полотенце, то говорившаго.

— Собственно, о струѣ вышло не прямо,—продолжалъ Федоровъ:—Затоворили мы о чудесахъ и о библіи... о неопалимой купинѣ...

— Вѣроятно, по лишней банкѣ поставили?—допытывался Калининъ плачущимъ голосомъ.

— Постойте... оставьте... Вотъ это лицо и говоритъ: вы не можете доказать, что купины не было, потому что вы ничего не можете доказать и объяснить, а, значитъ, вы должны все принять.

Федоровъ вопросительно-побѣдоносно посмотрѣлъ на учителя.

— Весь міръ есть какъ бы чудо, потому что намъ неизвѣстно, изъ чего и какъ онъ возникъ... Вотъ что говоритъ это лицо... Значитъ, все построено на вѣрѣ.

— Что вы врете?—сказалъ съ явнымъ раздраженіемъ Калининъ.

Ему не нравилось, что Федоровъ фирософствуетъ. Это было не его дѣло.

— Все-таки любопытная мысль.

— Послушайте, — сказалъ Калининъ, нѣсколько перегнувшись назадъ и значительно глядя на Федорова сверху внизъ:— Съ этими вопросами надо быть осторожнѣе... Я долженъ предупредить васъ...

Федоровъ обидчиво усмѣхнулся однимъ угломъ рта. Глаза его враждебно загорѣлись.

— Эти вопросы...—продолжалъ поучать Калининъ:—Фу! Фу!

Онъ внезапно повелъ носомъ.

— Опять постное масло... Должно быть, опять у нихъ блины... Уморитъ она меня постными блинами...

Калининъ подошелъ къ комоду и вынулъ завернутый въ тряпицу одеколонъ.

— Безъ васъ вчера насъ опять хозяйка напугала...

Держа пузырекъ съ одеколономъ въ лѣвой рукѣ, онъ смачивалъ имъ полотенце и растиралъ лицо, растягивая кожу и мѣшая себѣ говорить.

— Прибѣжали тутъ дѣти... въ однѣхъ рубашонкахъ... дрожатъ... говорятъ, что матери нѣтъ... ушла будто ночью... безо всего... И Ефимовна эта тутъ... «А что, спрашиваю, продолжаетъ лопотать?» Она, знаете... да, можетъ, сами слышали?—лопочетъ ночью... сядетъ на постели... глаза закрытые, и нивѣсть что несетъ... просто, жуть беретъ... Оказывается, всѣ ночи лопочетъ... и сама замаялась и другимъ покою не даетъ... все будто, понимаете, она съ покойникомъ... На кладбище онъ ее съ собой зоветъ... Уже совсѣмъ одѣлся, хотѣлъ итти ее разыскивать.... Отворяю дверь въ сѣни: не поддается... что-то мягкое, упругое, словно, знаете, женское тѣло... Глядимъ, понимаете... просто духъ захватило! Сама хозяйка... на четвереенькахъ, въ одной рубашкѣ вся... ну, словомъ, неудобно разсказывать...

Онъ окончилъ вполголоса.

— Чортъ знаетъ что!—сказалъ Федоровъ и почему-то покраснѣлъ, словно ему было непріятно, что учитель видѣлъ хозяйку голою. И опять вспомнилось ея болѣзненно-трогательное лицо.

Калининъ съ силою закупорилъ одеколонъ, преувеличенно работая локтями.

— Дѣла!—сказалъ онъ, многозначительно подмигнувъ, и положилъ одеколонъ на прежнее мѣсто.

— Ну-съ, такъ какъ же, господинъ философъ?.. Вы начали о струѣ... Можетъ быть, это былъ попросту «кубокъ съ струей винограда»?

Онъ опять подмигнулъ, на этотъ разъ весело, и было вдвойнѣ смѣшно отъ его плачущаго голоса, которымъ онъ это сказалъ. Своимъ плачущимъ голосомъ онъ умѣлъ неподражаемо разсказывать скабрезные анекдоты и непристойно ругаться.

Федоровъ сдѣлалъ усиленно серьезное лицо, нахмурилъ брови и присѣлъ на стулъ.

— Будетъ вамъ школьничать... Вопросъ, дѣйствительно, заслуживающій размышленія...

Ему непремѣнно хотѣлось услышать мнѣніе учителя.

— Отчего все таково, каково оно есть? Тутъ дѣло не въ одной струѣ... Во всемъ этомъ есть нѣкоторая, такъ сказать, таинственность... Отчего я такой и вы такіе? Мы только не думаемъ объ этомъ... А вѣдь это—чудо... и вся жизнь, въ нѣкоторомъ отношеніи, выходитъ, чудо...

— Это вамъ, навѣрное, сказалъ попъ, къ которому вы иногда ходите.

— Хотя бы и попъ...

— Пахнетъ... Издали слышу... Тоже постное масло. — говорилъ Калининъ, съ остервенѣніемъ застегивая пуговицы своего туалета.

Все, что онъ ни дѣлалъ, онъ дѣлалъ съ усиліемъ, точно его огромному и мясистому тѣлу некуда было дѣвать своей энергіи.

— Значитъ, оттого, что все въ мірѣ тайна, непремѣнно надо вѣрить, что земля стоитъ на трехъ китахъ?.. Значитъ, я обязанъ вѣрить всякому поповскому вздору?.. Самая поповская логика! Я вѣдь самъ изъ духовной семинаріи... за версту носомъ слышу.

Федоровъ раскрылъ изумленно глаза.

— Что вы на меня, голубчикъ, такъ смотрите? Я всѣ эти поповскіе подходы знаю...

Ему было пріятно видѣть, почтительное изумленіе акцизнаго.

«Вотъ въ чемъ солгалъ попъ... скрылъ!»—радостно подумалъ Федоровъ и потупился.

Только губы его улыбались. Мучительный узелъ развязывался такъ легко и просто.

Нѣсколько разъ онъ повторилъ въ умѣ разсужденіе учителя и на этотъ разъ усмѣхнулся уже презрительно. Чѣмъ ловятъ людей! Что значитъ логика...

И вдругъ ему стало безпредметно скучно и тоскливо, точно было жаль разбитыхъ иллюзій.

— Конечно, все это вздоръ!—сказалъ онъ, вставая.

И хотѣлось продолжать этотъ разговоръ, чтобы узнать или провѣрить еще что-то.

— Не хотите ли со мной вмѣстѣ закусить?—предложилъ онъ учителю:—У меня есть черносмородиновая... балычокъ...

Казалось, настроеніе Федорова задѣвало и Калинина. Точно они оба переступили за какую-то черту. Хотѣлось касаться какихъ-то особенныхъ струнъ души и говорить объ одномъ.

Они перешли въ комнату Федорова и начали закусывать.

— Завидую я вамъ, семинаристамъ... вообще, людямъ съ законченнымъ образованіемъ,—говорилъ Федоровъ:—у васъ есть устои... А вотъ, напримѣръ, въ моемъ положеніи...

— Устои, конечно, есть,—съ важностью соглашался Калининъ:—мой умъ получилъ философское развитіе. Подъ меня не такъ легко подкопаться... А, впрочемъ, чортъ съ нимъ..., все равно... Что мы знаемъ?

— Дайте мнѣ смыслъ жизни!—упрямо восклицалъ Федоровъ, хватая рукою въ воздухѣ.

— Чего захотѣли!

Калининъ какъ бы обижался.

— Сколько философовъ и пророковъ до васъ искали, а вдругъ вамъ подавай! Ха! Не жирно ли будетъ? Жили люди до насъ, и мы проживемъ... Кто мы съ вами? Сѣрые россійскіе обыватели... И вдругъ подавай намъ смыслъ жизни. Это звучитъ немного гордо.

Федоровъ понималъ, что «мы съ вами» означаетъ одного Федорова и людей, подобныхъ ему.

— А почему бы и не такъ?—спрашивалъ онъ желчно:—Философы и пророки искали и не нашли, а обывателю тоже нужно жить. Развѣ онъ не человѣкъ? Развѣ ему не доступны сомнѣнія?

— Обывателю полагается не совать своего носа въ неподлежащія сферы... А впрочемъ, чортъ съ нимъ... все равно... Философствуйте, вамъ же хуже будетъ!

Черезъ минуту онъ говорилъ:

— Обыватель счастливѣе: у него есть своя младенческая вѣра... Мнѣ самому хотѣлось бы временами такой вѣры... Все-таки въ ней есть что-то... какія-то поднимающія душу вершины.... Пусть фантазіи, миражи, легенды! Но почему жизнь непремѣнно должна быть плоской и ровной? Кто первый это солгалъ? Можетъ быть, истина какъ разъ въ другомъ направленіи... Конечно, трехъ китовъ можно откинуть, но въ окончательномъ итогѣ все-таки получится нѣчто возвышающее. Вы понимаете?

Калининъ, когда хмелѣлъ, говорилъ совершенно фистулою, и похоже было, будто причитаетъ баба.

IV.

Вечеромъ Федоровъ никуда не пошелъ и остался дома сдѣлать кой-какую канцелярскую работу.

Душа его была теперь свободна, и только тоскливо хотѣлось чего-нибудь чрезвычайнаго.

Воспоминаніе о батюшкѣ его раздражало.

«Змій—искуситель»,—подумалъ онъ:—«вотъ такіе и владѣютъ народомъ».

И Федоровъ мечталъ, какъ пойдетъ къ попу и крикнетъ ему:

— Что? Сорвалось?

Но въ то же время ему хотѣлось правды. Одной большой законченной правды. Нужды нѣтъ, что онъ младшій акцизный контролеръ. Разъ существуетъ онъ, должна существовать и правда, не какая-то тамъ отдаленная, которая откроется людямъ черезъ тысячу лѣтъ, а правда близкая, понятная ему.

Онъ напрягалъ умъ, но мысли дальше не двигались...

За стѣной тихій, скрипучій голосъ разсказывалъ съ перерывами.

— Не велика я подвижница: только безъ одного раза дюжину разовъ ходила на богомоліе и ни разу не сподобилась искушенія видомъ и слухомъ...

Говорила Ефимовна.

— Бережетъ Господь по слабости, а другіе видятъ и слышутъ: конное ржаніе, стоны, хохотъ адскій и видѣнія имѣютъ въ звѣриномъ и иномъ образѣ. То — иноки по пещерамъ и пустынямъ... А ко мнѣ, грѣшницѣ, больше духовно подступаетъ: башмаки увидишь на комъ крѣпкіе, позавидуешь—вотъ «ему» и барышъ съ меня! Скоромнаго чего въ постный день подсунетъ... А ты, мило дитятко, панафидку отслужи. Не даромъ у святыхъ отецъ говорится: когда виноградная лоза распущается, тогда и вино въ мѣхахъ бродитъ... когда зрѣетъ на деревѣ маслина, тогда и масло въ кувшинахъ поднимается. Мы туто-тка молимся, а душеньки ихъ тамъ имѣютъ облегченіе...

Тихій плачъ сливался съ шелестомъ старухиныхъ словъ.

— Не забуду... ахъ, не забуду никогда!—говорилъ точно во снѣ надтреснутый, безумно-восторженный голосъ.

— Отыди!.. Духъ лукавый и нечистый... и сына святаго духа... Аминь, аминь, аминь! Это лукавый къ тебѣ ходитъ, а не покойничекъ... Нѣшь бы онъ сталъ? Онъ святой былъ человѣкъ. Дура ты.. Шла бы замужъ... Такъ вѣдь все равно не проживешь...

Голоса замолчали.

— Въ монастырь я отъ васъ уйду. Вотъ что.

На нѣкоторое время наступило молчаніе.

— Разскажи, Ефимовна, что-нибудь о святой вѣрѣ,—сказалъ на этотъ разъ явственный хозяйкинъ голосъ.

Видно, грудь ея очистилась.

— Какъ жили въ старину Божьи подвижники...

— О комъ же, дитятко милое, разсказать тебѣ? О Тихонѣ ли Задонскомъ, о Митрофаніи ли угодникѣ, али, можетъ, объ Алексіи Божіемъ человѣкѣ?

Она спрашивала на-распѣвъ.

— Невозможно заниматься!—притворно возмущался про себя Федоровъ.

Разсказы о святыхъ волновали его своею скрытою, внутреннею сутью. Вѣдь и они были, эти люди, какъ Федоровъ. Но они что-то видѣли впереди... Все думали о главномъ... И неужели все, во что они вѣрили, былъ бредъ, смѣшной самообманъ?

И было жалко ихъ, потому что онъ, Федоровъ, уже не могъ вѣрить ихъ вѣрой. И хотѣлось крикнуть съ надрывомъ:

— Нѣтъ, не вздоръ, не обманъ! Все это есть!

И самому вдругъ повѣрить... нарочно, отъ жалости и обиды... крѣпко и упрямо...

А за стѣной уже развертывался знакомый разсказъ о житіи великомученика Георгія. И вѣрилось, что былъ Георгій. Былъ и вѣрилъ во что-то огромное и важное, и потому не страшился смерти. И тотъ, кто сочинилъ разсказъ, вѣрилъ въ то же самое и потому рисовалъ мученика побѣдителемъ: разверзались небеса и оттуда вмѣстѣ съ мученическимъ вѣнцомъ нисходили ангельскіе хоры. Но это была пустая прикраса разсказчика. На самомъ дѣлѣ, конечно, небеса безмолствовали и человѣкъ молча переносилъ неслыханныя муки... Были и крючья и гвозди... И все смотрѣлъ впередъ... въ безконечность... Думалъ о безднахъ, и не боялся... Вѣдь онъ былъ, непремѣнно былъ этотъ человѣкъ... и кровь его лежитъ на всѣхъ... И вдругъ пришелъ онъ, Федоровъ, и говоритъ, что ничего этого не надо... есть будто бы самыя обыкновенныя вещи... есть служба, канцелярія, столы, стулья, дома... Вздоръ! Не то!

И опять Федоровъ почувствовалъ прежнюю ненависть къ священнику, точно это онъ былъ во всемъ виноватъ, и не въ томъ, что открылъ ему глаза, а въ томъ, что своротилъ въ сторону на полдорогѣ, солгалъ, притворился...

Слышно было, какъ за стѣной Калининъ снялъ со стѣны гитару.

Федоровъ принялся ходить изъ угла въ уголъ. Хотѣлось куда-то пойти, что-то сдѣлать, большое, чрезвычайное... Точно сердце росло въ груди. Вспоминалась хозяйка и ея болѣзненное, симпатичное лицо. О хозяйкѣ всегда вспоминалось послѣднее время,

торопливо и радостно, точно неизбѣжное прибавленіе ко всему. Она тамъ, за перегородкой,—ну, значитъ, хорошо. А почему хорошо? Это неизвѣстно?

Но сейчасъ нужно было еще чего-то. Или это просто весна? А, можетъ быть, музыка?

Изъ помѣщенія учителя доходили меланхолическіе аккорды, взятые смѣлою, увѣренною рукою. И Федорову казалось, что учитель тоже безпредметно волнуется.

Вдругъ музыка замолкла. Гитара со звономъ водворилась на свое мѣсто.

Вошелъ Калининъ.

— Воздуху мнѣ!—крикнулъ онъ пискливо.

И Федоровъ понялъ, что ему тоже надо сейчасъ уйти.

— Идемъ!—воскликнулъ онъ радостно.

Они торопливо, точно дѣти, одѣлись и вышли. По улицѣ шли возбужденно. Движенія ихъ были широки, размашисты. Хотѣлось что-то сказать, особенное и значительное.

Земля уже давно обсохла, но было пронизывающе знобко.

— Говорятъ, когда дубу распускаться, всегда бываютъ холода, — замѣтилъ Федоровъ.

— Дубу?—насмѣшливо переспросилъ Калининъ.

Очевидно, имъ овладѣло прежнее отрицательное настроеніе, и Федорову казалось, что учитель отъ души презираетъ его за умственную отсталость. И душа Калинина рисовалась ему большой, молодой и свѣтлой. А самъ онъ шелъ рядомъ съ нимъ покорный, старый и темный. И ему хотѣлось, чтобы учитель говорилъ. И Калининъ, казалось, это понималъ.

Они, точно по уговору, свернули за городъ и, перейдя деревянный мостъ, направились по дорогѣ, рѣдко обсаженной убогими березками.

Небо было свѣтлое, бѣлое, съ чуть замѣтными рѣдкими звѣздочками.

— Такъ не сгораетъ?—опять насмѣшливо передразнилъ Калининъ.—Я говорю про купину...

Федоровъ терпѣливо молчалъ.

— Впрочемъ, чортъ съ нимъ...

Калининъ внезапно впалъ въ серьезный тонъ.

— Вы, Николай Федоровичъ, мало учились и плохо знаете всемірную исторію,—началъ онъ раздраженнымъ голосомъ, точно Федоровъ чѣмъ-то задѣлъ его за живое.—Коли на это пошло, все человѣчество вѣрило въ легенды. Это ужъ такъ устроено, не отъ насъ. Въ этомъ проклятье или счастье каждаго вѣка (это какъ будетъ вамъ угодно), что онъ приходитъ съ своей легендой и никогда съ истиной. А мы не хотимъ подчиниться этому закону.

Федоровъ не возражалъ, но ему было странно и вмѣстѣ пріятно, что учитель страдаетъ тѣми же мыслями.

— Но это вздоръ! — продолжалъ упрямо Калининъ, точно сердился на что-то:—Легенда будетъ намъ дана. Слышите? Это я вамъ говорю.

Онъ остановился у края дороги, широко разставивши ноги и плавно раскачиваясь взадъ и впередъ. Глаза его проницательно сосредоточивались на Федоровѣ.

— И знаете, какая это будетъ легенда?

Онъ широко оглянулся вокругъ и показалъ рукою.

— Это будетъ легенда о землѣ, о воздухѣ, о небѣ, о лѣсахъ и водахъ... Я это чувствую въ своемъ сердцѣ... Она уже носится въ воздухѣ... Еще немного, и въ чьей-нибудь груди она заговоритъ бурнымъ ключомъ вдохновенія... Я это предвижу...

Онъ снялъ шапку, обнаживъ круглую большую голову съ рѣдкими, бѣлобрысыми волосиками.

— И мы выйдемъ изъ душныхъ городовъ на просторъ земли, чтобы увидѣть эту землю и быть, наконецъ, счастливыми... Вѣдь высшая мудрость, вы знаете, заключается въ счастіи и только въ счастіи... Это я вамъ говорю... А не въ томъ, чтобы докопаться до корня вещей... И тотъ, кто принесетъ эту легенду о землѣ, будетъ новый великій пророкъ... Но какая это будетъ легенда? Вотъ этого я не знаю...

Онъ мечтательно закрылъ глаза рукою и нѣсколько мгновеній помолчалъ.

Федоровъ стоялъ въ отдаленіи, весь погруженный въ созерцаніе и слухъ.

Калининъ, опустилъ руку и осмотрѣлся.

— Смотрите, какая березка!—сказалъ онъ неожиданно.

Федоровъ взглянулъ, и березка ему тоже какъ-то странно понравилась по-весеннему.

Она стояла передъ ними чистенькая, бѣлоствольная, точно вымытая, и не похоже было, что она выросла при дорогѣ.

Калининъ ласково потрогалъ ея молодые, еле раскрывшіеся листочки.

— Каждый годъ эти листочки обновляются,—говорилъ онъ проникновенно:—Вотъ она гдѣ неопалимая-то купина, изъ которой непремѣнно раздастся голосъ.... Просмотрѣли... да... Прижаться къ ней грудью, вдохнуть отъ нея жизненной бодрости... позанять пониманія жизни... Вишь, она какъ твердо стоитъ. И ужъ она не выдастъ.... Шалишь!

Онъ злобно чему-то усмѣхнулся, оскаливъ желтые клыки.

— Постойте еще минутку... Мы потомъ съ вами далеко уйдемъ... Это немного фантастично и отдаетъ Карамзинымъ, но мнѣ хочется прижать ее, голубушку... эту вотъ купину бѣлоствольную, къ моему сердцу... И вотъ почему-то не смѣю: глупымъ кажется... А просто итти по дорогѣ и зѣвать на лѣса и звѣзды это не глупо... Кто-то испортилъ мою душу... внушилъ мнѣ, что все это вздоръ, что будто я сѣрый, такъ называемый обыкновенный человѣкъ...И я повѣрилъ... и всѣ мы повѣрили... Вотъ въ чемъ наша трагедія!.. И она зовется въ наши дни трезвымъ взглядомъ... Кто-то потихоньку обокралъ святая-святыхъ моей души...

Онъ съ злобою осмотрѣлъ на березку.

— И вѣдь вотъ... чего и кого конфузиться? А не смѣю. Ничего не смѣю... Впрочемъ, чортъ съ нимъ... все равно...

Онъ колеблющимся шагомъ подошелъ къ дереву и угрюмо обнялъ его да такъ и застылъ, точно стоило только прикоснуться къ чему-то, переступить странную черту, и все дѣлалось хорошо и понятно.

Федоровъ прислушался, вытянувъ шею.

Калининъ тихо, точно ребенокъ, всхлипывалъ.

ПРЕДСМЕРТНЫЯ МЫСЛИ ГУЛЯЕВА.

I.

Началъ думать Гуляевъ «всерьезъ» только тогда, когда его земное поприще окончилось, то-есть онъ заболѣлъ неизлѣчимою болѣзнью, вышелъ въ отставку и пересталъ ходить на службу.

Онъ любилъ думать и раньше, даже писалъ разсужденія и стастьи и кое-что напечаталъ въ газетахъ при посредствѣ одного знакомаго сотрудника. Но тогда онъ стремился не только мыслить, сколько закруглять свои мысли. Заботился о томъ, что «скажутъ» о тѣхъ, или другихъ его разсужденіяхъ или словахъ, будетъ ли это соотвѣтствовать «занимаемому положенію», и не будетъ ли противорѣчить тому, что онъ говорилъ раньше или говоритъ всегда.

И оттого всѣ его прежнія мысли были одною сплошною фальшью, приглаженною сверху политурою разныхъ гладкихъ и внутренно безсодержательныхъ словъ. Происходило же это оттого, что онъ долженъ былъ жить и дѣйствовать. А когда человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ, онъ не долженъ противорѣчить себѣ. Жизнь и люди требуютъ отъ него, чтобы онъ постоянно согласовался самъ съ собою: чтобы сегодня думалъ или, по крайней мѣрѣ, утверждалъ то же, что вчера и, сообразно съ этимъ, поступалъ.

Но теперь съ Гуляева спало больше половины его прежнихъ обязанностей, и оттого онъ почувствовалъ, что его мысль освободилась. Освобожденная, она тѣмъ не менѣе продолжала двигаться все впередъ и впередъ.

Теперь онъ понималъ, почему раньше имъ овладѣвала безпредметная тоска. Тоска (это онъ теперь хорошо видѣлъ) есть обманутая мысль. Мысль же всегда хочетъ докопаться до своего корня, до послѣдняго основанія. Но жизнь требуетъ быстрыхъ и опредѣленныхъ отвѣтовъ. И оттого между жизнью и мыслью происходитъ вѣчный конфликтъ. А въ результатѣ—тоска.

Это такъ ясно.

И оттого же теперь Гуляевъ больше не испытывалъ никакой тоски. Онъ испытывалъ только раздраженіе.

Обычная домашняя обстановка развлекала и стѣсняла его, и оттого онъ думалъ больше по ночамъ.

— Хорошо,—говорилъ онъ самъ себѣ обрадованно каждый разъ, пробуждаясь среди ночи отъ короткаго забытья, и продолжалъ разсуждать самъ съ собою совершенно такъ, какъ-будто предсѣдательствовалъ въ какомъ-нибудь собраніи:—Въ прошлый разъ мы остановились на...

И пожевавъ пересмякшими губами и выпроставъ изъ-подъ одѣяла исхудавшія руки въ теплой фуфайкѣ, онъ начиналъ думать.

Прежде онъ пытался «для порядка» записывать свои мысли. Попробовалъ дѣлать это и сейчасъ. Однажды зажегъ свѣчу и, преодолѣвая жуткій страхъ передъ ночнымъ освѣщеніемъ, взялъ листъ бумаги и четко написалъ на немъ нѣсколько пунктовъ:

— Богъ. Міръ. Человѣческое общество. Индивидуумъ. Основная точка зрѣнія современной соціологіи.

Руки его дрожали и виски пульсировали. Онъ понималъ, что отъ рѣшенія всѣхъ этихъ вопросовъ зависѣло самое важное въ немъ—спокойствіе его мысли. Пока она была спокойна, потому что двигалась не стѣсняясь. Она шла направо, налѣво, строила и сейчасъ же отвергала.

Но мысль должна найти свой опредѣленный исходъ. Иначе она падетъ подъ собственнымъ бременемъ.

Для этого она должна быть прежде всего честной. Тому, кто, какъ онъ, сидитъ и мыслитъ съ перомъ въ рукахъ среди ночи и всеобщаго сна и почти наканунѣ вѣчной ночи, не остается ничего другого, какъ мыслить мужественно и честно.

И, подчеркнувъ слово «Богъ», Гуляевъ задумался.

Онъ не хотѣлъ оскорбить безсмысленнымъ, простымъ отрицаніемъ той высшей силы, которая по убѣжденію людей его вѣка, царитъ надо всѣмъ въ мірѣ, не могъ и принять сейчасъ этого слова только потому, что оно принимается всѣми. Всѣ свои слова онъ долженъ былъ построить теперь самъ изъ себя, изъ внутренней необходимости своей проснувшейся мысли.

И, поднявъ къ потолку темные, съ желтыми бѣлками, лихорадочно бѣгающіе глаза, онъ сказалъ:

— Прости...

И зачеркнулъ на листѣ слово «Богъ».

— Міръ?

И мысленно онъ попытался представить себѣ вселенную до самыхъ отдаленныхъ звѣздъ и дальше, и увидѣлъ въ первый разъ, что этого сдѣлать нельзя. И потому, когда онъ раньше говорилъ: міръ, то онъ не представлялъ ничего, ибо на самомъ дѣлѣ слово «міръ» означаетъ невозможность представить что-нибудь опредѣленно и ясно и, слѣдовательно, не означаетъ ничего.

И почему Богъ противополагается міру, а міръ Богу? А, можетъ быть, на самомъ дѣлѣ, нѣтъ ни Бога, ни міра, а есть что-нибудь третье? И что значитъ слово «есть»? Что значитъ, что онъ, Гуляевъ, какъ-то «есть», и то или другое, вообще, «есть»?

И, подумавъ, онъ зачеркнулъ все написанное, задулъ свѣчу и рѣшилъ больше ничего не писать, а просто отдаться на волю мыслей.

Подъ утро онъ засыпалъ, продолжая напряженно думать и во снѣ; иногда ему снилось, что онъ нашелъ рѣшеніе, и тогда онъ старался запомнить и заучить его во снѣ наизусть. Но, проснувшись, или ничего не понималъ, или вспоминалъ какой-нибудь бредъ.

Днемъ онъ не любилъ теперь, чтобы его безпокоили. Онъ сознавалъ, что силы уходятъ и надо торопиться.

Но жизнь въ домѣ шла своимъ заведеннымъ порядкомъ, и никто не хотѣлъ считаться съ тѣмъ, что онъ умираетъ, и что въ немъ страдаетъ самое главное—его неудовлетворенная мысль и что ему нужны покой и одиночество.

II.

И постепенно въ немъ созрѣвало рѣшеніе оставить домъ.

Сначала онъ хотѣлъ отправиться въ монастырь на Аѳонъ и тамъ гдѣ-нибудь въ уединенномъ скиту окончить жизнь наединѣ съ самимъ собою и своими мыслями. Но Аѳонъ былъ слишкомъ далеко, и онъ чувствовалъ, что ему теперь уже туда не доѣхать.

Лечь въ какую-нибудь частную лѣчебницу было бы оскорбительно для домашнихъ. Всю свою жизнь онъ положилъ на нихъ, и потому они думали, что онъ принадлежитъ имъ всецѣло.

Онъ лежалъ въ свѣтлой и большой комнатѣ, въ которой все было устроено какъ можно удобнѣе для него. Но и эти удобства и самый видъ изъ окна на подстриженные аккуратно кусты и деревья и посыпанныя тщательно гравіемъ дорожки, и даже самыя лица домашнихъ, которые, какъ ему казалось, наружно старались выказывать свою заботу о немъ, а внутри, онъ зналъ, тяготились его сложною, затяжною и непріятною болѣзнью,—все это вмѣстѣ взятое вызывало у него болѣзненное чувство отвращенія.

Когда однажды ему понадобился эмалированный тазикъ, куда его обычно тошнило, и онъ попросилъ дочь Варю, которая сидѣла у окна, подать ему, она сказала:

— Съ удовольствіемъ.

Но подала тазикъ съ брезгливыми предосторожностями. И ему сдѣлалось непріятно отъ этихъ ея лицемѣрныхъ словъ. Онъ замѣтилъ ей:

— Ну, какое тамъ удовольствіе.

Она удивленно подняла на него глаза, потомъ перевела ихъ въ окно и вздохнула. И то, что она вздохнула, означало, что она не осуждаетъ его за это замѣчаніе, потому что считаетъ его тяжело больнымъ.

Гуляевъ попросилъ ее выйти изъ комнаты и, пока его тошнило, все время продолжалъ раздражаться на дочь, а когда кончило тошнить, немного успокоился и заставилъ себя подумать, что это у него отъ болѣзни.

И его огорчало, что онъ постепенно какъ бы утратилъ чувство любви и симпатіи къ окружающимъ и близкимъ къ нему людямъ. Когда, напримѣръ, подали телеграмму отъ зятя, въ которой тотъ извѣщалъ, что его жена, старшая дочь Гуляева, заболѣла тифомъ, онъ не почувствовалъ ни огорченія, ни даже простого безпокойства, а только одно сухое раздраженіе. Чтобы скрыть свое состояніе, котораго онъ стыдился и которое старательно скрывалъ ото всѣхъ, онъ нарочно сказалъ вслухъ:

— Вѣдь я ей говорилъ, чтобы она остерегалась пить сырую воду.

Въ такія мгновенія ему иногда думалось, что онъ просто засидѣлся дома, и, что если бы онъ даже куда-нибудь на время проѣхался, то это непріятное состояніе само собою прекратилось бы. Но поѣхать было некуда, да и невозможно.

Въ то послѣднее утро своей жизни Гуляевъ твердо и упорно рѣшилъ, наконецъ, просто выйти на улицу и пройтись. Поговаривалъ онъ объ этомъ и раньше, но теперь вдругъ ухватился за эту мысль.

Ему хотѣлось пройтись совершенно одному, увидѣть вокругъ себя незнакомыя лица и новую обстановку и итти долго и куда-нибудь далеко. Онъ даже не представлялъ себѣ ясно, куда пойдетъ и что сдѣлаетъ.

«Зайду къ брату»,—говорилъ онъ себѣ нарочно.

Но это былъ маленькій обманъ, потому что внутренно онъ сознавалъ, что, выйдя изъ дому, онъ больше уже не вернется туда обратно.

И съ самаго утра онъ началъ готовиться къ выходу.

Прежде всего онъ почувствовалъ странную и совершенно особенную серьезность. Ему казалось, что его мысли, обычно возбужденныя, расположились теперь правильными, стройными рядами, точно въ ожиданіи какого-то важнаго и послѣдняго рѣшенія.

Потомъ онъ перемѣнилъ бѣлье и туфель надѣвать не сталъ, а потребовалъ свои штиблеты.

Такъ какъ былъ праздничный день, то передъ завтракомъ въ обычное время доложили о приходѣ Ивана Кузьмича; и хотя посѣщенія Ивана Кузьмича были ему, вообще, непріятны вслѣдствіе нѣкоторыхъ воспоминаній, но на этотъ разъ онъ почти обрадовался его приходу. И, вообще, всѣ стали ему казаться милыми, хорошими и добрыми.

Ивана Кузьмича онъ опредѣлилъ когда-то на службу, пользуясь своимъ вліяніемъ, помимо другихъ кандидатовъ, имѣвшихъ на это болѣе безспорныя права и, главное, болѣе нуждавшихся, чѣмъ Иванъ Кузьмичъ. Отъ этого въ душѣ навсегда осталось впечатлѣніе сдѣланной гадости, и Иванъ Кузьмичъ своимъ приходомъ каждый разъ ему объ этомъ напоминалъ. Но онъ дѣлалъ это изъ благодарности, такъ какъ понималъ, что Гуляевъ поступился для него требованіями совѣсти, и хотѣлъ вознаградить его за это разговоромъ и посѣщеніями во время его болѣзни.

Но сейчасъ Гуляеву, хотя смутно, но почему-то увѣренно думалось, что онъ увидитъ Ивана Кузьмича въ послѣдній разъ, и оттого въ его приходѣ не было ничего непріятнаго, а скорѣе было пріятное.

Вошелъ Иванъ Кузьмичъ, какъ всегда чисто и даже щеголевато одѣтый, съ тщательно расчесаннымъ косымъ проборомъ волосъ, молчаливый и серьезный, и хотя безнадежно—недалекій и скучный, но сегодня показавшійся милымъ. Что же дѣлать? Таковы были почти всѣ знакомые Гуляева. Съ кѣмъ ему было интересно познакомиться, съ тѣми не удалось. И потому всѣ люди, которые приходили къ нему и наполняли его домъ, были совершенно случайны и внутренно неинтересны, да и онъ, вѣроятно, неинтересенъ имъ.

Но сейчасъ онъ странно испытывалъ ко всѣмъ имъ симпатію и даже немного жалѣлъ, что, можетъ быть, не придется ихъ больше повидать.

— Простите, дорогой, что я не встану вамъ на встрѣчу,—сказалъ онъ Ивану Кузьмичу, поправивъ на ногахъ пледъ и протянувъ ему руку:—Лежу и нагуливаю силъ для прогулки.

Онъ показалъ ему на кресло, и кресло, по своей всегдашней привычкѣ, придвинулъ къ себѣ поближе. Иванъ Кузьмичъ сѣлъ и придалъ лицу такое выраженіе, какъ-будто только что выслушалъ со стороны Гуляева милую и забавную шутку.

Но это не разсердило Гуляева.

— Не вѣрите?—сказалъ онъ:—А вотъ увидите.

И въ первый разъ за долгое время онъ улыбнулся.

И онъ началъ подробно развивать планъ своей прогулки и разспрашивать Ивана Кузьмича о погодѣ.

Иванъ Кузьмичъ не спорилъ, но въ его лицѣ было написано явное неодобреніе. Ему не нравилось, что Гуляевъ тормошился и что-то затѣвалъ. Это капризы и больше ничего.. Пусть себѣ лежитъ и спокойно умираетъ, не причиняя безпокойства другимъ людямъ.

Гуляевъ почувствовалъ раздраженіе противъ Ивана Кузьмича, и ему показалось, что Иванъ Кузьмичъ ждетъ не дождется, когда онъ умретъ, чтобы перестать къ нему ходить его навѣщать. И когда, наконецъ, его похоронятъ и навалятъ на него камень, Иванъ Кузьмичъ вздохнетъ свободно и подумаетъ, что теперь онъ, Гуляевъ, окончательно исполнилъ свое земное назначеніе.

Но онъ сдержался и, болѣзненно поморщившись, перемѣнилъ разговоръ и спросилъ Ивана Кузьмича, какъ поживаетъ его жена. Потомъ предложилъ ему два другихъ обычныхъ вопроса: какъ себя чувствуетъ его свояченица, которая служитъ въ аптекѣ, и что пишетъ изъ-за границы братъ?

На этомъ послѣднемъ вопросѣ ихъ разговоръ обычно кончался, и они молча дожидались завтрака. Такъ же случилось и сегодня.

Иванъ Кузьмичъ курилъ, почему-то далеко отставляя папиросу, чтобы сдуть съ нея пепелъ (вѣроятно, оттого, что у него были сильныя легкія), а Гуляевъ полулежалъ на подушкахъ, безсильно закрывъ глаза.

Въ это время вошелъ сынъ Гуляева Лодя.

Съ Лодей предстоялъ длинный и непріятный разговоръ по поводу отобранной у него въ классѣ инспекторомъ запрещенной брошюры.

Лодя былъ, по обыкновенію, въ модной манишкѣ съ длиннымъ висячимъ цвѣтнымъ галстухомъ и въ желтыхъ ботинкахъ отъ «Берже», и все это жалко и глупо не вязалось съ тѣми крайними отрицательными воззрѣніями, которыя онъ высказывалъ. Мальчикъ переживалъ тревожный періодъ исканія, и съ нимъ давно и серьезно слѣдовало поговорить. Но раньше было трудно и скучно, а сейчасъ онъ не зналъ, что ему сказать. Но сказать что-нибудь было нужно. Онъ долженъ былъ продолжать исполнять свои обязанности и для того что-нибудь дѣлать и говорить.

Онъ надѣлъ дрожащею рукою песнэ. Это онъ дѣлалъ всегда, когда собирался вести серьезный разговоръ.

Лодя, войдя, поцѣловалъ его въ щеку и отошелъ къ окну. Это было почему-то то самое мѣсто, куда отходили всѣ его дѣти, когда бывали у него въ комнатѣ. Тамъ онъ присѣлъ на подоконникъ и съ надменно-вызывающимъ видомъ сталъ смотрѣть въ окно.

И Гуляевъ опять почувствоовалъ жалость къ нему и потребность сказать что-то хорошее и ласксвое. Но ничего такого не было, а главнаго онъ сказать не могъ.

И потому, попросивъ Ивана Кузьмича пройти въ столовую къ женѣ, онъ просто началъ съ того, съ чего начиналъ всегда.

— Меня огорчаетъ, Лодя, что у тебя опять стряслась исторія, притомъ на той же самой непріятной почвѣ...

Такъ какъ онъ остановился и, видимо, затруднялся продолжать, то Лодя, слегка наклонилъ на бокъ голову, съ тѣмъ развязнымъ и наставительнымъ видомъ, съ которымъ всегда позволялъ себѣ говорить со старшими, сказалъ, хотя негромко, но рѣзко отчеканивая каждое слово:

— Знаешь, папа, намъ трудно съ тобой говорить. Обрати вниманіе, что ты обыкновенно начинаешь всѣ твои... не знаю, какъ ихъ назвать... нотаціи что ли... одними и тѣми же словами: «меня огорчаетъ» и «мнѣ непріятно». Вѣдь посуди, папа, самъ: Карлъ Марксъ тебя огорчаетъ, ученіе синдикалистовъ-анархистовъ тебѣ непріятно. Ты все мѣришь на твой личный вкусъ. нравится ли тебѣ или нѣтъ, удобно ли для тебя, что твой сынъ разсуждаетъ такъ-то, или неудобно. Я готовъ съ тобою говорить, но для этого ты долженъ привесть какія-либо возраженія, познакомить меня съ твой-

ми соціальными взглядами: тогда между нами возможенъ будетъ какой-нибудь разговоръ.

Мальчикъ явно иронизировалъ надъ нимъ, но Гуляевъ не испытывалъ ни злобы, ни раздраженія. Ему скорѣе хотѣлось плакать. Да, конечно, въ области истины нельзя оперировать словами: «нравится» или «не нравится», «удобно» или «неудобно». Но вѣдь онъ, Гуляевъ, никогда раньше не думалъ для самого себя. Онъ думалъ для того, чтобы все было гладко и для всѣхъ вокругъ него было хорошо и удобно. И это онъ старался дѣлать потому, что всѣхъ ихъ любилъ. И сейчасъ онъ уже не могъ любить и потому думалъ для себя. Тогда онъ искалъ истину общую, нужную и полезную для всѣхъ и если говорилъ: «меня раздражаетъ или мнѣ непріятенъ тотъ или другой взглядъ», то это было не потому, что этотъ взглядъ былъ неудобенъ лично ему, но только потому, что онъ считалъ его безполезнымъ устроить жизнь хорошо и удобно. А сейчасъ его интересовала только своя собственная истина, нужная прежде всего ему самому.

Но Лодя не могъ ничего этого понять, а объяснить ему этого онъ тоже не могъ. Поэтому онъ сказалъ, стараясь удержаться отъ слезъ:

Въ другое бы время я охотно поспорилъ съ тобою, но теперь, ты видишь, я боленъ, и мнѣ это... немного трудно.

— Ахъ, папа,—сказалъ мальчикъ, — во-первыхъ, ты боленъ давно, а, во-вторыхъ, ты и здоровый разсуждалъ такъ же. И, наконецъ, я хочу только сказать, что тотъ деспотизмъ мысли, который... Впрочемъ, нѣтъ, не надо... Правда, ты боленъ, и мы лучше поговоримъ, когда ты выздоровѣешь. Не правда ли, папа?

Гуляевъ сидѣлъ неподвижно, закрывъ глаза и чувствуя, какъ изъ подъ вѣкъ выступаютъ слезы.

— Папа,—сказалъ тревожно Лодя и слѣзъ съ подоконника:— Пожалуйста, прости меня.

Онъ подошелъ къ Гуляеву, сѣлъ рядомъ съ нимъ на диванъ и ласково обнялъ его за талію:

— Я дурно поступилъ, папа, что такъ говорилъ съ тобой,— сказалъ онъ прежнимъ спокойнымъ и дѣловитымъ тономъ, опять отчеканивая слова:—Даже вполнѣ возможно, что я и неправъ. Ты

жилъ больше меня. Ты много читалъ и думалъ. Но ты, папа, взгляни на мою выходку хладнокровно. Мы, молодежь, не довѣряемъ нашимъ отцамъ. Намъ все кажется, что вы искали и думали плохо, что вы могли бы... Ну, да что толковать...

Онъ былъ маленькій эгоистъ и оттого находилъ, что отецъ въ свое время мало постарался для него.

Гуляевъ хотѣлъ слегка отстранить его рукою, но побоялся обидѣть и только, нашаривъ свободною рукою платокъ, вытеръ имъ слезы.

— Ну, милый папочка, прости меня, — сказалъ умоляюще Лодя.

Онъ взялъ его дрожащую и худую руку и поцѣловалъ.

— Если бы я только зналъ, что мои слова могутъ тебя такъ разстроить...

Но гуляевъ уже рыдалъ, болѣзненно втягивая животъ и глухо всхлипывая. Онъ плакалъ, впрочемъ, не столько отъ огорченія, сколько отъ радостнаго сознанія, что теперь окончательно свободенъ отъ своего прошлаго.

И ему было только жаль, что онъ не можетъ ничего сказать Лодѣ.

Мальчикъ лежалъ у него кудрявой головкой на колѣняхъ. Когда-то онъ любилъ эти завивки его волосъ на затылкѣ и даже сейчасъ испытывалъ знакомое тепло и смутную радость отъ прикосновенія къ его волосамъ, но все это было уже чѣмъ-то далекимъ, немного утомительнымъ и ненужнымъ, точно это даже не его, а чья-то чужая рука прикасалась къ его волосамъ.

И, тронувъ его за плечо, онъ сказалъ:

— Ну, хорошо, встань... поди...

Мальчикъ поднялся и жалобно посмотрѣлъ ему въ глаза заплаканными глазами, въ которыхъ были тоска и испугъ.

— Папа, ради Бога... Я понимаю,—сказалъ онъ.

И Гуляеву показалось, что мальчикъ смутнымъ инстинкомъ что-то угадалъ.

— Я подлецъ!—добавилъ онъ неожиданно и держась одною рукой за лобъ, рѣшительнымъ шагомъ вышелъ изъ комнаты.

III.

Когда Гуляевъ немного успокоился и сидѣлъ уже, вытирая глаза сырымъ платочкомъ, сложеннымъ въ комокъ, вошла жена.

Чтобы скрыть отъ нея, что плакалъ, Гуляевъ взялъ со стола газету и притворился читающимъ. Но жена была чѣмъ-то взволнована и не замѣчала его состоянія. По выраженію ея лица ему показалось, что она сердится за что-то на него.

— Арефій, пойдемъ завтракать,—сказала она обыкновеннымъ голосомъ, какъ всегда въ тѣхъ случаяхъ, когда предстоялъ тяжелый разговоръ, и потомъ продолжала уже совсѣмъ другимъ:— Сейчасъ Иванъ Кузьмичъ говорилъ, что ты непремѣнно хочешь сегодня выйти, значитъ, я такъ и буду думать, что ты нисколько не жалѣешь меня.

Худая, высокая, въ знакомой черной атласной кофточкѣ, она удивительно напоминала ему сейчасъ ту прежнюю, которую онъ зналъ двадцать лѣтъ назадъ. Только отъ угловъ рта и возлѣ глазъ по щекамъ протянулись морщинки и плечи стали какъ-будто костлявѣе. И Гуляеву было странно, что именно эту женщину онъ могъ почему-то столько лѣтъ любить.

Сейчасъ надо было сказать ей что-нибудь ласковое и примирительное, какъ онъ дѣлалъ это всегда, стараясь укротить ея вспыльчивый характеръ. Но было трудно и не хотѣлось, хотя и было ее жаль, какъ и всѣхъ остальныхъ.

Она присѣла на тотъ же подоконникъ, на которомъ раньше сидѣли Лодя и Варя. Всѣ до одного они хотѣли загородить отъ него свѣтъ, воздухъ и свободу.

— Тебѣ не трудно сойти съ окна?—попросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ, изо всѣхъ силъ стараясь сдержать раздраженіе:— Вотъ садись ко мнѣ на диванъ.

— Развѣ это тебѣ мѣшаетъ?—непріязненно удивилась она:— Ты бы сдерживалъ себя, Арефій... право...

Она передернула худыми плечами, точно отъ озноба и крѣпко сжавъ пальцы, такъ что они хрустнули, отошла отъ окна...

Гуляевъ зналъ, что она устала отъ его болѣзни и уже не могла сдерживать своихъ нервовъ.

— Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь,—продолжала она:—Только знай, что твоя жизнь, Арефій, принадлежитъ не только тебѣ, но и мнѣ. Всѣ свои лучшіе годы я отдала тебѣ.

Она неожиданно вытерла слезы кончикомъ платочка, и онъ подумалъ, что она плачетъ не оттого, что онъ скоро умретъ, а оттого, что она была съ нимъ несчастна.

— Припомни,—продолжала она: — упрекнула ли я тебя за всю нашу жизнь хоть разъ въ чемъ-нибудь. А развѣ, ты думаешь, жизнь не могла мнѣ представить достаточно поводовъ для этого? Но что вспоминать старое. Я желала бы только, чтобы ты сейчасъ хоть крошечку помнилъ все-таки обо мнѣ.

— Почему ты говоришь обо всемъ этомъ? — спросилъ онъ устало:—Неужели это такъ важно, что я хочу немного пройтись?

Но она оставила его вопросъ безъ отвѣта. Помолчавъ немного, она вдругъ рѣшительнымъ движеніемъ опустила руки на спинку кресла, прислонившись къ которому стояла, и сказала:

— Потому что я страшно одинока.

Онъ видѣлъ, какъ она проглотила слезы.

— Вѣдь ты не думаешь объ этомъ. Я страшно одинока. Понимаешь ли ты это? Я знаю, что ты не понимаешь. Ты разсуждаешь такъ: чего ей надо? У нея есть семья, положеніе. Все остальное капризы. А между тѣмъ въ собственномъ домѣ, въ собственной семьѣ я страшно и безнадежно одинока. Ты вѣчно былъ съ твоими мыслями и дѣлами и сейчасъ лежишь затворившись, тяготишься всѣмъ, Я эти дни думала о своей жизни, и мнѣ пришло въ голову: что если бы двадцать лѣтъ назадъ кто-нибудь сказалъ намъ обоимъ, Арефій, что мы будемъ такъ кончать нашу жизнь?

Онъ слушалъ ее, испытывая на тѣлѣ мелкую нервную дрожь. Было мучительно жаль ея, потому что все это было, конечно, правда. Онъ не сумѣлъ сдѣлать ее счастливой хотя и старался. Вообще, все не удалось, все. Онъ часто слышалъ объ этомъ за послѣднее время.

Лицо и голосъ ея сдѣлались раздраженными.

— Дѣти тоже держатся особнякомъ. Право, я ничего не пони-

маю. Глупа я что ли стала? У нихъ все тайны, секреты. И книжки теперь пошли какія-то новыя, непонятныя. Толкуютъ, о чемъ сами не понимаютъ. Хотя бы ты, какъ слѣдуетъ, поговорилъ съ ними, Арефій.

Въ глазахъ ея изобразилась тревога за дѣтей.

— Ты прости меня, Арефій, за горькую правду. Вѣдь мнѣ некому пожаловаться.

Она подсѣла къ нему на диванъ и внимательно посмотрѣла ему въ лицо. Онъ осторожно положилъ ей руку на колѣно и ему не было уже больше ея жаль, но была только усталость, и хотѣлось, чтобы она поскорѣе ушла.

Но она продолжала, задумчиво глядя въ одну точку:

— И подумать: такъ прошла вся жизнь. Что? Зачѣмъ? Не знаю. Вся жизнь. И кажется, что только еще вчера была маленькой дѣвочкой. Да, жестокая вещь жизнь, какая-то безсмысленная. Ничего нельзя понять...

Широко раскрытыми, мечтательными глазами она обвела комнату поверхъ стѣнъ, точно хотѣла что-то увидѣть новое для себя и что-то сообразить, и потомъ продолжала въ томъ же тихомъ и задумчивомъ тонѣ, и это вышло смѣшно.

— Сегодня опять приходили маляры. Я велѣла имъ переписать весь счетъ заново. Ты, пожалуйста, потомъ, Арефій, потрудись провѣрить. Мнѣ самой трудно, такъ трудно разбираться въ этихъ вещахъ.

Послѣднія слова она окончила шопотомъ и, сдерживая слезы, тихо и грустно встала и вышла изъ комнаты.

...За столомъ уже велся шумный разговоръ, когда Гуляевъ вышелъ къ завтраку.

«Послѣ завтрака они сядутъ съ Иваномъ Кузьмичемъ въ преферансъ»,—подумалъ онъ,—а я тѣмъ временемъ пройдусь.

И онъ испугался: а вдругъ Иванъ Кузьмичъ не останется?

Обсуждалась въ сотый разъ избитая застольная тема:

— Конечно, у насъ слишкомъ большое разстояніе отъ кухни до столовой,—говорила жена:—Отъ этого у насъ кушанья подаются цѣлую вѣчность. Съ тѣхъ поръ, какъ мы живемъ въ новомъ домѣ, я не могу къ этому привыкнуть.

Она нетерпѣливо нажала нѣсколько разъ висячую кнопку. Голову она держала высоко и брови преувеличенно приподнимала, что должно было означать, что она сегодня разстроена.

— Я же всегда говорила, что у насъ пропадаетъ коридоръ!— сказала съ азартомъ Варя.

Они громко заговорили о томъ, что каждый изъ нихъ слыхалъ въ тысячный разъ. Да, конечно, вѣдь это онъ, Гуляевъ, распланировалъ эти комнаты, и онъ ничего не умѣлъ распланировать: ни комнатъ, ни своей, ни чужой жизни. Онъ старался, какъ можно лучше, но обманулъ всѣхъ.

И вдругъ Гуляеву пришло въ голову, что въ каждомъ новомъ домѣ всегда почему-то бываетъ покойникъ. Конечно, это суевѣріе, но ему все равно стало страшно, и ложечка, которой онъ ѣлъ бульонъ, задрожала въ его рукѣ, чуть-чуть звякая о чашку...

И ему захотѣлось тотчасъ же встать и поскорѣе уйти изъ этого дома, который показался ему вдругъ какою-то большою чудовищною западнею, которую онъ нарочно выстроилъ самъ для себя. Уйти, бѣжать, чтобы хотя умереть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, только не въ этихъ стѣнахъ.

Такъ, превозмогая страхъ и отвращеніе, онъ сидѣлъ нѣсколько мгновеній, чувствуя, какъ руки и лобъ покрываются потомъ.

Но страхъ и отвращеніе росли, заглушая голосъ здраваго смысла.

И вдругъ увидѣли, что онъ какъ-то странно поднялся изъ-за стола и сказалъ:

— Вы извините меня. Мнѣ не хотѣлось бы нарушить вашъ завтракъ, но я лучше встану и пойду къ себѣ. Пусть Даша отнесетъ мою чашку ко мнѣ.

Онъ привѣтливо всѣмъ улыбнулся и покивалъ головою.

— Даша, возьмите мою чашку.

— Даша, — вскрикнули всѣ поспѣшно и предупредительно.

И Даша, застыдившись, взяла и понесла за нимъ его чашку бульона. Подъ общимъ внимательнымъ и осторожнымъ взглядомъ онъ, сгорбившись, вышелъ изъ комнаты.

IV.

— Нѣтъ, Даша, чашку вы поставите сюда,—сказалъ онъ горничной, когда они пришли въ его комнату:—Бульону я не буду пить. Мнѣ отъ него сегодня что-то плохо. Но вы лучше помогите мнѣ немного одѣться. Я хочу выйти на воздухъ. Понимаете?

Она смотрѣла на него широко раскрытымъ, недоумѣвающимъ взглядомъ. Въ одной рукѣ у нея была тарелка.

— Пойдемте-ка въ переднюю. Вотъ достаньте мой котелокъ и галоши. Дайте-ка мнѣ котелокъ сюда. Сильно запылился.

И онъ собственноручно, взявъ щетку, почистилъ его.

— Вотъ такъ. Теперь подайте-ка мнѣ пальто. И никому не говорите, Даша, что я ушелъ. Слышите, милая Даша, я васъ прошу объ этомъ. Никому не говорите, нельзя. Вы скажете, Даша?—продолжалъ онъ, понизивъ голосъ и невольно оглядываясь:—Но я васъ прошу этого не дѣлать. Пусть они себѣ спокойно завтракаютъ. Ихъ не надо безпокоить...

— Господи, баринъ, что съ вами?—испуганно сказала Даша.

— Ничего, милая Даша, ровно ничего... Но только я васъ прошу. Тише, пожалуйста, тише. Это моя къ вамъ просьба, милая Даша. Ивану Кузьмичу передайте мое извиненіе. Я немного пройдусь по улицѣ... вотъ туда...

Худой, съ землисто-желтымъ цвѣтомъ лица, судорожно дышащій онъ былъ еще болѣе страшенъ теперь въ котелкѣ и драповомъ пальто и галошахъ. И только одни его умоляющіе по-дѣтски глаза еще продолжали жить.

— Я боюсь,—сказала Даша:—Меня барыня забранятъ.

Ему жаль стало горничной, и онъ въ смущеніи замолчалъ.

— Ну-къ, съ вами что случится на улицѣ,—проговорила она и отвернувшись и полузакрывъ лицо фартукомъ, всхлипнула.

Потомъ вытерла глаза и, вглядѣвшись въ его просящее лицо, точно поняла что-то и сказала точно большая маленькому:

— Ну, идите ужъ... только, баринъ, дорогой... Я ужъ не буду запирать, а черезъ минутку приду сюда... поглядѣть за вами.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, Даша.

Онъ немного испугался и разсердился.

— Ты запри за мною, какъ слѣдуетъ. Какъ запирала всегда. На замокъ.

И опять было столько униженной и страстной мольбы въ его странно живыхъ, безпокойно бѣгающихъ глазахъ, что она опять поколебалась.

— Охъ, ужъ и не знаю. Запру, коли... черезъ пять минутъ придете?

— Нѣтъ, нѣтъ, Даша, немного подольше. Ну, отопри скорѣе.

— Право, полежали бы лучше,—сказала она въ видѣ послѣдней попытки, поворачивая въ двери ключъ:—А я бы у васъ форточку отворила. Перешли бы пока въ гостиную...

Пока онъ проходилъ въ дверь, торопясь и съ усиліемъ перенося ногу черезъ порогъ и похрустывая кожаными галошами, она, провожая его и слегка поддерживая подъ локоть, вытирала за его спиною слезы. Она была еще молодая дѣвушка и потому что-то смутно угадывала и, не понимая сама, жалѣла его особенною своею, чуткою, молодою жалостью.

И онъ за это сказалъ ей радостно и изъ самой глубины сердца:

— Ну, прощай, Даша. Видишь, что значитъ состарѣться. Закрывай же поскорѣе дверь, закрывай. И помни, что обѣщала.

— Хорошо,—сказала она серьезно.

И ея свѣтлые голубые глазенки въ послѣдній разъ мелькнули передъ нимъ.

Дверь плотно затворилась. Англійскій запоръ щелкнулъ и зазвенѣла цѣпочка. Милая дѣвушка не обманула и «какъ слѣдуетъ» заперла за нимъ дверь.

Такъ простился онъ навсегда съ домомъ.

...— Я пройду къ брату Егору,—обманывалъ онъ себя попрежнему: тамъ немного посижу...

Но это было невѣрно.

Опираясь дрожащей рукою о перила крыльца, онъ осторожно преодолѣлъ двѣ ступеньки и, продолжая сохранять на лицѣ улыбку, мелкимъ, забавлявшимъ его самого, точно чужимъ шажкомъ пошелъ вдоль по тротуару, опираясь на палочку и держа непо-

движно передъ собою лицо. И чѣмъ дальше, тѣмъ быстрѣе и увѣреннѣе становился его шагъ, точно онъ боялся, что вотъ-вотъ его сейчасъ догонятъ и вернутъ.

«Но нѣтъ, милая дѣвушка не выдастъ».

...Теперь онъ зналъ уже навѣрное, что скоро умретъ, но это не пугало его. И то, что онъ ушелъ изъ дома, представлялось отъ этого окончательно необходимымъ и важнымъ и почему-то находилось въ непремѣнной связи съ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ.

Но сейчасъ онъ старался не думать. Было просто хорошо.

Онъ смотрѣлъ, радуясь, какъ ребенокъ, вдоль по улицѣ, видѣлъ бѣлые и темные фасады домовъ, яркій вырѣзъ холоднаго осенняго, голубого неба, и все было по новому красивымъ.

И оттого хотѣлось не думать, а такъ просто итти, ощущая покой одиночества, итти все прямо и прямо, какъ можно дальше, улыбаясь и видя предъ собою дома, незнакомыхъ людей и голубое небо.

V.

У воротъ подъ домомъ стояли два мальчика, оба въ красныхъ вязаныхъ шапочкахъ, съ ярко-красными щечками и невинно-голубыми глазенками.

Весело имъ подмигнулъ, слегка тряся головою.

Посмотрѣли съ испугомъ и любопытствомъ и, переглянувшись, потупились: у него немного желтое лицо.

И онъ шелъ и шелъ, пока не почувствовалъ странной и глубокой усталости. До поворота къ брату оставалось еще три переулка. Хотѣлъ нанять извозчика, но сообразилъ, что извозчикъ быстро домчитъ куда надо и братъ вызоветъ по телефону «ихъ». Онъ такъ называлъ теперь домашнихъ.

Вспомнился домъ такъ ясно, ясно, съ рѣзнымъ деревяннымъ конькомъ въ русскомъ духѣ и «боярское» крыльцо съ «пузырчатыми», какъ ихъ называла Варя, столбами, и опять промелькнула та мысль, которую онъ гналъ отъ себя, что каждый новый домъ непремѣнно ждетъ своей жертвы...

Рѣшилъ перемочься. Не было страха, что упадетъ, и вокругъ будутъ чужіе люди, а только опасеніе, что подберутъ, узнаютъ и отвезутъ назадъ... немедленно, сейчасъ. И потому хотѣлось только уйти какъ можно дальше. Конечно, онъ поступалъ немного странно или, вѣрнѣе, необычно.

Оглянувшись, Гуляевъ выбралъ глазами тумбучку и кряхтя, присѣлъ на нее.

Да, конечно, лежать въ своемъ домѣ и ненавидѣть—это болѣе обычно, чѣмъ выйти изъ дома на свѣтъ, на воздухъ, на народъ. И на тумбочкѣ сидѣть вотъ такъ,—необычно, а лежать въ четырехъ стѣнахъ, въ живомъ гробу и скрежетать зубами—это обычно. Не правда ли чудно?—продолжалъ онъ, обращаясь взглядомъ къ прохожимъ:—Ничего нѣтъ чудного. Шелъ-шелъ старичокъ, ослабѣлъ и сѣлъ на тумбочку. Придетъ время—посидите и вы.

Онъ привѣтливо имъ улыбался, предлагая взглядомъ проходить мимо, не обращая на него вниманія.

И люди шли и шли, мелькомъ взглядывали, удивляясь, внезапно что-то понимали (да, да, понимали: это онъ видѣлъ, потому что внимательно вглядывался въ ихъ лица) и опять шли спокойные, равнодшные. И это было именно такъ, какъ надо, т.-е. то, что они были спокойны и равнодушны.

Опершись локтями о колѣни, онъ старался побороть головокруженіе. Было такое явленіе, точно улица подается дальнимъ концомъ къ верху. Закрывалъ глаза и тогда чувствовалъ, что мягко ногамъ и тротуаръ уходилъ изъ-подъ ногъ. Открывалъ ихъ, и тогда слышалъ въ ушахъ шумъ, точно отъ жужжанія тысячи мухъ, и видѣлъ темныя пятна.

«Сейчасъ упаду»—подумалъ, и на мгновеніе стало страшно пыльнаго и холоднаго тротуара. Грузно осѣлъ и повалился впередъ и набокъ, и какъ ни странно, но это оказалось вовсе нестрашно, а даже пріятно, точно онъ прильнулъ къ чему-то милому и знакомому, хотя это былъ запахъ асфальта и пыли.

На мгновенье очнулся, чувствуя свое тѣло уже на вѣсу. Держали подъ мышки и за колѣни и куда-то клали. Было все равно кто и куда. Воротничокъ рѣзалъ подбородокъ, было трудно дышать, потому что ноги оказались выше головы. Но и это было хорошо.

Вообще все было хорошо и какъ надо. Въ ушахъ точно открылись клапаны, и онъ явственно услышалъ:

— Если ты можешь соображать...

— То-то соображать. Ступай лучше съ своимъ соображеніемъ... Знаешь куда?

— Хоть ты роди на улицѣ...

Клапаны закрылись. И опять мухи...

Старался преодолѣть ихъ жужжаніе вмѣстѣ съ мучительной тошнотою. И, когда удавалось сознавалъ, что ѣдетъ на извозчикѣ. Кто-то большой и сильный, крѣпко пахнущій дешевымъ табакомъ и потомъ увѣренно и нѣжно придерживалъ его за талію, и Гуляевъ понималъ, что ему трудно и неудобно держать его почти на вѣсу такимъ образомъ. Онъ же держалъ въ свободной рукѣ котелокъ и старался имъ прикрывать его голову. Но державшій былъ терпѣливый и великодушный человѣкъ, и у него была тонкая и деликатная душа. Гуляеву хотѣлось ему какъ-нибудь выразить, что онъ понимаетъ это, извиняется и благодаритъ его, но говорить онъ не могъ и только старался довѣрчивѣе уложить голову на его плечѣ. И ему было радостно сознавать, что и онъ и державшій все равно и безъ словъ хорошо понимали другъ друга.

— Ловчѣе, баринъ,—говорилъ онъ иногда и сгибался еще неудобнѣе, и рука его, точно желѣзная, все такъ же крѣпко и нѣжно поддерживала его за талію.

— Пускай замерзаютъ,—говорилъ онъ извозчику:—Мнѣ какое дѣло. Вычистилъ тротуаръ...

Но Гуляевъ зналъ, что онъ говоритъ нарочно и противъ себя, потому что хочетъ закруглить свои слова. Но тѣло его говорило о другомъ, и онъ зналъ это самъ, зналъ извозчикъ, но все-таки говорилъ, и Гуляеву было это и понятно, и вмѣстѣ непонятно. Понятно, потому что такъ дѣлаютъ всѣ, и непонятно, потому что въ этомъ есть что-то недостойное, смѣшное и глупое.

Пролетка остановилась. Съ грохотомъ пролетали другіе экипажи. Клапаны закрылись, и потомъ мѣрный и тяжелый топотъ ногъ по деревянной лѣстницѣ.

— Что за человѣкъ?—спрашиваетъ гнусавый голосъ:—Гдѣ подобрали?

— Чего орешь? Видишь: помираетъ.

— Всѣ помремъ. Держи крѣпче, губастый чортъ, ворона.

Его больно трохнули на скамью. Говорившій осторожно поддержалъ ему голову, и Гуляевъ почувствовалъ, что и этотъ былъ такой же хорошій и серьезный человѣкъ, какъ и другіе. Но онъ продолжалъ говорить въ прежнемъ тонѣ, потому что такъ же хотѣлъ закрутлить свои слова и мысли.

— И помрешь, очень просто. А ты, небось, не хочешь? Тетка Маланья тоже не хотѣла... Послано за фельдшеромъ,—добавилъ онъ другимъ тономъ, опять неожиданно серьезнымъ.

Въ помѣщеніи, гдѣ чувствовался нависшій потолокъ, пахло печенымъ хлѣбомъ, сургучомъ, застоявшимся табачнымъ дымомъ и одежей.

«Участокъ»,—подумалъ Гуляевъ, но глазъ открыть не могъ.

— Вотъ и господинъ фельдшеръ жалуетъ своей персона грація,—сказалъ тотъ же голосъ:—Что больно скоро? Извините, что обезпокоили. Не знали, что вы у Марьи Константиновны.

Онъ хитро посмѣялся однимъ животомъ.

— Дуракъ,—сказалъ спокойно фельдшеръ.

Остальные громко засмѣялись. Слышно было, какъ первый говорившій удовлетворенно вытеръ носъ.

— Пусти, говорю, руку.

— А то какъ же...

Легкое пыхтѣніе и борьба.

— Не бойтесь,—вдругъ сказалъ голосъ фельдшера, но уже теплый и мягкій, потому что онъ обращался къ Гуляеву.

И что-то ѣдкое и, отчасти, сладкое съ силою вошло ему въ носъ, такъ что онъ задыхаясь и сердясь поднялся и сѣлъ.

Нашатырный спиртъ.

— Что, небось, не понравилось?—спросилъ первый голосъ и, утѣшая, добавилъ:—Ничего, пройдетъ.

Гуляевъ, продолжая задыхаться, раскрылъ слезящіеся глаза и встрѣтился взглядомъ съ говорившимъ. Это былъ старшій городовой съ нашивками. Онъ, видимо, страдалъ вмѣстѣ съ Гуляевымъ и сказалъ еще разъ:

— Зато легче будетъ... Ну-съ, господинъ медицинскій фельд-

шеръ, такъ скажите ужъ намъ разомъ, не утайте, какъ здоровье Марьи Константиновны.

— Пошелъ къ чорту,—сказалъ фельдшеръ, большой и рыжій:—Есть у тебя папиросы?

Закуривъ, онъ сталъ думать вслухъ.

— Куда его намъ? Везите въ больницу.

Голосъ у него опять сдѣлался равнодушнымъ и грубымъ, но Гуляевъ уже привыкъ и зналъ, что такъ и надо, и оттого ему казалось, что онъ что-то понялъ. Но когда онъ старался думать, становилось тошно.

— Откуда будете?—услыхалъ онъ опять.

Его легонько тормошилъ за плечо старшій городовой.

Гуляевъ вспомнилъ стѣны своей комнаты и видъ изъ окна, лицо жены и эмалированный тазикъ и плотно стиснулъ зубы.

— Будетъ вамъ мучить,—вздохнулъ кто-то, очевидно, сочувственно смотрѣвшій издалека.

Его отнесли въ узкое и сѣрое помѣщеніе съ бѣлымъ аптечнымъ ящикомъ, положили на жесткую кровать и оставили одного.

И тишина и одиночество густо встали стѣной между нимъ и остальнымъ міромъ.

Подходилъ кто-то мягко звякавшій шпорами, ласковый и тихій, и смотрѣлъ на него. И отъ этого тишина была гуще и тише. И чуть звенѣли мухи.

Наступали сумерки. Гдѣ-то затопили печь. На полу протянулась узкая свѣтлая полоса, и запахло дымомъ.

А Гуляевъ все лежалъ, не шевелясь. Онъ продолжалъ, что-то понимать, но мысль была большая, и шла точно не изнутри, а извнѣ.

И опять казалось, что еще одно усиліе, и все будетъ рѣшено.

VI.

Уже когда стемнѣло, его повезли куда-то дальше. Въ больницу.

«Можетъ быть, это нехорошо, что я совсѣмъ не думаю о нихъ? — спросилъ себя Гуляевъ, «Они должны безпокоиться. Вѣроятно, всюду навели справки. Звонили по телефону къ брату».

Постарался себѣ представить ихъ смятеніе, но ничего не вышло.

«Это нехорошо,—сказалъ онъ себѣ еще разъ и съ убѣжденіемъ.

И вдругъ почувствовалъ, что говоритъ неправду, и что этого больше никому уже не нужно, чтобы онъ говорилъ самъ себѣ неправду, а, значитъ, это смѣшно и безполезно.

И отъ этого та самая прежняя большая мысль сдѣлалась смутно еще понятнѣе.

«Ахъ, скорѣе бы»,—подумалъ онъ, но всего понять не могъ.

Слышался грохотъ экипажей, и мѣрно звякали подковы лошадей. Городовой, который везъ его изъ участка, сидѣлъ молча. И, казалось, что въ городѣ есть тишина, большая, лежащая надо всѣми звуками и исходящая отъ молчаливыхъ, закрытыхъ домовъ. Она поднимается до самыхъ звѣздъ, чѣмъ дальше, тѣмъ глубже, и оттого городскіе звуки кажутся глухими и маленькими.

Остановились у большого бѣлаго зданія съ колоннами.

— Эй, малый! — позвалъ городовой случайнаго прохожаго въ валенкахъ:—кликни кого ни на-есть дежурнаго изъ больницы.

Человѣкъ въ валенкахъ, тихо ступая, ушелъ въ бѣлое зданіе, и опять наступила тишина...

Лошадь спокойно фыркала, и извозчикъ сидѣлъ на передкѣ, понурившись. Лошадь переступала ногами.

Гуляевъ слегка запрокинулъ голову и увидѣлъ въ рядъ три знакомыхъ алмазныхъ звѣзды, точно кто-то нарочно размѣстилъ ихъ по линейкѣ. Они принадлежали какому-то неизвѣстноому ему созвѣздію. И онъ подумалъ, что умретъ, не узнавъ, какъ онѣ называются. Но это было все равно и даже, пожалуй, лучше. Вѣдь онъ ихъ видѣлъ, и это главное.

— Морозно,—сказалъ извозчикъ, не оборачиваясь.

Но городовой не отвѣтилъ. Лошадь переступала ногами. По другую сторону бульвара, у котораго они стояли, звеня и гремя пролетѣлъ вагонъ трамвая.

Стукнула больничная дверь, задребезжавъ стеклами, и оттого почему-то стало понятно, что туда ежедневно входятъ и вы-

ходятъ много людей. Вмѣстѣ съ человѣкомъ въ валенкахъ, вышелъ больничный сторожъ.

Все время, пока его снимали съ пролетки, Гуляевъ, поворачивая голову, старался видѣть три звѣздочки.

Потомъ они исчезли за крышей. Послышался больничный запахъ эѳира и еще чего-то неопредѣленнаго и тяжелаго. Дверь заскрипѣла и запѣла на блокахъ. И опять подумалось о людяхъ, которые входятъ сюда и выходятъ отсюда безконечной вереницей.

«Что же, здѣсь и умереть»,—сказалъ себѣ Гуляевъ и спокойно закрылъ глаза.

...Теперь на него смотрѣла высокая и худая сестра милосердія или дежурная сидѣлка со старообразнымъ вытянутымъ личикомъ и бѣлою косынкою, покрывавшею только затылокъ. Темя оставалось открытымъ и показывало тщательно расчесанный проборъ.

Отъ всей ея фигуры вѣяло тою же особенной тишиною, которая была въ участкѣ и на улицѣ, но только еще въ большей степени.

И это понимали и городовой и сторожъ, потому что старались говорить негромко и осторожнѣе ступать ногами.

— Посидите здѣсь,—сказала она, показывая на желтую скамью со спинкой и, повернувшись, пошла.

Ея длинная, тонкая тѣнь, быстро укорачиваясь, двинулась за нею.

Онъ сидѣлъ, прислонившись къ спинкѣ скамьи, и соображалъ, сколько времени можетъ пройти, пока его найдутъ. Вѣдь въ такомъ огромномъ городѣ ежедневно бываетъ много упавшихъ, и всѣ они лежатъ по разнымъ больницамъ. И ему хотѣлось, чтобы сегодня упавшихъ было какъ можно больше.

Когда пришла вторично дежурная сестра и спросила его объ имени, онъ, вмѣсто отвѣта, спокойно закрылъ глаза.

— Не сказываетъ,—замѣтилъ серьезно городовой.

Послышались гулкіе шаги, и кто-то невысокій, преземистый, въ бѣломъ, взялъ его за руку и пощупалъ пульсъ; потомъ, сопя, пригнулся и приложилъ ему ухо къ груди.

— Переодѣть,—сказалъ онъ, выпрямляясь.

Голосъ его отдался подъ сводами.

Потомъ какіе-то люди понесли Гуляева на носилкахъ въ помѣщеніе, гдѣ пахло сыростью и мыломъ.

Здѣсь осторожно сняли съ него верхнее платье.

Подошелъ опять прежній докторъ въ бѣломъ и, твердо, но дружелюбно нажавъ ему животъ, озабоченно и серьезно спросилъ:

— Здѣсь болитъ?

У него было широкое, неопредѣленныхъ очертаній лицо, съ неудобно, низко державшимся на носу пенснэ въ золотой оправѣ. Нажимая животъ, онъ каждый разъ поднималъ голову и отъ этого стекла его пенснэ блестѣли.

Но Гуляевъ не отвѣчалъ.

— Не можете говорить?—спросилъ докторъ.

Гуляевъ утвердительно опустилъ вѣки.

И отъ этого лицо доктора измѣнилось и стало равнодушнымъ и разсѣяннымъ.

«Что же, значитъ, такъ и надо», подумалъ Гуляевъ.

— Раздѣньте его совершенно,—приказалъ докторъ другому тоже въ бѣломъ.

Лицо этого другого Гуляевъ также не могъ, да почему-то и не хотѣлъ разсмотрѣть. Онъ только видѣлъ, что и у того было такое же разсѣянно-равнодушное выраженіе.

Подошла еще женщина, тоже въ бѣломъ, другая, не та, первая, и у нея было такое выраженіе лица. Всѣ эти люди знали когда надо имѣть заботливое выраженіе лица и когда равнодушное, и не ошибались на этотъ счетъ никогда. Въ этомъ Гуляевъ былъ почему-то совершенно увѣренъ, и оттого чувствовалъ себя здѣсь такъ спокойно.

Потомъ его еще долго выслушивали и мяли.

Входили и выходили еще какіе-то тоже въ бѣломъ. Но онъ уже не старался различить ихъ лица, точно всѣ они сдѣлались на одно лицо. И онъ различалъ ихъ теперь просто такъ: «тотъ, который вошелъ первымъ», «тотъ, который сидѣлъ на подоконникѣ», и такъ далѣе.

Только перваго доктора онъ различалъ преимущественно передъ другими, но онъ вскорѣ ушелъ и больше уже не приходилъ.

И не все ли равно, кто они были? Здѣсь это теряло свое значеніе, и отъ этого у Гуляева было своеобразное и пріятное чувство.

Они входили и уходили. Иногда былъ слышенъ шелестъ женскаго платья. Растворялись двери, и тогда тянуло воздухомъ. Раздавался звукъ стеклянной посуды или инструментовъ.

Когда его уже одѣли и приготовили носилки, чтобы куда-то отнести, кто то, но уже опять другой, близко наклонился надъ нимъ и выслушалъ ему сердце. Было слышно, какъ близко, близко затикали карманные часики и сильно запахло цвѣточнымъ одеколономъ.

— Зачѣмъ вы пойдете сегодня въ Новый театръ?—спросилъ слушавшій выпрямляясь:—Что вы тамъ надѣетесь услышать новаго сегодня?

У оконъ засмѣялись два женскихъ голоса.

Гуляевъ тоже невольно улыбнулся.

— Разъ, два, три, четыре... восемь... двѣнадцать..—продолжала одна изъ смѣявшихся:—Выпейте,—прибавила она, подойдя и заставляя Гуляева что-то выпить изъ стекляннаго стаканчика. Онъ половину отпилъ и стиснулъ зубы.

Она спокойно поддержала стаканчикъ еще нѣкоторое время у его рта и потомъ выплеснула куда-то остатки.

— Въ палату бе...—сказалъ высокій и звонкій женскій голосъ.

Опять носилки, и они двинулись по длиннымъ, молчалнвымъ коридорамъ, лѣстницамъ и площадкамъ куда-то наверхъ.

Горѣло электричество, но высоко подъ самымъ потолкомъ и потому неярко. Направо и налѣво зіяли широкія и темныя двери. Оттуда пахло вымытымъ бѣльемъ и еще чѣмъ-то неуловимымъ, и смотрѣла тишина. И не вѣрилось, что тутъ страдаютъ и умираютъ люди.

На поворотѣ опять приблизилась новая тихая сестра. И, казалось, что это скорѣе видѣніе, а не человѣкъ.

Она не шептала, а говорила обыкновенно, но голосъ ея звучалъ глухо и тускло.

— Вотъ сюда...

Они проникли въ большую полутемную комнату, сплошь заставленную кроватями.

— Сюда,—двигалась она, точно тѣнь, и только бѣлѣла ея косынка.

Носилки поставили и его осторожно переложили на кровать возлѣ огромнаго окна. За окномъ дрожали верхушки деревьевъ и, о счастье!—сіяли тѣ же три звѣздочки.

«Милыя,—сказалъ Гуляевъ,—ахъ, какъ хорошо».

И съ наслажденіемъ протянулся на жесткомъ, хрустѣвшемъ подъ нимъ матрацѣ.

Сидѣлка отошла. Больные лежали въ странной неподвижности, и только раздавалось ихъ мѣрное, несогласное дыханіе.

Теперь онъ различалъ отчетливо всѣ предметы. Когда его неожиданно потянуло на тошноту, сидѣлка спокойно подошла и неторопливо подала ему тазикъ. У нея также было равнодушное, неподвижное лицо, именно такое, какое надо было имѣть. Что было бы, если бы она стала страдать надъ каждымъ, кого рветъ.

Гуляевъ все это понималъ и радовался, что понимаетъ все, какъ надо, и что все здѣсь именно такъ, какъ надо.

И все время, пока ему подступало къ горлу, онъ спокойно наблюдалъ неподвижное лицо сидѣлки, и ему подумалось, что у нея именно такое лицо, какое должно быть у человѣка: честное, искреннее, потому что такое лицо всегда бываетъ у человѣка, который поступаетъ, свободно не стѣсняясь и дѣлаетъ только то, что можетъ.

И это лицо было по-настоящему красиво хорошей серьезной истинно-человѣческой красотой.

VII.

Ночью Гуляевъ очнулся отъ забытья, потому что ему сдѣлалось трудно дышать и что-то болѣзненно расширилось подъ ложечкой. Сначала онъ долго страдалъ во снѣ и все старался при-

нять болѣе удобное положеніе. Вдругъ дыханіе захватило окончательно, онъ сдѣлалъ послѣднее усиліе, открылъ глаза и услышалъ, что тяжело и непріятно хрипитъ.

Увидѣлъ низкую бѣлую деревянную ширму, которою былъ теперь почему-то отгороженъ отъ прочихъ, и тускло падавшій поверхъ ея изъ коридора свѣтъ электрической лампочки и нащупалъ по краямъ кровати двѣ подвязанныхъ гладкихъ и холодныхъ доски.

«Это, чтобы я не упалъ»,—сообразилъ онъ:—«Значитъ, я плохъ. Который теперь часъ»?

Лобъ, шея и грудь у него были въ непріятной испаринѣ. Что-то неподвижно бѣлѣло въ изголовіи. Испуганно всмотрѣлся. Сидѣлка. Она спитъ, уронивъ руки на столикъ и положивъ на нихъ голову. Косынка сбилась у нея на самую шею.

Стекла въ окнахъ слабо и съ правильными перерывами дребезжатъ и за двойными рамами шевелятся листья деревьевъ.

— Который же часъ?

Изъ горла вылетаетъ хрипъ, губы высохли. Хочетъ пошевелиться, и отъ того чувство болѣзненной, расширенности въ груди выростаетъ.

— Доктора! Неужели я умираю?

И ему вдругъ кажется, что онъ видитъ какъ-то совершенно отчетливо каждый прутикъ койки и малѣйшую скользящую тѣнь на потолкѣ и удивительно явственно слышитъ каждый шорохъ и вздохъ въ палатѣ и коридорѣ.

Но этого не можетъ быть. Конечно, нѣтъ. Надо только доктора.

Онъ постучалъ пальцами по краю подвязанной доски и сказалъ безъ звука однѣми губами.

— Пить...

Сидѣлка не шевелилась.

«Если бы я умеръ сейчасъ,—подумалъ онъ, стараясь приподнять голову и осмотрѣться,—это было бы просто странною нелѣпостью. Я не обдумалъ еще самаго главнаго. Вѣдь иначе окажется, что всякая мысль есть вздоръ и сама жизнь также вздоръ. Но этого, конечно, не можетъ быть.

Онъ посмотрѣлъ опять на темныя стекла, подумалъ, какъ велика и огромна жизнь, и улыбнулся самъ себѣ и тому предположенію, что онъ можетъ такъ глупо и просто умереть. Нѣтъ, смерть приходитъ не такъ.

— «Я трусъ»,—подумалъ онъ опять съ иронической усмѣшкой и, протянувъ руку къ столику, за которымъ спала сидѣлка, нащупалъ ложечку и позвонилъ ею о какую-то склянку.

Сидѣлка не шевелилась, и руки ея, сонныя и мягкія, тепло выступали въ полумракѣ. Онъ хотѣлъ приподняться и сѣсть, но что-то подступало къ горлу и точно порвалось внутри.

Свѣсивъ голову съ кровати, онъ жалобно прошепталъ еще разъ:

— Доктора.

Она слабо пошевелила руками и продолжала спать. Постарался себя утѣшить: значитъ, ничего опаснаго. Иначе она бы бодрствовала. Онъ просто усталъ отъ передвиженія и его немного разбило. Вотъ и все. Да, да, да, конечно, такъ. Пусть она спитъ. Она хорошая, добрая и умная. И она знаетъ, что и когда надо дѣлать. Пусть себѣ спитъ, пусть спитъ. А онъ можетъ думать. Онъ давно не думалъ. На чемъ же онъ остановился въ прошлый разъ?

И, выпроставъ дрожащія руки изъ подъ одѣяла, онъ серьезно нахмурилъ брови и съ покорностью началъ думать.

Но мысли путались, и вдругъ плечи и грудь его затряслись отъ рыданій.

Хриплый, лающій стонъ наполнилъ тишину. Сидѣлка испуганно подняла голову.

Нѣсколько мгновеній она смутными глазами смотрѣла передъ собою, съ трудомъ отрываясь отъ сладостныхъ сновъ. И ее онъ также видѣлъ теперь точно по-новому, всю до послѣдней явственности: ея немного большой, выпуклый, блестящій лобъ, широкія скулы и маленькій вздернутый носикъ съ видимыми, уходящими глубоко темными ноздрями.

Пить,—попросилъ онъ еще разъ однѣми губами, потому что ему было неловко сказать, чтобы она позвала доктора, но было страшно и хотѣлось, чтобы она что-нибудь сдѣлала для него.

Вздрагивая отъ легкаго ночного озноба, она поправила волосы и сбившуюся косынку и подала ему холодную металлическую кружечку.

И вдругъ онъ почувствовалъ непріятный соленый вкусъ во рту.

Что это? Кровь?

Вытеръ испуганно платкомъ губы, и увидѣлъ темно-красное пятно.

Отчего можетъ быть кровь?

Поманилъ рукою сидѣлку и показалъ платокъ. Она сочувственно кивнула головой.

— Ничего, что-жъ, это бываетъ.

— Доктора,—сказалъ онъ беззвучно губами и сдѣлалъ недовольное лицо.

Она отрицательно покачала головой и, подумавъ предложила:

— Можетъ быть, послать за батюшкой? У насъ тутъ есть священникъ.... хорошій такой...

— Я хочу доктора... Мнѣ худо... Только доктора...

Она выпрямилась и промолчала. Онъ посмотрѣлъ на нее долго и упорно, не сводя глазъ, и, наконецъ, понялъ, что это значитъ:

— Я умираю.

Переломивъ себя, онъ спросилъ довольно явственно:

— Значитъ, все кончено?

И жалобно усмѣхнулся.

— Многіе приглашаютъ батюшку для здоровья,—сказала она уклончиво:—Да вы не очень безпокойтесь. Отъ этого вамъ будетъ хуже.

Онъ отвернулся и замолчалъ.

И тогда все стало понятно: и двѣ доски по краямъ кровати, и то, какъ она сидѣла въ отдаленіи, странно выпрямившись, и вся жизнь, и то, какъ было смѣшно и глупо, что онъ хотѣлъ что-то понять.

Онъ простоналъ. Она взяла со стола кусокъ ваты и подложила ему подъ правую щеку. И тотчасъ вата намокла и захолодила: это стекала тоненькой струйкой кровь. И отъ этого прикосновенія охватила холодная и омерзительная дрожь.

Сидѣлка подложила ему сначала полотенце, а потомъ новый клокъ.

«Доктора! Я хочу остановить кровь,—сказалъ онъ себѣ:— Я не хочу сейчасъ умереть».

Онъ показалъ руками, что хочетъ написать записку.

Она встала и вышла изъ-за ширмъ и по дорогѣ освѣтила палату электричествомъ. Ослѣпительно-зловѣще выступили бѣлыя ширмы, и подумалось, что ихъ принесли откуда-то изъ мертвецкой, куда сейчасъ отнесутъ и его.

Она вернулась и сунула ему въ руки карандашъ и бумагу.

Гуляевъ написалъ, съ трудомъ вырисовывая буквы:

— Требую отправить меня домой.

Вмѣсто адреса, онъ поставилъ № телефона.

Сидѣлка взяла записку и возвратила:

— Ничего нельзя разобрать.

Гуляевъ вырвалъ у нея дрожащею рукой бумажку и старался написать еще разъ, но теперь онъ видѣлъ и самъ, что карандашъ только совершенно безсмысленно ходитъ по бумагѣ.

«Я долженъ отдохнуть и успокоиться»,—подумалъ онъ и отплюнулъ кровавую мокроту.

Полежавъ немного съ закрытыми глазами, принялся писать опять. Ему хотѣлось написать цифру 2.

— Восемь?—спросила сочувственно сидѣлка.

Онъ отрицательно покачалъ головой, надѣясь, что она станетъ спрашивать по порядку всѣ цифры. Но она не догадалась этого сдѣлать.

Онъ показалъ ей еще нѣсколько разъ карандашомъ на бумагу, потомъ, сообразивъ и обрадовавшись, выставилъ два пальца, нуль, одинъ палецъ и два пальца по пяти.

Она покачала головою, показала, что ничего не понимаетъ.

Онъ крикнулъ ей еще разъ беззвучно, однѣми губами:

— Доктора,—и заметался въ тоскѣ по кровати.

Сидѣлка поправила вату и, взявъ потихоньку изъ его рукъ карандашъ и бумагу, вышла за ширмы.

Снова наступилъ полумракъ.

VIII.

Теперь кровь шла темными сгустками, которые онъ безпрестанно отплевывалъ, и оттого онъ лежалъ совсѣмъ на боку.

Онъ понималъ, что главное заблужденіе людей состоитъ въ томъ, что они думаютъ, что могутъ и должны что-то знать. Но на самомъ дѣлѣ, человѣку вовсе не нужно ничего знать. Въ этомъ и есть главный обманъ.

Вотъ онъ хотѣлъ что-то знать и ради этого отвергъ все то, что считалъ своимъ прежнимъ знаніемъ, какъ недостовѣрное. Но пошла кровь, и тогда оказалось, что онъ не можетъ ничего знать, потому что пошла кровь. И было смѣшно и глупо, что онъ хотѣлъ что-то достовѣрно знать.

А потомъ нелѣпо и безпокойно сталъ мучить переполненный мочевой пузырь. И пришлось обратиться къ помощи сидѣлки.

Было стыдно, охватывала холодная дрожь, и было омерзительно сознавать свою безпомощность, ненужность и грязь.

Онъ метался по постели.

«Я не хочу, не хочу»,—говорилъ онъ себѣ:—Я отвергаю все, чего добивался когда-нибудь. Я признаю безумствомъ и нелѣпостью всю мою жизнь. Я отвергаю то, что зовется истиной, и отвергаю то, что зовется правдой. Я презираю то, что зовется мысль, я презираю и ненавижу людей. Я ненавижу тотъ огромный обманъ, который зовется человѣчествомъ, жизнью и любовью».

Онъ сжималъ и разжималъ пальцы рукъ и корчился на постели.

— Тоскуете?—спросила сидѣлка.

Но онъ злобно посмотрѣлъ на нее и ничего не отвѣтилъ.

«Я ненавижу каждое человѣческое слово, каждый человѣческій жестъ, потому что они есть ложь, страшная преступная ложь, только называющаяся правдой. И я не хочу правды, потому что она ложь. Я хочу лжи. Я не хочу правды, потому что правда есть омерзительная дрожь, грязь, тоска и страхъ. И потому что она не правда, а еще худшая ложь».

Онъ стискивалъ страдальчески зубы и вытягивался всѣмъ тѣломъ.

Потомъ ему захотѣлось молиться.

Пусть это будетъ ложь, и будетъ противорѣчить тому, что на самомъ дѣлѣ есть. Но все-таки онъ будетъ молиться Онъ скажетъ:

— О, Господи.

Закрывъ глаза, онъ явственно и раздѣльно прошепталъ губами еще разъ:

— Господи, Господи.

И, раскрывъ глаза опять, поднялъ, какъ можно выше къ потолку, какъ тогда, въ ту ночь, еще у себя въ домѣ, и сказалъ беззвучно губами:

— Прости.

О, прости. Когда я думаю о тебѣ, Ты для меня всегда ложь, потому что я не знаю, не вижу, не понимаю тебя. Но я страдаю, и Ты прости. Прости меня за то, что Тебя, когда я думаю о Тебѣ, никогда для меня нѣтъ, и я долженъ солгать себѣ, чтобы Ты былъ.

Я хочу вѣрить въ Тебя. Не зная, кто Ты, я хочу вѣрить въ Тебя. Я хочу вѣрить, и не знаю, что значитъ вѣрить, но я хочу какъ-то вѣрить, потому что я страдаю. Я бьюсь головой о желѣзо и говорю:

— Я вѣрю.

Ты, который какъ-то есть и котораго я, никогда не смѣя отвергнуть, отвергнуть только потому, что хотѣлъ правды, прости меня за то, что я хотѣлъ правды. Прости меня за то, что я ничто, и ложь, и грязь, и Ты не можешь хотѣть, чтобы я страдалъ.

Двѣ крупныя слезы выступили и побѣжали у него по щекамъ.

— Право, пригласили бы батюшку,—сказала сидѣлка, близко нагнувшись, и вытерла ему слезы:—Вѣдь это что же:.. Это вѣдь ничего не значитъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ ей глазами и подумалъ:—То, что я называю ложь, есть ложь вообще, для людей, которые живутъ, или, лучше сказать, для человѣчества, которое никогда не уми-

раетъ, а для меня, для того, который непремѣнно умираетъ, эта ложь есть, на самомъ дѣлѣ, нужная правда.

И эта мысль его поразила.

Сидѣлка опять поправила и даже подтянула косынку и убрала со столика лѣкарство и посуду. Очевидно, она готовила что-то для прихода священника.

И то, что она дѣлала, не было ложь, а была нужная, необходимая ему его маленькая правда, правда этого одного и самаго важнаго момента его жизни.

Она покрыла столикъ бѣленькой салфеткой, потомъ пошла долго ходила и принесла серебряный образокъ съ золотымъ вѣнчикомъ безъ кіота и поставила его на столѣ, прислонивъ къ ширмѣ. Потомъ принесла лампадку. Лампадка была зелененькая и, когда она ее зажгла, отъ нея сталъ падать блѣдный и ласковый зеленый свѣтъ.

«И эта зелененькая лампадка, и этотъ свѣтъ, и эта тихая радость, которая распространяется отъ этого свѣта, и все, и есть моя теперешняя правда»,—думалъ Гуляевъ.

За ширмой раздались громкіе мужскіе шаги. Вошелъ дежурный докторъ. Онъ пощупалъ пульсъ и спросилъ сочувственнымъ голосомъ:

— Вы желаете причаститься?

Гуляевъ утвердительно опустилъ вѣки.

И ему казалось, что и сидѣлка, и докторъ прониклись сознаніемъ важности принятаго имъ рѣшенія. Они постоянно были около смерти, и потому у нихъ былъ другой масштабъ, чтобы судить о вещахъ, чѣмъ у всѣхъ остальныхъ людей.

— Мы обыкновенно относимся съ насмѣшкой къ священнику,—думалъ Гуляевъ.—Это оттого, что мы не понимаемъ, что такое священникъ, зачѣмъ священникъ. Его мѣсто на границѣ нашей жизни, и тогда дѣлается все понятнымъ, вотъ какъ сейчасъ. И все странное тогда, не можетъ казаться страннымъ теперь: и одежда, и обрядъ, и даже церковные догматы, потому что все это теперь имѣетъ свой нужный и особенный смыслъ. И докторъ, хотя онъ здоровый и образованный человѣкъ, это хорошо

понимаетъ, и не можетъ не понимать, и оттого онъ такъ сейчасъ серьезенъ.

— ...Скоро ли? — беззвучно спрашивалъ губами и глазами Гуляевъ сидѣлку каждыя пять минутъ, потому что боялся, что не дождется прихода священника и съ нимъ случится то ужасное, что неминуемо его теперь ждало.

— Очень даже скоро,—отвѣчала она, видимо волнуясь за него сама и безпрестанно прислушиваясь:—Батюшка, навѣрное, одѣваются... Вотъ и всѣ также завсегда безпокоятся, какъ вы... думаютъ: не дождутся. А завсегда дожидаются.

— Завсегда?—спросилъ онъ съ дѣтскою вѣрою глазами.

— Ну, конечно же... Какъ же иначе... А вотъ и батюшка.

Кто-то шелъ по коридору скрипучимъ, шаркающимъ шагомъ.

Сидѣлка вышла.

— Гдѣ болящій?—спросилъ мягкій, дрожащій голосъ священника.

Сидѣлка что-то объяснила.

— А,—сказалъ голосъ:—Такъ, такъ, такъ... Ну, Господи благослови. Зажгите, моя дорогая, свѣчечку. Зажгли лампадку? Дѣльно...

Они оба зашли за ширму, и теперь стали немного видны его лицо и вся его фигура. Мелькнуло что-то знакомое. И когда онъ взялся правою рукою за грудь и поправилъ наперстный крестъ, Гуляевъ сразу его узналъ. Это былъ тотъ самый священникъ, который служилъ раньше въ ихъ приходѣ и, по настоянію жены, былъ приглашенъ къ нимъ для молебна, когда они переходили въ новый домъ. Гуляеву припомнились сейчасъ даже тѣ слова, которыми онъ началъ тогда свою проповѣдь.

— Миръ дому сему.

Такъ, кажется, заповѣдалъ Христосъ говорить своимъ ученикамъ.

И въ своей проповѣди онъ объяснялъ, что такое означаетъ— «миръ дому сему». Миръ есть гармонія, порядокъ, благополучіе и святость. Рѣчь онъ произносилъ съ подъемомъ, и Гуляевъ удивился тогда, что простой священникъ можетъ такъ умно и лите-

ратурно говорить. «Это оттого, что ихъ учатъ гомилетикѣ», — подумалъ онъ тогда же.

И, хотя онъ былъ невѣрующимъ, но отъ словъ священника имъ овладѣвало пріятное умиленіе, и казалось, что эти слова «миръ дому сему» остались въ домѣ и послѣ того, какъ симпатичный и мягкій батюшка ушелъ.

И когда онъ говорилъ, хотѣлось вѣрить, что все именно такъ и есть. У него ласковые каріе глазки и яркія малиновыя губы. А когда онъ потомъ послѣ молебна закусывалъ, то выговаривалъ какъ-то особенно вкусно «коклеты» вмѣсто «котлеты», и это къ нему также шло. Онъ почему-то разсказывалъ, какъ надо приготовлять гусиныя лапки (ихъ надо предварительно мочить въ уксусѣ) и очень забавлялъ и удивлялъ дамъ своей практичностью. Дрова совѣтовалъ покупать не на складѣ, а прямо на желѣзной дорогѣ изъ вагона. И когда ушелъ, оставилъ послѣ себя легкій и пріятный запахъ кипариса и одеколона.

Но сейчасъ Гуляеву было почему-то непріятно отъ этихъ воспоминаній, и хотѣлось, чтобы пришелъ лучше какой-нибудь другой священникъ.

«Но все равно,—подумалъ онъ съ огорченіемъ:—Я не буду думать ни о чемъ постороннемъ».

Разостлавъ на столикѣ возлѣ лампадки платокъ и поставивъ на него въ серебряной коробочкѣ причастіе и положивъ крестъ, батюшка выпрямился и, прижавъ руки къ груди, спросилъ ласково и вмѣстѣ строго:

— Вы желаете исповѣдаться?

— Онъ не можетъ говорить,—сказала сидѣлка.

Священникъ нагнулся къ Гуляеву и внимательно посмотрѣлъ ему въ лицо:

— Что? Худо? Ну, Господь, поможетъ. Вотъ исповѣдаетесь и причаститесь...

Въ лицѣ его изобразилось мимолетное любопытство и состраданіе.

— А кто такой? Такъ и неизвѣстно?—спросилъ онъ, выпрямляясь и обращаясь къ сидѣлкѣ.

— Не называетъ себя... Скорѣе всего изъ образованныхъ.

— Такъ, такъ,—сказалъ батюшка и, звучно и пріятно от-

кашлявшись, развернулъ старую зеленую епитрахиль на желтой подкладкѣ.

Перекрестилъ ее мелкимъ, изящнымъ, проворнымъ крестикомъ, поцѣловалъ и, надѣвъ на шею, выпросталъ сзади густые волосы, а спереди вынулъ наперсный крестъ и сдѣлался какимъ-то окончательно земнымъ и знакомымъ.

Взявъ въ руки маленькій коричневый требникъ, онъ неожиданно строго посмотрѣлъ на Гуляева и сказалъ:

— Перекреститесь, если можете.

И, не дожидаясь, возгласилъ:

— Благословенъ Богъ нашъ...

Гуляевъ нѣсколько разъ твердо и набожно перекрестился.

«Я вѣрю, вѣрю,—говорилъ онъ себѣ настойчиво:—Я ничего не знаю и вмѣстѣ знаю все, и это и есть то, что называется вѣрою, и теперь я понимаю, что такое вѣра. И мнѣ уже не страшно и все ясно».

Только было попрежнему немного досадно, что пришелъ именно этотъ батюшка, знакомый и франтоватый. Отъ этого было такое чувство, точно все происходитъ не совсѣмъ такъ.

Было скорѣе похоже точно батюшка, какъ и шесть лѣтъ назадъ, служитъ молебенъ по поводу новоселья.

Онъ стоялъ, слегка откинувшись назадъ, и быстро и полувнятно читалъ, держа высоко передъ собою требникъ и зажженную восковую свѣчку и дѣлая удареніе на отдѣльныхъ словахъ, точно полагалъ, что въ нихъ-то при данныхъ обстоятельствахъ и заключается вся сила:

— Слава Тебѣ, Боже... Аминь. Господу помолимся...

Когда же переворачивалъ страницу, то высоко и многозначительно поднималъ брови, отчего лобъ его покрывался мелкими морщинками. Читая, онъ нѣсколько разъ ошибся и поправился.

И Гуляеву опять казалось, что это все не то, и что все это нужно кому-то другому: можетъ быть, сидѣлкѣ или самому батюшкѣ, или тѣмъ, которые, вообще, останутся жить послѣ него. Это для нихъ важно, чтобы батюшка стоялъ сейчасъ надъ нимъ и читалъ по книжкѣ, воображая, что это и есть то, что надо дѣлать, когда умираетъ человѣкъ.

И оттого у батюшки, и у сидѣлки были теперь спокойныя и довольныя лица.

«Нѣтъ, это просто нехорошія мысли»—сказалъ себѣ Гуляевъ:—«Они вѣрятъ, вѣрятъ, и я тоже вѣрю, вѣрю. Господи, спаси меня. Успокой, сдѣлай, чтобы мнѣ все разомъ стало ясно и понятно».

Но батюшка читалъ, и тоска не проходила. И оттого казалось, что все, что происходитъ сейчасъ, неважно и есть только предисловіе къ чему-то важному, а главное будетъ впереди.

И Гуляевъ терпѣливо и сосредоточенно продолжалъ ожидать этого другого и важнаго.

Переставъ, наконецъ, читать, батюшка сказалъ:

— Отвѣчайте наклоненіемъ головы.

Сидѣлка благоговѣйно вышла.

— Исповѣдаете ли вы всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ вашимъ Бога, троичнаго въ лицахъ и пришедшаго во плоти спасти міръ?

Лицо его было торжественно и строго, точно онъ признавалъ всю важность предложеннаго вопроса и готовился заключить съ Гуляевымъ какой-то особый по этому поводу договоръ.

«Вѣдь я же вѣрю?»—сказалъ себѣ Гуляевъ, и въ то же время слова священника казались ему, какъ и все, что онъ дѣлалъ и говорилъ до сихъ поръ, внѣшними и ненужными.

«Пришедшаго во плоти»... это значитъ, что Богъ (то самое большое и страшное) сдѣлался вотъ такимъ, какъ батюшка, или онъ, Гуляевъ, родился отъ дѣвушки, ходилъ по землѣ. И такъ же тогда дулъ вѣтеръ и качались вѣтви деревьевъ, какъ сейчасъ за окномъ, и были ночи... И все было, какъ сейчасъ... И это былъ Богъ...

Батюшка опустилъ требникъ, и съ недовѣріемъ посмотрѣлъ на Гуляева.

«Зачѣмъ это нужно ему?—подумалъ мучаясь Гуляевъ:—Ну, не все ли ему равно? Вѣдь на этотъ вопросъ такъ трудно отвѣтить искренно и прямо... И, кромѣ того, это не можетъ быть важнымъ»...

Было непріятно солгать.

Батюшка ждалъ, и брови его подымались все выше. Почему ему надо такъ опредѣленно, просто и даже, пожалуй, немного грубо, что вотъ былъ Богъ и сталъ человѣкъ?

Гуляевъ внимательно посмотрѣлъ на священника, стараясь понять, какъ думаетъ и вѣритъ, этотъ человѣкъ. Но батюшка смотрѣлъ просто и ясно. У него выходило все такъ удобно. На небесахъ—Богъ, и Онъ сошелъ, когда это понадобилось для удобства людей, на землю. И оттого все сдѣлалось такъ хорошо, понятно и просто. И теперь только онъ, Гуляевъ, долженъ умереть и сказать, что все это именно такъ, и онъ такъ и вѣритъ и ни въ чемъ не сомнѣвается.

Батюшка ждалъ и удивлялся:

«Что случилось?»

— Вы слышите?—спросилъ онъ и нагнулся.

Гуляевъ смотрѣлъ на него молча и тяжело дышалъ.

— Вамъ плохо?

Онъ сдѣлалъ движеніе головой въ сторону сидѣлки.

— Можетъ быть, у васъ есть сомнѣнія?—спросилъ онъ хотя мягко и ласково, даже слегка блеснувъ бѣлыми зубами, но пальцы его руки нетерпѣливо перебирали нагрудный крестъ и возлѣ глазъ легли подозрительныя и непріятныя морщинки.

Гуляевъ подумалъ и тихо опустилъ и поднялъ вѣки.

Батюшка сдѣлалъ осторожное и внимательное движеніе руками, аккуратно подобралъ рукава рясы.

— Вы сомнѣваетесь въ бытіи Бога и въ томъ, что Онъ троиченъ въ лицахъ?—спросилъ батюшка, и въ лицѣ его появилась на моментъ усталость:—Сіе есть тайна, сокрытая отъ человѣковъ. Но сомнѣваться въ этомъ большой грѣхъ.

Онъ не удержался и зѣвнулъ, слегка прикрывшись ладонью. Вѣроятно, онъ находилъ, что исповѣдь нѣсколько затягивается.

— Но, конечно, сомнѣніе есть естественное состояніе человѣческаго ума. Молитесь.

Онъ ласково нагнулся и тронулъ его своею мягкою рукою за плечо.

— Молитесь усерднѣе, чтобы Господь отпустилъ вамъ невольное согрѣшеніе ваше.

Онъ возвелъ глаза къ потолку. Но самому ему не хотѣлось молиться, и онъ только держалъ поднятыми къ верху глаза. Онъ ожидалъ, что молиться станетъ Гуляевъ. Развѣ онъ могъ молиться со всякимъ? Онъ только приходилъ и присутствовалъ. Пусть всякій молится самъ за себя.

Гуляевъ поднялъ глаза и постарался помолиться.

«Я хочу думать, что есть Богъ»,—говорилъ онъ себѣ,—и что Богъ хотя одинъ, но состоитъ какъ бы изъ трехъ существъ или видовъ. Этого нельзя понять, но это очень важно для меня. Это важно потому, что я умираю. И я хочу вѣрить. И я молюсь Тебѣ, Боже, который состоитъ изъ трехъ видовъ, или лицъ»...

Онъ напрягался этому повѣрить и для того представить себѣ все, какъ надо. Но выходило, что онъ молится тремъ богамъ, и онъ старался заставить себя думать, что они образуютъ изъ себя одного Бога, но представить это ему было трудно, и оттого было неловко и непріятно.

За окномъ шевелились листья и чуть смутно виднѣлись въ глубинѣ звѣзды.

Батюшка опустилъ глаза и терпѣливо ждалъ. Онъ былъ хорошій священникъ и хотѣлъ, чтобы Гуляевъ основательно помолился. Онъ пришелъ сюда глубокою ночью, прямо отъ теплой постели, но это было его обязанностью. А онъ уважалъ свои обязанности. Это было видно. Пусть человѣчество спитъ: тѣмъ болѣе онъ долженъ стоять на стражѣ. Дуетъ холодный вѣтеръ, и вѣтви треплются за окномъ, а онъ стоитъ на стражѣ. Сіяютъ далекія и неподвижныя звѣзды, а онъ стоитъ на стражѣ.

— Господу помолимся! — говоритъ онъ внезапно и, опять поднявъ глаза къ верху, продолжаетъ: — Всякаго отвѣта недоумѣвающе, сію Ти молитву, яко владыцѣ грѣшніи приносимъ: Господи, помилуй насъ! Ну, вотъ такъ. Помолились?

Онъ старается бодро взглянуть на Гуляева, но взглядъ у него противъ воли подозрительный, спрашивающій.

— Небось, были въ университетѣ? — спрашиваетъ онъ неожиданно.

Гуляевъ сдѣлалъ отрицательное движеніе глазами.

— Такъ. Не завидовали ли когда и чему-нибудь? Не желали ли кому зла? Говорите глазами: грѣшенъ, грѣшенъ. Вотъ такъ. Кто не грѣшенъ? Но Господь милостивъ. Исполняли ли обязанности къ семьѣ? Не грѣшили ли противъ седьмой заповѣди? Великій, большой грѣхъ, но... Такъ, такъ...

Онъ смотрѣлъ со вниманіемъ на Гуляева и старался придумать еще какіе-нибудь грѣхи. Онъ хотѣлъ выисповѣдать его такъ, чтобы у него не осталось уже никакой душевной тяжести.. Вѣроятно, онъ хорошо умѣлъ приготовлять людей въ послѣдній путь и не жалѣлъ своихъ трудовъ. Недаромъ сидѣлка сказала о немъ, что онъ хорошій батюшка.

— Господу помолимся! — возгласилъ онъ опять и накрылъ Гуляеву лицо нижнимъ краемъ епитрахили, точно окончательно благословляя его на смерть.

Снизу онъ ловкимъ и привычнымъ движеніемъ поддерживалъ ее немного рукою, чтобы матерія не испачкалась о кровь. Епитрахиль была холодная и пахла ладаномъ и еще чѣмъ-то церковнымъ.

Гуляеву стало страшно и тошно.

«Я не хочу еще»,—подумалъ онъ содрагаясь:—«Я хочу доктора».

И онъ рѣшилъ послѣ причастія объяснить священнику номеръ телефона.

А батюшка все молился, не поднимая епитрахили, и отъ ея прикосновенія его все больше и больше охватывала прежняя дрожь.

«Я не вѣрю,—думалъ онъ съ ужасомъ, задыхаясь отъ нея:— Я не могу. Я не могу притворяться, что Богъ одинъ и вмѣстѣ состоитъ изъ трехъ. И я не понимаю, что значитъ вѣрить. Я хотѣлъ себя обмануть»...

Онъ отстранилъ слегка епитрахиль рукою.

«Доктора скорѣе... Я еще могу жить... Остановите же кровь...»

Онъ заметался. Намоченная вата отклеилась отъ щеки и упала. И теперь струйка крови направилась прямо за воротъ.

Священникъ обернулъ къ нему широкую сутулую спину и приготовлялъ у столика причастіе.

— Сидѣлка!—позвалъ онъ строго, обернувшись.

Въ рукахъ онъ держалъ маленькую золотую чашу, похожую на рюмку и ложечку.

Сидѣлка вошла и тотчасъ подложила полотенце и вату.

— Остерегитесь плевать!—сказалъ священникъ еще строже и сдѣлалъ важное и внимательное лицо:—Причащается рабъ Божій... Раскройте пошире ротъ...

Поднявъ высоко брови и полураскрывъ отъ усилія собственный ротъ, онъ вложилъ Гуляеву крошку хлѣба, пахнувшую виномъ.

— Во оставленіе грѣховъ...

Брови его опустились, и онъ сосредоточенно опустилъ ложечку въ чашу, а потомъ коснулся рта шелковымъ платкомъ.

И тотчасъ началъ читать оживленной скороговоркой молитву, точно радуясь, что все самое трудное сошло такъ хорошо.

— Ну, поздравляю васъ,—сказалъ онъ, наконецъ, приложивъ къ его губамъ холодный и немного влажный крестъ и чуть просіявъ морщинками возлѣ глазъ:—Да послужитъ вамъ причащеніе во здравіе души и тѣла.

Онъ снялъ епитрахиль и началъ ее свертывать. Гуляевъ сдѣлалъ ему знакъ, что хочетъ говорить и, приставивъ кулакъ трубочкой ко рту, изобразилъ, какъ говорятъ въ телефонъ.

Священникъ вопросительно посмотрѣлъ на сидѣлку.

— Все спрашиваютъ чего-то, — объяснила она:—А писать руки не слушаются. Плохи они очень.

Батюшка съ сожалѣніемъ воззрился на Гуляева. Тотъ выставилъ два пальца и показалъ опять подъ рядъ всѣ остальныя цифры.

— Ручная азбука... Не понимаю, — сказалъ священникъ съ тѣмъ же видомъ сожалѣнія и улыбнулся тупо и страшно.

Гуляевъ замоталъ головой и задвигался на постели.

— А вы не волнуйтесь,—продолжалъ батюшка съ тѣмъ же выраженіемъ тупого непониманія въ лицѣ:—Теперь уже главное сдѣлано.

— Все безпокоились, что не успѣютъ причаститься,—замѣтила сидѣлка.

— Господь взыскуетъ ищущихъ. Ну, Христосъ съ вами. Не понимаю, не понимаю.

Онъ добродушно улыбнулся, перекрестилъ Гуляева широкимъ крестомъ и покивалъ головою. Потомъ взялъ со стола причастіе и крестъ.

Гуляевъ отвернулся.

— Возможно, что бредъ,—сказалъ священникъ тихо сидѣлкѣ:—Гдѣ-то видѣлъ это лицо, а не припомню. Не безпокойтесь дорогая.

— Гдѣ же вамъ всѣхъ упомнить,—сказала сидѣлка.

Батюшка степенно вышелъ.

IX.

Онъ глухо и хрипло стоналъ, и изъ его горла съ жутко правильными промежутками вылетало булькающее и свистящее дыханіе. Похоже было, что работаетъ какая-то правильно дѣйствующая машина.

Сидѣлка не могла оставаться съ нимъ. Она ходила между кроватей. Больные тоже не спали и лежали съ раскрытыми глазами.

Всѣ молчали. Хотѣлось, чтобы это дыханіе прекратилось, но оно дѣлалось все громче и громче. И казалось, что оно имѣетъ какой-то свой внутренній необходимый смыслъ, и оттого съ каждымъ разомъ становится труднѣе и мучительнѣе. Точно Гуляевъ чего-то добивался или всходилъ на какую-то возвышенность. Всходилъ и падалъ и взбирался опять. И всѣ желали, чтобы онъ скорѣе взошелъ, и мучились за него.

Нѣсколько разъ подходилъ докторъ и спрашивалъ его о чемъ-то. Но онъ молчалъ, напряженно устремивъ глаза по направленію къ окну.

— Я одинъ,—сказалъ себѣ Гуляевъ, и въ душу его вошла свѣтлая покорность:—Одинъ. Это надо понять.

Нѣсколько времени онъ старался это понять.

Одинъ, это значитъ: не надо ничего. Не надо хотѣть домой, не надо близкихъ.

И еще чего-то не было надо. Взглядъ его упалъ на образокъ, освѣщенный лампадкой. И этого не надо.

Онъ знаками попросилъ задуть лампадку. Сидѣлка долго не

понимала и поднесла ему ее къ самымъ губамъ. Онъ слабо дунулъ, и тогда она, удивляясь, погасила ее.

Вотъ такъ. И было ясно, что онъ напрасно мучился, когда звалъ священника.

Теперь ему казалось, что стѣны комнаты раздвинулись, и онъ лежитъ прямо въ безконечности. Но это почему-то не было страшно. И онъ удивлялся себѣ и не понималъ.

Дребезжали попрежнему темныя окна, и съ громкимъ, предутреннимъ правильнымъ гуломъ двигались по мостовымъ тяжелыя телѣги — и это была безконечность. Дулъ вѣтеръ. Попрежнему явственно колыхались листья. Онъ ясно слышалъ скрипъ могучихъ древесныхъ стволовъ подъ окнами, и въ стекло противъ его кровати съ аккуратными промежутками постукивала какая-то вѣточка. И это тоже все была безконечность. Мучительно въ далекомъ и тускломъ небѣ выступали свѣтлыми слезящимися пятнышками звѣзды. И бѣжала и бѣжала кровь. Она была густая, вязкая, противная. И бѣжала также съ правильными перерывами, по временамъ заполняя ротъ. Иногда онъ раскрывалъ глаза и прислушивался къ самому себѣ. Тогда онъ слышалъ, какъ широко и трудно раздувалась его грудь, хотѣлъ сдержать собственное дыханіе и не могъ, точно его грудь уже работала отдѣльно отъ него. И это тоже была безконечность.

Было странно, что онъ когда-нибудь и о чемъ-нибудь могъ безпокоиться, когда были безконечность и одиночество.

Но онъ всегда обманывалъ себя. Онъ хотѣлъ отъ себя скрыть, что есть безконечность. Когда онъ былъ здоровъ и потомъ, когда заболѣлъ и захотѣлъ думать «всерьезъ», онъ называлъ это стремленіемъ къ истинѣ. Истина и значитъ всегда какой-то конецъ. Найти истину и значитъ найти дно и конецъ.

Гуляеву стало опять что-то на мгновеніе ясно и вмѣстѣ страшно, что онъ когда-нибудь искалъ истину. И онъ поднялся еще на одну какую-то ступень и точно выросъ.

Взглядъ его упалъ на серебряный образокъ. Онъ сдѣлалъ знакъ его убрать, но сидѣлка опять не поняла и хотѣла положить ему его на грудь, но онъ отстранилъ его и махнулъ рукой. Она не поняла и поставила его на прежнее мѣсто.

Всю жизнь его преслѣдовалъ странный кошмаръ истины. И оттого были дрожь и страхъ. И оттого былъ ему нуженъ Богъ. Но Богъ это и значитъ безконечность. И онъ только этого не понималъ. Когда онъ былъ ребенокъ, онъ говорилъ себѣ: Богъ есть сѣдой старикъ, живущій на небесахъ: потомъ подросши сталъ воображать себѣ Бога большимъ и плавающимъ въ бездушномъ пространствѣ, а потомъ, еще позднѣе, при мысли о Богѣ испытывалъ только страхъ. Его Богъ былъ страхъ. И такъ какъ онъ не хотѣлъ страха, то старался вовсе не думать о Богѣ, и это значило, что онъ, хотя признаетъ Бога, но ничего не знаетъ о Немъ. А на самомъ дѣлѣ всегда была только одна безконечность и передъ нею страхъ. И это онъ называлъ: Богъ.

И потому, когда потекла кровь, онъ испугался и подумалъ, что теперь должно будетъ случиться что-то ужасное, и поспѣшилъ позвать священника.

Но ничего ужаснаго не произошло и не могло произойти, потому что съ нимъ произошла и всегда происходила безконечность.

И это было больше, чѣмъ истина и Богъ. И потому окончательно пропалъ страхъ.

Онъ глубоко вздохнулъ и поднялся еще на одну ступень и опять точно выросъ.

Теперь онъ зналъ, что безконечность всегда его манила и звала. Шагъ за шагомъ она его опутывала и охватывала своими цѣпкими кольцами. Это она позвала его изъ дома, но онъ сопротивлялся. Онъ шелъ и она ласково манила его, чтобы потомъ вдругъ показать суровое и спокойное лицо.

И когда онъ понялъ это и для того припомнилъ всю свою жизнь, то убѣдился, что оно именно такъ и было, но онъ всегда сопротивлялся и не хотѣлъ.

И Гуляеву показалось, что онъ взошелъ теперь на самую высшую ступень, откуда можетъ спокойно озирать свою жизнь и жизнь другихъ людей.

Теперь онъ дышалъ съ долгими и тяжелыми перерывами.

Онъ видѣлъ, какъ къ нему подошелъ дежурный докторъ. Нагнувшись, онъ долго ему что-то говорилъ и, вслушавшись, Гуляевъ понялъ, что онъ предлагаетъ ему пальцами показать номеръ

телефона. Очевидно, батюшка разсказалъ ему про знаки, которые онъ дѣлалъ ему.

Но Гуляевъ оставался неподвиженъ и только внимательно смотрѣлъ доктору въ лицо.

И теперь онъ въ первый разъ видѣлъ, что у доктора было озабоченное, страдающее и мыслящее лицо. Онъ былъ умный и образованный человѣкъ, и въ его мозгу было много сложныхъ и тяжелыхъ мыслей. Онъ смотрѣлъ на Гуляева и мучился за него, а Гуляевъ смотрѣлъ на доктора, и ему было, въ свою очередь, его жаль. Но сказать онъ ничего не могъ.

Подошла сидѣлка и тоже наклонилась. И въ ея глазахъ были тѣ же безпокойство, и жалость, и страхъ. Но и ей онъ не могъ ничего сказать, только перевелъ на нее взглядъ и серьезно на нее глядѣлъ, стараясь, чтобы она поняла, что въ смерти нѣтъ ничего страшнаго.

Но она не поняла и въ смущенiи отвернулась.

Гуляевъ началъ смотрѣть на доктора. Но и тотъ не выдержалъ и потупился.

Тогда онъ закрылъ глаза и больше не глядѣлъ.

Теперь онъ зналъ твердо, что человѣкъ долженъ научиться быть одинъ, и ему не нужно ни дома, ни Бога, ни истины.

Всѣ слышали, какъ онъ захлебнулся дыханiемъ. И на мгновенiе творилась жуткая тишина. Потомъ дыханiе стало слабѣть.

Онъ умеръ на разсвѣтѣ, въ то время, какъ къ больницѣ, гдѣ онъ лежалъ, спѣшно подъѣзжали его домашнiе.

Въ послѣднiй моментъ онъ вдругъ странно почувствовалъ, что окончательно выздоровѣлъ, и потому блаженно вытянулся на постели. Съ нотой и созерцанiя особенной радостью онъ необычайно отчетливо понялъ, что боленъ онъ былъ не теперь, когда лежалъ, а гораздо раньше, всю свою прежнюю жизнь. Сейчасъ же онъ былъ совершенно здоровъ, потому что ни въ чемъ не сомнѣвался и ничего не искалъ. И это называлось смерть...

Всѣ пожалѣли Гуляева, когда узнали, при какихъ обстоятельствахъ онъ окончилъ свою жизнь: что онъ былъ подобранъ на улицѣ и умеръ одинъ въ больницѣ на рукахъ простой сидѣлки и напутствуемый больничнымъ священникомъ. Все это не вязалось

съ предыдущей жизнью Гуляева и его образомъ мыслей, и оттого всѣ пожалѣли его. И каждый невольно старался представить себѣ всѣ ужасы его одинокой смерти и, содрагаясь, внутренно выражалъ себѣ надежду, что ему, быть можетъ, удастся умереть при болѣе счастливыхъ обстоятельствахъ.

Но врядъ ли эти соображенія имѣли хотя какой-нибудь смыслъ.

УЛИЦА.

Зданья одѣты туманами,
Линіи гаснутъ мучительно,
Люди—какъ призраки странные,
Конки скользятъ такъ таинственно,
Міръ, непонятно пугающій...

Валерій Брюсовъ.

Мнѣ хочется разсказать вамъ, почему улица сдѣлалась для меня съ недавнихъ поръ предметомъ тайныхъ мученій. Улица не въ переносномъ смыслѣ, а въ собственномъ: эти камни, асфальтъ, эти холодные, равнодушные фасады домовъ, эти непроницаемыя, точно умершія, лица случайныхъ прохожихъ. И не какая-нибудь данная улица, а всякая улица вообще, весь этотъ міръ улицъ, въ которой заключило себя современное человѣчество.

Мы довольствуемся банальнымъ и блѣднымъ смысломъ словъ; это произошло оттого, что мы слишкомъ много говоримъ и въ этомъ безпрестанномъ потокѣ рѣчи еле улавливаемъ смыслъ произносимыхъ словъ. Слова служатъ намъ болѣе знаками нашихъ желаній, чѣмъ отражаютъ сущность обозначаемыхъ ими вещей; а такъ какъ желанія наши въ общемъ узки или ничтожны, то естественно, что языкъ нашъ не обладаетъ свойствами ни глубины, ни чуткости. Даже возвышенныя слова, каковы: Богъ, небо, любовь, разумъ и т. п., произносятся нами совершенно безразлично: такъ, говоря о небѣ, мы больше имѣемъ въ виду состояніе погоды; упоминая имя

Божіе, обычно не представляемъ себѣ ровно ничего; говоря о любви, думаемъ о расходахъ; мысль же о разумѣ заставляетъ насъ часто лишь автоматически наморщивать чело.

Что же говорить о такихъ ничтожныхъ предметахъ, какъ столы, стулья, дома, деревья, улицы. О нихъ мы вовсе ничего не думаемъ: мы лишь инстинктивно угадываемъ ихъ присутствіе и, сообразно съ ихъ расположеніемъ и свойствами, согласуемъ свои движенія. Мучительныя тайны вещей ускользаютъ отъ насъ. Вслѣдствіе этого, мы такъ же спокойно ходимъ надъ безднами, какъ мухи по потолку. И только нѣкоторые несчастливцы и безумцы обречены страдать болѣзненнымъ стремленіемъ угадывать тайный смыслъ обыденныхъ словъ и вещей.

Карлейль написалъ свою философію одежды. Я сочувствую ему: я всегда былъ убѣжденъ, что мой сюртукъ нѣчто болѣе важное, чѣмъ одѣяніе для верхней части тѣла. Все, каждый обыденный предметъ возбуждаетъ мое удивленіе и любопытство своимъ существованіемъ. Міръ, окружающій меня, кажется мнѣ какъ бы огромнымъ археологическимъ музеемъ. За нашей одеждой, за нашей утварью мнѣ чудится таинственное присутствіе генія нашей эпохи.

Но едва ли не самое любопытное въ матеріальной обстановкѣ нашей жизни это—фактъ существованія улицъ. Когда я думаю объ улицѣ нашихъ дней (а міръ давно узналъ улицы; вѣроятно, еще со временъ Атлантиды, съ тѣхъ поръ какъ сталъ дѣлить землю и воздухъ), я мысленно притовополагаю ее понятію дома. Тамъ, гдѣ кончается домъ, тамъ вступаетъ въ свои права улица. Это два отдѣльныхъ міра, управляющихся своими особенными совершенно противоположными законами. Домъ — мѣсто, гдѣ всѣ—свои, гдѣ даже приходящіе чужіе разсматриваются, какъ свои. Улица, напротивъ, является мѣстомъ, гдѣ всѣ—чужіе, гдѣ даже свои ведутъ себя другъ съ другомъ, какъ чужіе. Таковъ этикетъ улицы. На улицѣ не смѣются, не плачутъ. На улицѣ проходятъ мимо несчастія, мимо просьбы, мимо радости. Встрѣчаясь другъ съ другомъ, люди смотрятъ одинъ на другого, какъ на пустое мѣсто. Равнодушіе—таковъ этикетъ улицы; холодность—такова ея маска. Если въ вашемъ домѣ кто-либо изъ посѣтившихъ

васъ, даже совершенно постороннихъ, почувствуетъ себя худо, вы обязаны оказать первую помощь. На улицѣ вы хладнокровно проходите мимо; если вы наклонитесь надъ погибающимъ, вы почувствуете, что совершили неловкость: вы нарушили этикетъ улицы. На улицѣ вы болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, далеки отъ людей, даже если бы вокругъ васъ совершалось оживленнѣйшее движеніе.

Домъ и улица—вотъ два культурныхъ устоя, на которыхъ покоится жизнь ветхаго человѣчества, ибо мы живемъ все еще въ ветхомъ завѣтѣ. Блаженное человѣчество грядущихъ когда-то вѣковъ будетъ говорить о насъ, какъ мы теперь говоримъ о людяхъ эпохи свайныхъ построекъ. Его школьники будутъ путать во время отвѣтовъ эпохи Кира, Тамерлана и Китченера и, несмотря на то, будутъ получать удовлетворительный баллъ. Даль вѣковъ сольетъ въ одинъ образъ—Ноя и праведника нашихъ дней. Меньшее разстояніе будетъ раздѣлять Лондонъ и Ниневію, Москву и Геліополисъ, чѣмъ людей будущаго и нашего вѣка, ибо, несмотря на паръ и электричество, на проповѣдь любви и успѣхи наукъ и искусствъ, наши города лишь гигантскіе преемники Рима и Вавилона. Поистинѣ, мы—Новая Атлантида, мы послѣдній обломокъ ветхаго человѣчества.

Можно бы написать цѣлую книгу: «Современное человѣчество въ домахъ и на улицѣ». Несомнѣнно, улица есть порожденіе генія нашей эпохи, который, по преимуществу, есть духъ злобы и одиночества. Только въ его черномъ сердцѣ могла возникнуть идея этой двойственной жизни. Живя другъ съ другомъ, мы всѣ остаемся одинокими. Улица является лишь видимымъ выраженіемъ отдѣльныхъ человѣческихъ одиночествъ, тоскующихъ одно около другого. Фактъ одиночества проходитъ черезъ всю нашу жизнь и пріобрѣтаетъ себѣ внѣшнее выраженіе: улицы раздѣлены на дома, дома—на комнаты и часто даже въ комнатахъ ставятъ ширмы. Мы стремимся прятать другъ отъ друга не только нашу душу, но и лицо.

Мы всѣ живемъ за свой личный страхъ и отвѣтственность, какъ матеріально такъ и духовно. Наша литература есть живое выраженіе этого духовнаго одиночества: каждая книга есть обо-

собленный міръ; чѣмъ она геніальнѣе, тѣмъ болѣе одинока. Наши вожди и пророки не сходятся между собою. Прозорливѣйшіе и мудрѣйшіе изъ насъ насмѣхаются другъ надъ другомъ, упрекая одинъ другого въ тупоуміи. Никогда еще человѣчество, быть можетъ, не уходило такъ далеко въ отдѣльныя свои единицы, никогда еще такъ низко не преклонялось оно предо всѣмъ тѣмъ, что составляетъ его внутреннюю обособленность: я разумѣю современное преклоненіе предъ національзмомъ и индивидуализмомъ.

Наши дни это—дни культа личности и собственности. Личность огораживаетъ себя высокими стѣнами, строитъ себѣ безвыходныя и комфортабельныя темницы, покрытыя сверху крышею, похожею на могильную плиту. А за дверью нашего входа, какъ страшный призракъ, какъ мертвая, равнодушная пропасть, зіяетъ улица, улица, созданная духомъ взаимной нашей ненависти и безучастія.

Вотъ онѣ, ея блистающія, нарядныя плиты; вотъ молчаливо протянувшіяся проволоки, по которымъ спѣшитъ промчаться наше слово; вотъ люди и лошади, торопящіеся вырваться изъ этого міра пустоты, хаоса и одиночества. Горе вамъ, если у васъ нѣтъ дома, если тѣло ваше иззябло или, что еще того хуже, вы внезапно ощутили жажду тепла въ вашей душѣ, если въ нее заползъ змѣею холодъ жизни: остерегитесь тогда стучаться у незнакомыхъ подъѣздовъ, остерегитесь плакать и кричать отъ отчаянія. Идите и плачьте на большихъ дорогахъ. Идите въ лѣса и топи, плачьте у рѣкъ и озеръ, и вы будете скорѣе услышаны...

Каждый разъ, когда сумерки заглядываютъ въ мои окна, я чувствую усиленную пульсацію уличной жизни. Въ это время изъ темныхъ и сырыхъ норъ показывается порокъ. Таковъ этикетъ улицы. Гдѣ больше обманчиваго свѣта газа и электричества, тамъ ходитъ онъ съ нарумяненнымъ, улыбающимся лицомъ. Онъ бездоменъ. Клеймо улицы у него на вороту. Его несчастіе въ томъ, что улица стала для него домомъ, улица, по которой ежедневно проходятъ десятки тысячъ равнодушныхъ ногъ. Его несчастіе въ томъ, что онъ долженъ притворяться не замѣчающимъ этикета улицы. Онъ чувствуетъ протянутыми къ себѣ десятки тысячъ рукъ и улыбается тою улыбкою поощренія, которая мнѣ такъ

часто казалась улыбкой всепрощенія. Съ тоской и тревогой я слушаю этотъ напряженный и страстный пульсъ ночной жизни, и мнѣ чудится, что это пульсируетъ растоптанное на каменныхъ плитахъ сердце человѣка.

Въ эти часы я боюсь выходить на улицу: я, какъ страусъ, малодушно прячу свою голову подъ крыло. Міръ становится для меня тѣсной тюрьмой.

И вотъ въ эти мгновенія въ испуганной душѣ моей возникаетъ образъ зловѣщаго призрака: губительный ужасъ—имя ему. Я слышу его торжествующій ходъ, я вижу отблескъ его кровавой мантіи въ моемъ окнѣ. Мнѣ кажется, что сейчасъ отворятся двери, и кто-то, властный и безсердечный, безмолвно пошлетъ меня въ пустой мракъ.

Тысячекратно блаженъ тотъ, кому не дано въ удѣлъ имѣть сына или дочь. Мнѣ кажется, что въ эти часы унынія лампада невѣрнымъ, коварнымъ блескомъ озаряетъ мой домъ, полный малютокъ, ихъ закрытыя вѣки, ихъ локоны, ихъ тонкія ручки, молящія о защитѣ.

И я не могу ни спать, ни молиться.

Боже, я ропщу, страшно ропщу передъ Твоимъ образомъ. Тяжелыя сомнѣнія ложатся мнѣ въ душу. Все, что Ты заповѣдалъ о лиліяхъ и птицахъ небесныхъ, кажется мнѣ написаннымъ для Золотого вѣка. Зналъ ли Ты о холодныхъ каменныхъ пустыняхъ, о улицахъ, глубокихъ, какъ колодцы?..

Зимняя вьюга ударила мнѣ въ окна мерзлыми крыльями. Далекимъ стономъ звучатъ Твои колокола, о, Боже. Если восходитъ молитва изъ этихъ обледенѣвшихъ стѣнъ до Твоего золотого чертога, то научи меня молиться. Но я боюсь, что тщетно было молиться создателямъ древнихъ пирамидъ, если Ты въ гнѣвѣ Твоемъ положилъ пройти мимо народа-строителя, народа гиганта.

КОРАБЛЬ.

Въ четвертый день восьмой луны старый Ноахъ не спалъ всю ночь, и мы, всѣ его многочисленные домочадцы, слышали, какъ онъ тяжко стоналъ и плакалъ. Никто изъ насъ не смѣлъ спросить его о причинѣ такого внезапнаго безпокойства, такъ какъ онъ запретилъ обращаться къ себѣ съ какими бы то ни было словами. Утромъ, на разсвѣтѣ, онъ разорвалъ на себѣ верхнюю одежду, богатый подарокъ младшей невѣстки Ноамо, отъ ворота до самыхъ полъ, посыпалъ свою сѣдую голову пепломъ, землей и всякими нечистотами и легъ ничкомъ посреди двора.

Никто изъ насъ не зналъ, о чемъ онъ скорбитъ. Всего шесть дней назадъ, пришелъ нашъ южный караванъ, принося съ собою прекраснѣйшую погоду, еще лучшія вѣсти и полные мѣшки золота и серебра. Путешественники расказывали, что, совершивъ сорокадневный путь, они въ первый разъ достигли моря, гдѣ живутъ народы красные, какъ мѣдь, превосходящіе въ ростѣ весь прочій родъ человѣческій на цѣлую голову. Чтобы море, слишкомъ безпокойное у ихъ береговъ, не потопило ихъ богатствъ, они воздвигли гигантскія каменныя насыпи по его берегамъ. Тамъ же наши путешественники видѣли въ первый разъ корабли или дома, созданные руками человѣческими для плаванія по водамъ. Образъ такого корабля, сдѣланный изъ дерева гоферъ, чернаго и неуязвимаго для ударовъ морскихъ волнъ, былъ лучшею диковин-

кою, привезенною ими на этотъ разъ изъ дальняго путешествія. Онъ стоялъ передъ нами, какъ греза, какъ сонное видѣніе или какъ чудная райская птица съ бугряными крыльями, «парусами», какъ ихъ называютъ у кораблей. Остовъ этихъ крылъ былъ также сдѣланъ изъ дерева гоферъ и приводился въ движеніе направо и налѣво при помощи бѣлоснѣжной козьей шерсти, продернутой сквозь блестящія золотыя кольца, подобныя тѣмъ, которыя женщины носятъ въ носу.

Это была, какъ сказано, лучшая изъ новинокъ. Худшая изъ новостей была та, что около тридцати невольниковъ и восьмидесяти верблюдовъ не вынесли трудностей дальняго пути и погибли во время путешествія. Но это была неизбѣжная дань пустынѣ: случалось оплакивать и большее число, но никогда старикъ не скорбѣлъ такимъ образомъ, какъ въ этотъ день. Казалось, что онъ оплакиваетъ гибель всей своей семьи, всѣхъ своихъ стадъ и всего имущества нашего рода.

Такъ лежалъ онъ два дня и двѣ ночи, не вкушая пищи и не поднимая лица отъ земли. На третій день пришелъ его провѣдать его другъ, старый и мудрый Гевелъ, съ которымъ онъ былъ связанъ неразрывными узами дружбы вотъ уже сорокъ девять полныхъ лѣтъ.

— Ноахъ,—сказалъ онъ, — Ноахъ, отчего ты печалишься? Вотъ пришелъ я, твой другъ Гевелъ, который не видалъ тебя цѣлыхъ четыре луны. Ну же, встань, старикъ, потому что скорбь твоя напрасна: я это знаю по звѣздамъ, которыя наблюдалъ всего двѣ ночи тому назадъ. Никогда я еще не видѣлъ звѣздъ благопріятнѣе для смертнаго, если только не лгутъ звѣзды, а онѣ не лгутъ никогда.

Но старикъ не узналъ голоса Гевела и отвѣчалъ:

— Отойди отъ меня, несчастный: мой другъ Гевелъ умеръ два дня назадъ, и тѣло его еще не погребено.

Напрасно увѣрялъ мудрый Гевелъ, что онъ еще здравствуетъ: упрямый старикъ стоялъ на своемъ и горестно оплакивалъ несчастный жребій.

Тогда собрались къ нему всѣ друзья его и привели съ собой лучшихъ врачей изъ города.

— Ноахъ,—звали они его,—Ноахъ. Вотъ мы, всѣ друзья твои, собрались къ тебѣ, чтобы утѣшить тебя и клятвенно засвидѣтельствовать, что живъ твой другъ, Гевелъ и жива душа его.

Но старикъ принялся еще болѣе вопить и плакать, непрестанно возглашая:

— Увы мнѣ. Нѣтъ у меня больше друзей, но всѣ они погибли въ ночь на четырнадцатый день восьмой луны, и тѣла ихъ еще не погребены.

Тогда, по просьбѣ друзей его, приступили къ нему врачи, били въ бубны и литавры надъ ушами его и курили крѣпкими куреніями у ноздрей его, чтобы отогнать отъ его головы духъ безумія. Но когда всѣ средства медицинской науки оказались исчерпанными и тщетными, друзья поднялись со своихъ мѣстъ, разорвали въ горести одежды свои и, посыпавъ себѣ головы прахомъ, взятымъ изъ-подъ ногъ его, удалились.

А мудрый Гевелъ въ ярости проклялъ искусство звѣздъ и, богохульствуя, смѣялся надъ тѣми, кто вѣритъ въ разумность ихъ путей.

Когда же ушли они всѣ, тогда вскорѣ поднялся старикъ и сѣлъ. И всѣ подивились странному выраженію его лица, ибо глаза его смотрѣли ясно и непреклонно. Казалось, онъ выплакалъ изъ сердца всю свою скорбь и теперь походилъ больше на демона, чѣмъ на обыкновеннаго смертнаго.

— Дѣти мои и внуки мои, — сказалъ онъ, обращаясь къ намъ:—два дня промедлилъ я въ безполезной скорби. Намъ нужно пойти въ горы Гаваона, гдѣ растетъ въ изобиліи дерево гоферъ, и попытаться сдѣлать то, что надлежитъ.

Потомъ онъ всталъ, опираясь на наши плечи, и всѣ замѣтили, что онъ, при видѣ проходящихъ невольниковъ, отвращался или сурово поникалъ головой. И это опять всѣхъ удивляло, потому что въ прежнее время онъ всегда былъ привѣтливъ со своими домочадцами.

Итакъ, на семнадцатый день восьмой луны мы отправились всей семьей въ горы. Старикъ самъ выбиралъ мѣсто на одной изъ высотъ Гаваона, откуда былъ отчетливо виденъ весь городъ, а также нашъ домъ, стоявшій среди изгородей для скота и садовъ

Тамъ приказалъ онъ рубить странный деревянный остовъ, похожій на исполинскій остовъ огромнаго звѣря—хребтомъ внизъ, ребрами вверхъ. Мы не смѣли ему противиться, ибо онъ распоряжался, какъ разумный, грозя проклятіями всякому, кто осмѣлился бы возражать.

Мы рубили всѣмъ родомъ, семейные и рабы. На четвертый день десятой луны всѣмъ стало ясно, что на высотахъ Гаваона мы рубимъ корабль, исполинскій корабль на разстояніи сорока дней пути отъ моря.

Тогда невѣстка Одо стала смѣяться надъ мужчинами, говоря:

— Развѣ вы не видите, что онъ потерялъ разсудокъ. Не думаете ли вы вмѣстѣ съ нимъ плыть по воздуху отъ вершины къ вершинѣ. Лучше я стану плясать на похоронахъ моей матери и издѣваться надъ прахомъ моего отца, чѣмъ ежедневно таскать вамъ изъ города пищу. Идите, если хотите, сами стряпайте и дойте коровъ.

И ушла, взявъ съ собой своего малолѣтняго сына.

Тогда проклялъ ее Ноахъ страшнымъ проклятіемъ смерти, а мы,—мы продолжали работать.

Съ невѣроятными усиліями мы тесали доски изъ дерева гоферъ, чернаго какъ смола и крѣпкаго какъ мѣдь. Мы обшивали безконечные борта чудовища, которое имѣло въ длину триста локтей, въ ширину пятьдесятъ и въ высоту тридцать. Между тѣмъ наши жены, наложницы и рабыни ткали наводящіе уныніе своими размѣрами багряные паруса. Дни и ночи ткали онѣ, проливая слезы, и весь нашъ домъ былъ полонъ стенаній и плача, какъ бы послѣ пожара.

Но время летѣло. Уже старикъ, упорно преданный своей безумной, какъ казалось, мечтѣ, приказалъ смолить изнутри и снаружи трижды омытое нашими слезами проклятое чрево чудовища, и огни нашихъ костровъ начали привлекать любопытныхъ изъ города цѣлыми толпами. Вмѣстѣ съ насмѣшками въ насъ летѣли плевки и каменья. Но старикъ, казалось, ничего не замѣчалъ. Взоръ его, увѣренный и ясный, былъ обращенъ какъ бы внутрь, въ глубину собственныхъ мыслей.

Едва мы начали утверждать огромную мачту, какъ онъ устремилъ свою работу на пріобрѣтеніе такихъ вещей, какъ-будто намъ предстояло далекое плаваніе. Онъ запасалъ одежды, утварь, луки, стрѣлы и всякую живность. Даже голуби и пѣвчія птицы служили ему предметомъ особенныхъ заботъ. Казалось, онъ хотѣлъ помѣстить въ своемъ кораблѣ весь міръ, чтобы затѣмъ ринуться въ голубыя пространства неба, не испытывая больше необходимости въ землѣ.

Когда чудовище было готово и возвышалось надъ городомъ, подобно сказочной птицѣ, и нами всѣми начала овладѣвать невольная, смутно-растущая увѣренность въ разумности дѣйствій старика,—онъ приказалъ достать луки и выразилъ желаніе попробовать ихъ силу и мѣткость.

Угрюмо нахмурвъ брови, онъ положилъ стрѣлу и пустилъ ее прямо въ толпу любопытно взиравшихъ на насъ невольниковъ: стрѣла попала прямо въ гортань любимѣйшаго изъ его слугъ, старика Ерода: несчастный упалъ и тутъ же въ мукахъ скончался.

— Это лукъ хорошій,—одобрительно замѣтилъ старикъ, и ни одинъ мускулъ не пошевелился на его лицѣ,—пробуйте остальные.

При этихъ словахъ толпа нашихъ невольниковъ со стономъ и плачемъ разбѣжалась въ стороны. Повинуясь непонятному влеченію, мы подхватили луки и издали поражали бѣгущихъ.

— Теперь они знаютъ силу нашихъ луковъ и мѣткость глазъ,—одобрительно сказалъ старикъ и приказалъ намъ, запасшись факелами, итти за нимъ къ дому.

Когда мы спускались съ горъ, тучи странныхъ темныхъ испареній поднимались отъ земли надъ горизонтомъ.

— Зажигайте ваши факелы! — крикнулъ онъ повелительно, когда мы приблизились къ колыбели нашего дѣтства.—Возьмите на память, что вамъ дорого, ибо все остальное должно погибнуть въ пламени.

И пока каждый изъ насъ раздумывалъ, что намъ особенно дорого, онъ первый бросилъ факелъ въ свою опочивальню. Мы послѣдовали его примѣру, потому что намъ былъ дорогъ здѣсь каждый гвоздь, мила сердцу каждая доска. Отвѣтомъ намъ послужилъ дикій, раздирающій сердце вопль невѣстки Одо.

— Безумцы! — кричала она, — поднявшіе руку на плоть и кровь вашу. Убійцы, проклятые Богомъ.

Дымъ и трескъ рухнувшей кровли родимаго гнѣзда заглушилъ ея вопли и нѣжный плачъ ея младенца.

Коровы, овцы и козы безпокойно заблеяли въ своихъ оградахъ, и онъ приказалъ освободить ихъ. То же мы сдѣлали и съ лошадьми. При блескѣ кроваваго зарева обезумѣвшія животныя съ жалобными криками бѣгали вокругъ пожарища или, охваченныя слѣпымъ ужасомъ, мчались въ горы.

— Пойдемте,—сказалъ Ноахъ.

И мы, унылые, съ проклятьемъ въ сердцѣ, побрели за нимъ къ кораблю, откуда къ намъ доносился стонъ и плачъ нашихъ женщинъ и дѣтей.

Между тѣмъ, ночное небо облегли мрачныя тучи, и блистала зловѣщая молнія. Издали доносился вой волковъ и шакаловъ, вѣроятно, потревоженныхъ освобожденнымъ скотомъ.

Тогда старикъ, прислушавшись, приказалъ изготовить луки и стрѣлы и быть всѣмъ насторожѣ. Со стономъ наполнили женщины верхнее помѣщеніе корабля, плотно закрытое отъ дождя и вѣтра остроконечно-деревянной кровлей. Никто не хотѣлъ больше молчать, но всѣ выражали вслухъ свое отчаяніе. Ужасъ смерти пересиливалъ страхъ передъ проклятіемъ. Мужчины шопотомъ говорили между собою.

— Чего мы ждемъ? Развѣ еще не ясно, что онъ—безумный? Пойдемъ, спасемъ, что еще возможно, отъ стадъ и табуновъ нашихъ, такъ какъ мы лишились всѣхъ остальныхъ богатствъ и даже невольниковъ, и весь нашъ родъ ожидаетъ неминуемая и скорая гибель.

Въ это время на подъемѣ горы показалась тѣнь человѣка.

Это шелъ мудрый Гевелъ.

Онъ шелъ, не заботясь о красотѣ своего платья, которое трепалъ порывистый вѣтеръ начинавшейся бури, и прахъ изъ-подъ его ногъ слѣпилъ ему глаза.

— Ноахъ!—крикнулъ онъ,—Ноахъ!

Но старикъ не отвѣчалъ ничего и велѣлъ подать себѣ лукъ.

— Ноахъ!—крикнулъ еще разъ Гевелъ:—Я вѣрю теперь, что

ты мудръ и святъ. Вспомни, что мы были съ тобой друзьями сорокъ девять полныхъ лѣтъ. Неужели ты оттолкнешь отъ себя друга и его семью въ несчастіи. О, если бы я зналъ, я бы тысячу тысячъ разъ послѣдовалъ твоему примѣру.

Тутъ увидѣли мы, что за нимъ поднимаются въ гору его рабы и повозки. Женщины, взывая о помощи, простирали къ намъ руки.

Вмѣсто отвѣта, старикъ натянулъ лукъ и пустилъ ему стрѣлу прямо въ сердце.

Мудрый Гевелъ упалъ.

— Держитесь теперь!—сказалъ намъ Ноахъ.—Видите, какая наступаетъ ночь. Эта ночь послѣдняя для міра. Они хотѣли бы завладѣть нашимъ кораблемъ. Но мы не можемъ ихъ принять, ибо у насъ нѣтъ лишняго мѣста. Вслѣдъ за ними придутъ и другіе.

Не успѣлъ онъ произнести какъ слѣдуетъ этихъ послѣднихъ словъ, какъ нестройныя толпы бѣглецовъ, преслѣдуемые непонятною для насъ опасностью, съ дикими воплями со всѣхъ сторонъ устремились къ кораблю. Никто изъ насъ не подумалъ въ это мгновенье объ общемъ планѣ обороны, но каждый заботился лишь о томъ, чтобы его лукъ и стрѣлы не оставались праздными. Какъ по командѣ, мы натягивали звонкія тетивы и безпощадно сѣяли смерть въ рядахъ несчастныхъ. Сердца наши были безчувственны, какъ камень, и руки тверды, какъ мѣдь.

Между тѣмъ на смѣну упавшимъ бѣжали новыя толпы. Среди человѣческихъ лицъ при трепетномъ свѣтѣ факеловъ—тамъ и сямъ мелькали искаженныя предсмертнымъ страхомъ отвратительныя пасти лѣсныхъ чудовищъ.

Скоро луки оказались безсильными, и старикъ приказалъ стоявшимъ у оконъ вооружиться баграми и топорами.

Тутъ долетѣлъ до насъ протяжный и заунывный кличъ словно вой шакала среди мертваго затишья кладбища:

— Вода!

Невольно мы обратились въ сторону города. Зрѣлище, которое представилось нашимъ глазамъ, было такъ нестерпимо ужасно, что багры и топоры выпали изъ рукъ нашихъ.

Города не было видно, ибо была черная ночь, и о томъ мѣстѣ, гдѣ былъ городъ, можно было судить только по безчисленнымъ

переливающимся огнямъ. И вотъ городъ погасалъ, подобно гигантскому костру, медленно заливаемому невидимой влагой. Скоро надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ были огни, простерлась черная непроницаемая мгла...

...Люди уже не думали о спасенiи: единственной заботой ихъ была возможно скорая смерть.

И вмѣстѣ съ отчаянiемъ росъ надъ толпою одинъ грозный кличъ:

— Вода!

Дѣйствительно вода приближалась. Но она мало походила на воду: черная и теплая, какъ сгустившаяся кровь, она тускло отражала дробный свѣтъ нашихъ факеловъ. Надъ ней клубились тяжелыя испаренiя, отъ которыхъ внезапно сперло наше дыханiе. Многочисленные древесные стволы и длинные стебли невиданныхъ до тѣхъ поръ нами водорослей колыхались здѣсь и тамъ.

Старикъ приказалъ крѣпко задѣлать нижнiе окна и двери, и, едва мы поспѣли это выполнить, какъ чудовище, обрызганное кровью, дрогнуло всѣмъ своимъ тяжело нагруженнымъ чревомъ и тихо накренилось. Еще одно мгновенiе, и мы закружились, увлекаемые ужаснымъ водоворотомъ въ безвѣстную даль.

И, словно по воздуху, мы плыли надъ мертвыми долинами, о т ъ в е р ш и н ы к ъ в е р ш и н ѣ, мы, безумцы, которые теперь побѣдили мiръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

BINDING SECT. SEP 2 1976

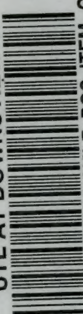
PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

(91)

PG 3470 S27A75 1918

Samygin, Mikhail vladimirovich
Angel strakha

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 10 18 06 08 005 8